

Παράδειγμα

Парадигма

Paradigma

Ελεκτροννο
ναυчно
σπινσание

№2 2026

Часть 3

Парадигма

Електронно
научно списание

БРОЙ 2/2026
Часть 3

Издатель:
"ЦЕНТЪР ЗА НАУЧНИ
ИЗСЛЕДВАНИЯ И
ИНФОРМАЦИЯ
"ПАРАДИГМА" ЕООД
БЪЛГАРИЯ, гр. Варна
9002,
р-н Одесос, ул.
Опълченска No 27
E-mail:
niiparadigma@gmail.com

www.paradigma.science

ISSN 2367-8658

Договори на размещение:

eLIBRARY.RU
CYBERLENINKA

Публикационна политика:

Редакционен съвет

Абакаров Д. К., к.с.н. (г. Брянск, Россия); **Анжиганова Л. В.**, д.ф.н., профессор (г. Абакан, Россия); **Антамошкин А. Н.**, д.т.н., профессор (г. Красноярск, Россия); **Арпентьева М. Р.**, д. психол. наук, доцент, член-корреспондент РАЕ академик МАЕ (г. Калуга, Россия); **Багоцкий С. В.**, к.б.н., доцент МИОО, ученый секретарь Московского общества испытателей природы (г. Москва, Россия); **Белобрыкина О. А.**, к.психол.н., доцент, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (г. Новосибирск, Россия); **Блюмин С. Л.**, д.ф.-м.н., профессор (г. Липецк, Россия); **Бобкова Е. Ю.**, к.пед.н., доцент (г. Самара, Россия); **Валитова И. Е.**, к.пс.н., (г. Брест, Республика Беларусь); **Галкина А. И.**, с.н.с., начальник отдела ФГБНУ "ИУО РАО", руководитель Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование», почетный работник науки и техники РФ (г. Москва, Россия); **Галчева К. Б.**, доцент, доктор по педагогика Пловдивски университет „П.Хилендарски“ (г. Пловдив, Республика България); **Заславский А. А.**, к. пед. наук, доцент, (г. Москва, Россия); **Заславская О. Ю.**, д.пед.н., профессор; **Землянухина Н. С.**, д.э.н., профессор (г. Саратов, Россия); **Землянухина С. Г.**, д.э.н., профессор (г. Саратов, Россия); **Ищанова Г. Т.**, к.э.н., (г. Алматы, Казахстан); **Капрусова М. Н.**, к.ф.н., доцент (г. Борисоглебск, Россия); **Костригин А. А** (г. Нижний Новгород, Россия); **Кошенова М. И.**, к.пс.н., доцент, зав.каф. социальной психологии и виктимологии (г. Новосибирск, Россия); **Кравец О. Я.**, д.т.н., профессор (г. Воронеж, Россия); **Магсумов Т. А.**, к.и.н., доцент (г. Набережные Челны, Россия); **Няголова М. Д.**, канд. психол. наук, доцент истории психологии Великотърновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия (г. Велико Търново, Республика България); **Останков А. В.**, д.т.н., профессор (г. Воронеж, Россия); **Перова М. Б.**, д.э.н., профессор (г. Вологда, Россия); **Поляков Ю. А.**, к.т.н., доцент, (г. Москва, Россия); **Садчиков А. П.**, д.б.н., профессор Международного биотехнологического центра МГУ имени М.В.Ломоносова, вице-президент Московского общества испытателей природы (г. Москва, Россия); **Саенко Л. В.**, к.ю.н., доцент (г. Саратов, Россия); **Седов В. А.**, к.ф.-м.н., доцент, заведующий кафедрой теоретических основ электротехники (г. Владивосток, Россия); **Седова Н. А.**, к.т.н., доцент (г. Владивосток, Россия); **Семенютина А. В.**, д.с.-х.н., зав. отделом биологии древесных растений ВНИАЛМИ (г. Волгоград, Россия); **Сидоровнин Г. П.**, директор Европейского Стольпинского инфоцентра (г. Майнц, Германия); **Соловьева А. Г.**, к.б.н., профессор РАЕ, с.н.с. (г. Нижний Новгород, Россия); **Суркова И. Ю.**, д. социол. н., доцент (г. Саратов, Россия); **Терехова А. А.** к.пед.н. (г. Самара, Россия), **Трендафилова А. Т.**, ассистент Факультета общественного здоровья Медицинский университет-София (г. София, республика България); **Фурсов А. Л.**, к.э.н., директор научно-исследовательского института «Парадигма» (г. Саратов, Россия); **Хусяинов Т. М** (г. Нижний Новгород, Россия)

Главен редактор

Андрей Фурсов

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО

УДК 338.45

Рамазанова Б. Р.

*Научный руководитель: Магомедов А. М., к.э.н., профессор
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия*

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Аннотация. В статье представлен анализ текущего состояния животноводческой отрасли Республики Дагестан. Выявлен ряд позитивных тенденций, таких как стабилизация и последующее увеличение объемов производства продукции, а также рост поголовья сельскохозяйственных животных и повышение их продуктивности. Эти показатели свидетельствуют о наличии определенного потенциала и усилий, направленных на развитие сектора. Анализ также установил существенное снижение такого важного экономического показателя, как темп роста производства продукции, что создает серьезные опасения относительно долгосрочного и устойчивого развития отрасли. Предлагается комплекс мер, охватывающих стратегическое планирование, инновации, кооперацию, развитие инфраструктуры и человеческого капитала, способный обеспечить высокие темпы роста животноводства в регионе.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, животноводство, инвестиции, продуктивность, Республика Дагестан

Введение. В условиях нарастающих международных экономических ограничений, перед сектором животноводства остро встает задача укрепления самодостаточности по ключевым видам продукции. Это непреложное условие требует глубокой модернизации аграрной экономики и комплексного развития сельских территорий. Республика Дагестан, чья экономика исторически тесно связана с животноводством, находится в эпицентре этих вызовов. Высокая доля аграрного сектора в валовом региональном продукте (18,5%) не только подчеркивает его стратегическую важность, но и его глубокое социальное и политическое значение для республики. Несмотря на существующие трудности, последние десять лет ознаменовались для Дагестана уверенным ростом объемов сельскохозяйственного производства, что является позитивным фактором для укрепления продовольственной безопасности региона и повышения уровня самообеспеченности основными видами продовольствия.

Целью исследования является выявление основных показателей состояния животноводства Республики Дагестан и обозначение перспектив его развития.

Основная часть. Несмотря на сложные макроэкономические условия, аграрный сектор Республики Дагестан за последние годы демонстрирует существенный рост объемов производства.

За 2015-2024 гг. здесь сохраняется положительная динамика развития аграрного сектора (таблица 1).

Таблица 1. Динамика производства продукции сельского хозяйства сельского хозяйства в Республике Дагестан, млн. руб.

Показатель	Годы						2024г. к 2015г. (раз)
	2015	2020	2021	2022	2023	2024	
Продукция сельского хозяйства, всего	95,0	154,9	166,1	188,3	222,9	253,4	2,6
в том числе: животноводство	50,2	82,1	84,0	95,4	116,5	119,7	2,4

Источник: Дагестанстат: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство [Электронный ресурс]. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/selhoz>

Ключевым драйвером экономики региона выступает животноводство, на долю которого приходится более 58% валовой продукции сельского хозяйства. Общий объем производства продукции сельского хозяйства в 2024 году достиг внушительной цифры в 253,4 млрд. рублей, что в 2,6 раза превышает показатель 2015 года. При этом продукция животноводства составила 119,7 млрд. рублей, продемонстрировав рост в 2,4 раза.

На 2024-2025 годы аграрный сектор продолжает демонстрировать устойчивый рост, что подтверждается индексом производства на уровне 102,1% [4]. Положительные тенденции за анализируемый период свидетельствуют о последовательной реализации государственной аграрной политики в регионе, направленной на наращивание объемов производства. Этот рост, хотя и является позитивным сигналом, контрастирует с существенным снижением темпов роста производства, которое наблюдалось ранее. В частности, по продукции сельского хозяйства темп роста снизился на 85,9 п.п., а в животноводстве падение оказалось еще более резким – на 101,1 процентных пункта.

Значительный спад производства произошел в 2020 году, однако с 2021-2022 годов наметилась новая тенденция – медленный, но стабильный рост производства. Этот восстановительный период позволил аграрному сектору вернуться к положительной динамике. Вместе с тем, объем производства сельскохозяйственной продукции в натуральном выражении ежегодно увеличивается, что говорит о наращивании физических объемов выпускаемой продукции. Данные тенденции подчеркивают как успехи в реализации

политики, направленной на увеличение производства, так и необходимость анализа причин резкого замедления темпов роста в предыдущие периоды для обеспечения устойчивого и динамичного развития отрасли в будущем.

Так, за 2015-2024 гг. прирост производства мяса составил 21,7%, молока - 15,8%, яиц - 7,4 процента (таблица 2).

Таблица 2. Динамика производства основных продуктов животноводства в Республике Дагестан (в хозяйствах всех категорий), тыс. тонн.

Продукция	Годы						2024г. к 2015 г. (в %, раз)
	2015	2020	2021	2022	2023	2024	
Животноводство							
Скот и птица (в убойном весе)	125,6	182,2	252,5	251,1	252,9	271,2	в 2,1 раза
Молоко	820,2	932,1	935,5	940,1	949,9	966,7	117,8
Яйца, млн штук	230,0	242,8	238,9	252,0	247,0	252,5	109,7

Источник: Динамика объема продукции сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: [https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%0%B3.%D0%B3.\(8\).pdf](https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%0%B3.%D0%B3.(8).pdf)

Анализ самообеспеченности продовольствием показал, что максимальный уровень отмечается практически по всем видам (таблица 3).

Таблица 3. Уровень самообеспечения продовольствием в Республике Дагестан, %

Продукция	Годы						Критерий Доктрины
	2015	2020	2021	2022	2023	2024	
Мясо	95,1	96,3	99,7	96,1	94,3	96,1	85
Молоко	98,8	101,6	101,7	100,5	98,6	99,2	90
Яйца	46,2	43,5	44,4	43,8	40,3	41,4	-

Источник: Оздемиров, А. А. Регионально ориентированные стратегии повышения эффективности мясного и молочного животноводства в России: опыт Дагестана и Татарстана (2011-2022 гг.) / А. А. Оздемиров, Е. О. Крупин // Аграрный вестник Северного Кавказа. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 38

Республика Дагестана, республика продолжает оставаться зависимой от импорта молочной продукции и птичьих яиц. Основными поставщиками этих товаров выступают как другие регионы Российской Федерации, так и зарубежные страны – Беларусь, Турция, Иран и Азербайджан. На наш взгляд, данная ситуация коренится в недостаточном развитии в Дагестане как агрологистических центров, так и современных перерабатывающих предприятий. Это, в свою очередь, зачастую приводит к тому, что местная сельскохозяйственная продукция вывозится за пределы республики для

последующей переработки, упуская тем самым потенциал для создания добавленной стоимости на месте.

Тем не менее, экономическая роль сельского хозяйства Дагестана неоспорима, что подтверждается устойчивыми успехами в ряде ключевых подотраслей. Эти достижения создают прочную основу для дальнейшего импортозамещения и укрепления продовольственной безопасности региона. Животноводство, являясь ведущей отраслью сельского хозяйства республики с долей в 52,2% от валовой продукции, не только занимает лидирующие позиции сегодня, но и, согласно прогнозам, сохранит свое главенствующее положение в будущем, что подчеркивает его стратегическую важность для дагестанской экономики [5, с.41].

Регион может похвастаться обширной и многообразной животноводческой базой. Важнейшее место в ней занимают мелкие жвачные животные: здесь содержится около 4,8 миллиона овец и коз, что составляет более пятой части (21%) всего общероссийского поголовья. Параллельно активно развивается мясное и молочное скотоводство: зарегистрировано порядка 930,4 тысячи голов крупного рогатого скота, включая значительное число продуктивных коров — 483 тысячи. Завершает картину масштабного животноводческого комплекса крупное поголовье птиц – 4,2 миллиона, что говорит о разностороннем развитии отрасли в регионе.

Овцеводство, будучи исторически основополагающей отраслью, продолжает занимать ключевое место в агропромышленном комплексе Республики Дагестан. Осознавая свой потенциал, регион активно работает над увеличением экспортных возможностей мясной продукции. В рамках реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК», Дагестан целенаправленно наращивает объемы производства баранины. Годовой объем производства на сегодняшний день составляет около 75 тыс. тонн в живом весе. При этом, более 15 тыс. тонн (что составляет 20% от общего объема) направляется за пределы республики. Эта продукция поступает как на внутренний российский рынок, так и экспортируется ключевым международным партнерам, включая Иран, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан и Грузию, подтверждая стратегическую важность дагестанской баранины на глобальной арене [1, с.56].

Особый научно-практический интерес представляет сопоставление модели животноводства Дагестана с показателями других аграрных субъектов, в частности Республики Татарстан. Исследовательская работа А. А. Оздемирова и Е. О. Крупина подчеркивает наличие глубоких, системных различий в векторах развития этих регионов. Основным маркером этой диверсификации выступает структура стада. В Дагестане в составе поголовья сельскохозяйственных предприятий превалирует маточное стадо мелкого рогатого скота (овец и коз), что подтверждает приверженность региона традиционному экстенсивному пастбищному хозяйствованию. В Татарстане,

напротив, ключевая роль отведена крупному рогатому скоту и молодняку КРС, что свидетельствует об ориентации на интенсивные методы производства молока и мяса.

Столь явные структурные расхождения не носят случайного характера, а являются следствием адаптации к природно-географическим и экономическим реалиям. Ландшафтная специфика Дагестана, где около 86% территории представлено пастбищными угодьями, в совокупности с многовековой практикой отгонного скотоводства, предопределила доминирование овцеводства. С другой стороны, богатый земельный фонд и умеренный климат Татарстана создают оптимальную среду для функционирования высокотехнологичного молочного скотоводства.

Статистический анализ абсолютных величин наглядно иллюстрирует эту специализацию: в сегменте крупного рогатого скота лидерство удерживает Татарстан, где численность коров почти в 3,7 раза выше, чем в Дагестане.

В сфере животноводства Дагестан демонстрирует неоспоримое лидерство по мелкому рогатому скоту (МРС), превосходя Татарстан по количеству маток овец в 138 раз и коз – в 11,8 раза. Эти впечатляющие показатели подчеркивают глубокую межрегиональную специализацию: экономика Дагестана неразрывно связана с разведением МРС, в то время как Татарстан прочно зарекомендовал себя как крупный центр производства продукции крупного рогатого скота (КРС).

Специфика кормления сельскохозяйственных животных, особенно в молочном животноводстве, существенно различается между регионами, что напрямую сказывается на продуктивности стада. В Дагестане рационы в основном состоят из грубых кормов (52-53%), с меньшим включением концентратов (39%) и сочных кормов (8%). Такая структура рациона характерна для экстенсивных систем кормления, где преобладают доступные, но менее питательные корма, что, вероятно, обусловлено ограниченной доступностью концентратов.

В отличие от этого, в Татарстане применяется гораздо более интенсивный тип кормления. Рационы сбалансированы с явным преобладанием концентратов (48,5%), значительной долей сочных кормов (27%, в основном силос) и относительно небольшой долей грубых кормов (24%). Этот подход, ориентированный на легкопереваримые и высокоэнергетические компоненты, такие как комбикорма и зерно, призван обеспечить высокие удои молока. Доля концентратов в Татарстане (48,5%) приближается к оптимальным показателям для современных высокопродуктивных молочных ферм (40-50% сухого вещества), что свидетельствует о стремлении к максимальной эффективности производства.

Экономический анализ кормовой эффективности демонстрирует существенные различия в рентабельности экстенсивных и интенсивных методов откорма скота в Дагестане и Татарстане. В Дагестане, несмотря на

более низкую себестоимость кормов, экстенсивная модель откорма крупного рогатого скота и баранины приносит условную прибыль в размере 430 и 386,7 рублей за килограмм прироста соответственно. Однако, в Республике Татарстан, где цены реализации продукции значительно выше, а корма, хоть и дороже, используются более эффективно, интенсивное кормление обеспечивает впечатляющую условную прибыль в 485,59 рублей за килограмм прироста для КРС и 646,83 рублей для баранины. [5, с.41]

Этот контраст подчеркивает, что интенсивный тип кормления, даже при более высоких затратах на корма, оказывается значительно более рентабельным (+13% для КРС и +67% для баранины) по сравнению с экстенсивным. Данные свидетельствуют о том, что ключевыми факторами, определяющими экономическую эффективность, являются не только цена кормов, но и, что еще более важно, эффективность их конверсии в продукцию (FCR) и уровень цен реализации. Даже небольшое увеличение продуктивности или цены реализации при умеренно худших показателях FCR может привести к существенному росту прибыли. Таким образом, для достижения устойчивой экономической выгоды в животноводстве необходимо комплексное решение, включающее оптимизацию структуры рационов, повышение конверсии кормов и обеспечение эффективных каналов сбыта продукции.

Молочная продуктивность коров в Татарстане значительно превосходит показатели Дагестана, однако этот разрыв постепенно сокращается. За исследуемый период средний надой на корову в Татарстане (5522 кг/год) более чем в 2,5 раза превышал дагестанский показатель (2188 кг). Несмотря на то, что ежегодный прирост надоев в Татарстане составил +240 кг/год, а в Дагестане – +163 кг/год, что в относительном выражении означает 30% и 70% роста соответственно за десятилетие, Дагестан остается далеко позади. Даже при достижении 2,2 тонны на корову, этот результат существенно ниже среднего по стране (8,2 т) и показателей передовых хозяйств Татарстана (7-7,5 т). [5, с.42]

Основными причинами низкой продуктивности в Дагестане являются экстенсивные технологии и проблемы с кормлением. Это включает в себя крайне низкий уровень механизации доения, слабую племенную работу, непостоянное качество кормов и длительный пастбищный выпас. Последний фактор приводит к тому, что значительная часть энергии коров расходуется на поддержание жизнедеятельности, а не на производство молока. Кроме того, породный состав играет важную роль: в Дагестане преобладают местные породы, адаптированные к пастбищам и имеющие комбинированное или мясо-молочное направление, которые не отличаются высокими надоями. В то же время, Татарстан в последние десятилетия активно завозил высокопродуктивных племенных нетелей, таких как голштинизированный скот, способный давать 20-25 литров молока в день при интенсивном кормлении.

При общем низком уровне продуктивности, простое изменение процентного соотношения кормов не приводит к ощутимому увеличению надоев. Прежде всего, необходимо повысить общий объем и качество кормления, а также улучшить породный потенциал животных.

Региональные различия также заметны в мясной продуктивности. В Татарстане в среднем на одну условную голову крупного рогатого скота (КРС) выращивалось на 34% больше живого веса, чем в Дагестане, а по мелкому скоту – на 35% больше. Это свидетельствует о более высокой эффективности откорма в Татарстане, обусловленной применением интенсивных технологий и использованием пород с высокой мясной продуктивностью. В то же время, в Дагестане значительная часть скота содержится экстенсивно на пастбищах, что приводит к более низким среднесуточным привесам. [7, с.406]

Заключение. Подводя итог, можно утверждать, что животноводческий сектор республики обладает значительным внутренним и экспортным потенциалом, который требует дальнейшего усиления. Для его полной реализации критически важно сохранение и наращивание темпов государственной поддержки, стимулирующей расширение сельскохозяйственного производства.

В ответ на современные экономические вызовы предлагается комплексная стратегия модернизации отрасли, базирующаяся на нескольких стратегических приоритетах, таких, например, как районная специализация и стратегическое планирование. Дифференцированный подход позволит максимально эффективно использовать локальные ресурсы и адаптировать управленческие решения под уникальные нужды каждого района.

Другим важнейшим приоритетом является технологический суверенитет и инновации, что предполагает формирование соответствующей технологической платформы в регионе.

В-третьих, укрепление кооперативных связей между производителями и переработчиками будет способствовать формированию в регионе вертикально-интегрированных объединений полного цикла, что позволит оптимизировать всю производственно-сбытовую цепочку. Параллельно, развитие сельских территорий, включая создание благоприятных социально-бытовых условий, особенно в горных районах, и формирование соответствующей институциональной среды, привлечет частные инвестиции и будет способствовать реализации наиболее эффективных проектов [5, с.47].

Только совокупность этих мер, охватывающих стратегическое планирование, инновации, кооперацию, развитие инфраструктуры и человеческого капитала, способна обеспечить высокие темпы экономического роста и эффективное развитие животноводства в Республике Дагестан.

Список литературы:

1. Абдулмуслимов, А. М. Состояние отрасли овцеводства Республики Дагестан / А. М. Абдулмуслимов, Х. А. Амерханов, Ю. А. Юлдашбаев // Международный журнал аграрной науки и образования. – 2024. – № 1(1). – С. 51-57.
2. Динамика объема продукции сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: [https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%0%B3.%D0%B3.\(8\).pdf](https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%0%B3.%D0%B3.(8).pdf)
3. Динамика поголовья скота в хозяйствах всех категорий [Электронный ресурс]. URL: [https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%0%B3.\(5\).pdf](https://05.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%0%B3.(5).pdf)
4. Индекс производства сельхозпродукции в Дагестане по итогам десяти месяцев составил 102,1% [Электронный ресурс]. URL: https://e-dag.ru/news_main/19357
5. Оздемиров, А. А. Регионально ориентированные стратегии повышения эффективности мясного и молочного животноводства в России: опыт Дагестана и Татарстана (2011-2022 гг.) / А. А. Оздемиров, Е. О. Крупин // Аграрный вестник Северного Кавказа. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 37-52.
6. Дагестанстат: Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство [Электронный ресурс]. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/selhoz>
7. Тамаева, А. М. Развитие сферы животноводства в республике Дагестан: влияние на экономику региона / А. М. Тамаева // Наукосфера. – 2024. – № 4-2. – С. 404-408.

УДК 631.43

Хуако А. А., Осипов А. В.

*Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар,
Россия*

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЧВЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СЕЛЕКЦИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Аннотация: Физические характеристики почвы, такие как структура, пористость, плотность, текстура, водный режим играют очень важную роль в росте и развитии сельскохозяйственных культур. В статье рассматривается анализ физических характеристик почв на любых участках земли и рассчитывается их влияния на рост, развития, урожайность культур в абсолютно разных условиях. Исследуется воздействия структуры почвы на прорастания семян и развития корневой системы, а также влияния всех основных структур на доступность важных питательных веществ, аэрацию и устойчивости воды. Результаты имеют важное значение для селекционеров и фермеров, потому что они дают научную возможность для адаптации культур к различным почвенным условиям и совершенствованием физических характеристик почвы. Результаты и исследование данной темы поможет оптимизировать подбор культур и методы управления почвой, что будет способствовать повышению устойчивости сельского хозяйства и продовольственной безопасности.

Ключевые слова: структура почвы, сельскохозяйственные культуры, рост и развитие растений, урожайность культур, продовольственная безопасность.

Почва – поверхностный слой земли, измененный в результате сельскохозяйственной деятельности. Она состоит из различных компонентов, таких как: песок, воздух, глина и вода. Воздух и вода – это жидкая ее часть, глина и песок – твердая часть. От содержания различных элементов в почве будет произрастать плодородие. Плодородие играет важнейшую роль в свойствах почвы. Почва играет основополагающую роль в сельском хозяйстве. Прежде всего она является основой для производства продуктов питания и иных сельскохозяйственных товаров. Она обеспечивает растения питательными веществами, содержит: азот, фосфор, калий и другие не менее важные вещества, дающие развитие и рост растениям. Также поддерживает растение, обеспечивая ему механическую опору, при этом позволяет им поглощать воду и все необходимые вещества. Почва удерживает воду, давая растению влагу, особенно в сухие периоды. Регулирует температуру, отделяет корневую систему и защищает их от максимальных температур. Следует учитывать, что еще происходит не менее важный процесс, который регулирует почва. Это фильтрация и очистка воды. Данный процесс влияет на растения как обычный фильтр для воды. Он как следует очищает воду от загрязнителей и способствует естественному сохранению. Здоровые почвы поддерживают обильное разнообразие, включая микроорганизмы, растения и даже животных.

Они играют важную роль в экосистеме мира. Но какое значение играет почва для сельскохозяйственного производства? Физические, биологические и биохимические характеристики почвы будут напрямую влиять на урожайность.

Мало кто знает, но почва еще влияет на вкус, питательную ценность и срок хранения сельскохозяйственной продукции – это все качество продукта, который важен для употребления человеком пищевой продукции. Здоровые почвы помогают предотвратить разъедание природных процессов, загрязнения воды и потерю биологического разнообразия. Стоит отметить, что почва определяет устойчивость целых сельскохозяйственных систем. Обеспечивает долгое производство продуктов питания важных для человека и поддерживает всю экосистему мира. Поэтому сохранение и совершенствование здоровой почвы имеет важное значение для обеспечения продовольственной безопасности, защиты окружающей среды, устойчивости сельского хозяйства.

Определение физических характеристик почв:

1. Структура почвы: физическое расположение и группировка частиц почвы в виде набора элементов, образующих систему или отдельную ее часть. Это влияет на аэрацию корней, фильтрацию воды и поступление питательных веществ.

2. Текстура почвы: определение процентного содержания песка или глинистых частиц в почве. Это влияет на удержание влаги, аэрацию и устойчивость к потере верхнего слоя почвы под воздействием природных факторов.

3. Плотность почвы: отношение массы сухой почвы к ее объему. Он влияет на прорастание семян, способствует росту корней и перемещению воды и воздуха через почву.

4. Пористость почвы: определенный объем почвы, находящийся между частицами плотной фазы почвы, выраженный в процентах от общего объема. Отвечает за аэрацию корней, удержание воды и перемещение питательных веществ.

5. Водный режим почвы: Соотношение количества воды, удерживаемой в почве, а также ее перемещение по почве влияют на доступность воды для растений и корневой зоны. Эти физические характеристики почвы взаимосвязаны друг с другом, все они играют важную роль в определении важности и пригодности почвы для сельскохозяйственного производства. Оптимальные физические характеристики почвы зависят от типа выращиваемых культур и климатических условий.

Влияние структуры почвы на прорастание семян и развития корневой системы. Структура почвы влияет прорастание семян многими способами. Один из самых распространённых способов является аэрация. Процесс, при котором происходит наполнение жидкостей воздухом. Если почва достаточно

рыхлая, она обеспечит должную аэрацию для семян. В дальнейшем семена будут произрастать и напитываться воздухом. Второй способ связан с водным режимом. Почва, имеющая хороший водный режим, будет обеспечивать впитывания и удержание максимального количества воды для прорастания. Рыхлая структура очень нужна для всех способов, она позволит корням легко проникать в глубь почвы и напитываться всеми нужными питательными веществами. Если почва имеет плотную структуру, то тогда происходит уменьшение механического сопротивления, это позволяет облегчить рост и способствует распространению корней. Оптимальная структура почвы для прорастания семени меняется в зависимости от представленного типа почвы. В лучшем случае наиболее структурированная почва с благоприятной аэрацией, водным режимом и минимальным механическим сопротивлением даст здоровый рост и развитие растению [9].

Адаптация культур к различным почвенным условиям имеет важное значение для успешного производства сельскохозяйственной продукции производства. Имеется несколько стратегий для адаптации. Подбор культуры, происходит отбор культур, которые хорошо адаптированы к преобладающим почвенным условиям. Пример будут культуры, которые хорошо стабильны к засухе, подходят для регионов с песчаными почвами, а культуры терпимы к засолению, подходят для регионов с наличием в верхних горизонтах легкорастворимых солей, препятствующих развитию иных растений. Улучшение почвы, внесение органических и неорганических веществ, например навоз, для улучшения самой структуры почв, содержания питательных веществ и влагоудерживающей способности. Это значимо для почв с изначальной плохой структурой или низким содержанием питательных веществ. Управление водными ресурсами, применение методов орошения таких как: дождевания, капельный полив, внутрпочвенная доставка воды, поверхностное увлажнение, подразделенное на полив по полосам и затоплением полей. Орошение нужно для достаточно количества воды для культур, выращиваемых на почвах с изначально низким содержанием воды. И наоборот, использование дренажных систем для избыточного удаления воды из плохо дренируемой почвы приводит к образованию луж и переувлажнению. Отбор устойчивых сортов, разработка и выведение новых сельскохозяйственных культур, устойчивых к неблагоприятным почвенным условиям, таким как засуха, засоление или кислотность. Адаптация сельскохозяйственных культур к различным почвенным условиям требует комплексного подхода, который включает в себя правильный подбор культур, улучшение состояния почвы, применение почвозащитных мер, рациональное использование водных ресурсов и подбор устойчивых сортов. Эти стратегии работают сообща, улучшая рост и урожайность сельскохозяйственных культур, повышая устойчивость сельского хозяйства и обеспечивая продовольственную безопасность [3].

Для успешного земледелия необходим грамотный выбор сельскохозяйственных культур. Растения, требующие рыхлой и хорошо аэрируемой почвы, процветают на землях с оптимальной структурой, например, картофель и морковь. Культуры, адаптированные к уплотненным почвам, способны выживать и давать урожай на почвах с менее благоприятной структурой, как, например, кукуруза и соя. Песчаные почвы характеризуются плохой дренируемостью и низкой способностью удерживать влагу. Засухоустойчивые просо и сорго хорошо подходят для таких условий. Глинистые почвы, напротив, обладают высокой влагоудерживающей способностью, но могут быть подвержены уплотнению. Рис и тростник хорошо растут на глинистых почвах, поскольку толерантны к избыточному увлажнению. Высокая плотность почвы может ограничивать рост корней и затруднять поглощение питательных веществ. Культуры с развитой корневой системой, такие как люцерна и редис, способны произрастать на почвах с более высокой плотностью. Пористость почвы также оказывает влияние на развитие растений, определяя аэрацию и водоудержание. Дренированные почвы необходимы для успешного выращивания фруктовых деревьев и виноградной лозы, которые хорошо растут на почвах с высокой пористостью. В то же время, культуры, менее требовательные к аэрации, такие как бобовые и злаки, могут переносить почвы с меньшей пористостью. Почвы с хорошим водным режимом обеспечивают растениям постоянный доступ к воде. А такие культуры, как кактусы и суккуленты, адаптированы к почвам с ограниченным водным режимом. При выборе культур, учитывая физические характеристики почвы, необходимо также принимать во внимание климатические условия, доступность воды и рыночный спрос. Обдуманый подбор культур способствует оптимизации роста и повышению урожайности [7].

Разработка почвозащитных мер для улучшения физических характеристик почвы включает все мероприятия, направленных на предотвращение губительного воздействия внешних факторов (осадков, воды, света, температура) и улучшение структуры почвы. Такие меры могут включать обработку почвы, использование удобрений, севооборот и мелиорацию. Мульчирование — окутывание почвы слоем мульчи (растительные остатки, навоз, солома, опилки). Это защищает почву от влияния ветра, препятствует разбросу и помогает удерживать влагу. Полосное возделывание — участки поля оставляют невспаханними, густо высеивают культурами, плотно окутывающими почву, для предотвращения эрозии. Щелевание — прорезание в почве щелей шириной 2,5–4 см на глубину 30–60 см, которые приостанавливают поверхностный сток. Кротование — создание на некоторой глубине от поверхности почвы систем пустот в виде цилиндрических ходов, параллельных поверхности, усовершенствует водопроницаемость почвы. Удобрения: Внесение органических удобрений — компоста, торфа или перегноя. В плотном глинистом грунте органика

действует как разрыхлитель, а на лёгком песчаном — как аккумулятор влаги и питательных веществ. Внесение минеральных и неорганических удобрений. Весной удобрения применяются комплексом, осенью в основном для улучшения качества добавляют фосфорно-калийные. Также используют калиевую селитру, аммофос, двойные виды суперфосфата и др. Севооборот: Чередование культур — это улучшает физические свойства почвы, повышает её устойчивость против эрозии. Чередование бобовых (клевера, люцерны, гороха) с посевами зерновых и пропашных — это улучшает равновесие органического вещества и меньше используется азотных удобрений. Мелиорация: Устройство почвозащитных фитопогодок — специализированные посадки растений (трав, кустарников, леса) для равновесия органического вещества эрозионного воздействия ветра и воды на почву. Уплотнение грунта — увеличение плотности грунтов путём снижения пористости, выдавливания воды и воздуха, в результате чего усиливается их несущая способность и противостояния сжатию и размыву [8].

Физические характеристики почв играют очень важную роль в эффективности селекционного отбора. Неблагоприятные условия почвы могут утаивать генетические особенности растения, приводя к ошибочной пробе при отборе. Следует учитывать адаптацию культур ко всем абиотическим факторам: засуха, переувлажнение и уплотнение. Селекция должна быть ориентирована на создание сортов, которые будут адаптированы к типичным физическим условиям возделывания в конкретном регионе. Правильный подбор культуры позволит учесть особенности корневой системы и специфические селекционные задачи. Дальнейшие исследования должны быть направлены на более глубокое изучение трудных взаимодействий между физическими характеристиками почвы, генотипами другими факторами среды.

Список литературы:

1. Жученко А.А. Адаптивный потенциал культурных растений (эколого-генетические основы). — М.: Агрорус, 2012
2. Вавилов Н.И. Избранные труды. В 5 т. Т. 5: Проблемы происхождения, географии, генетики, селекции растений, растениеводства. — М.: Наука, 1965.
3. Драгавцев В.А., Шевелуха В.С., Хурум Х.К. и др. Селекция растений на адаптивность (эколого-генетические и физиолого-биохимические основы). — СПб.: ГИОРД, 2017. — 600 с.
4. Гончаренко А.А. Современная селекция и семеноводство зерновых культур. — М.: КолосС, 2013
5. П. А. Суханов ЗЕМЛЯ И ПОЧВА, ПОЧВА И ЗЕМЛЯ – ДВУЕДИНЫЙ РЕСУРС? // Агрехимический вестник. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zemlya-i-pochva-pochva-i-zemlya-dvuedinyu-resurs> (дата обращения: 04.01.2026).
6. Агажанов А., Хуммедов М., Овезов Д. ПОЧВА И ЕЕ СТРУКТУРА // CETERIS PARIBUS. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pochva-i-ee-struktura>

7. Лучинский С. И. Управление агрофизическими свойствами почвы : учеб. пособие / Б. И. Тарасенко, С. И. Лучинский, Р. В. Кравченко. – Краснодар : КубГАУ, 2021. – 106 с.
8. Власенко В. П. Методы почвенных исследований: учеб. пособие / В.П. Власенко, А. В. Осипов. – Краснодар: КубГАУ, 2024. – 179 с.
9. Слюсарев В. Н. Агрономическое почвоведение: учебник / В.Н. Слюсарев, С.А. Тешева, А. В. Осипов. – Краснодар: КубГАУ, 2023. – 316 с.
10. Загорулько А.В. Агрофизические свойства чернозема выщелоченного в зависимости от интенсификации агротехнических приемов в технологии No-tillage и их влияние на урожайность озимой пшеницы / А.В. Загорулько, Х. Амини, А.В. Осипов // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2022. – № 102. – С. 127-138.
11. Алейник В.В. Особенности функционирования почвенного поглощающего комплекса чернозема выщелоченного Кубани при выращивании люцерны / В.В. Алейник, В.Н. Слюсарев // Пути повышения эффективности орошаемого земледелия. – 2023. – № 1(89). – С. 46-54.
12. Логвинов А.В. Почвенно-экологическая оценка черноземов типичных Гулькевичского района Краснодарского края / А. В. Логвинов, В. В. Алейник, А. Ю. Магала // Рисоводство. – 2025. – Т. 24, № 2(67). – С. 83-88.

УДК 330.34.011

Семенова Е. А.

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь,
Россия*

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРСОНАЛА

Аннотация. В статье рассматривается феномен инновационного потенциала персонала как комплексной динамической характеристики, определяющей способность организации к генерации, ассимиляции и реализации новых знаний и технологий. Актуальность исследования обусловлена переходом мировой экономики к парадигме инновационного развития, где ключевым активом выступает человеческий капитал. В работе проанализированы структурные компоненты инновационного потенциала, включающие когнитивные способности, мотивационно-ценностные ориентации, компетенции и психологические характеристики сотрудников. Особое внимание уделено системному подходу к управлению развитием данного потенциала, охватывающему кадровую политику, организационную культуру, методы обучения и систему стимулирования. Теоретический анализ позволил выделить основные барьеры инновационной активности персонала и предложить модель комплексного организационно-управленческого воздействия, направленного на их преодоление. Результаты исследования демонстрируют, что целенаправленное развитие инновационного потенциала персонала трансформируется в стратегический ресурс, обеспечивающий долгосрочную адаптивность и конкурентные преимущества компании в условиях нестабильности.

Ключевые слова: инновационный потенциал персонала, человеческий капитал, инновационная активность, организационная среда, обучающаяся организация, креативность, управление знаниями, инновационная культура.

Цель исследования – установить особенности развития инновационного потенциала персонала. Проблема исследования состоит в том, что современный этап социально-экономического развития характеризуется усилением роли знаний и инноваций как детерминант экономического роста. В условиях глобализации, ускорения технологических изменений и высокой волатильности рынков способность организации к непрерывному обновлению становится императивом выживания и процветания. Традиционные факторы производства уступают место интеллектуальному капиталу, центральным элементом которого выступает персонал, обладающий потенциалом к созданию и внедрению новшеств. Таким образом, развитие инновационного потенциала персонала (ИПП) эволюционирует из второстепенной кадровой функции в стратегическую задачу высшего менеджмента. Инновационный потенциал персонала можно определить как интегративное свойство совокупности сотрудников, отражающее их готовность и способность к продуцированию оригинальных идей, поиску нестандартных решений,

освоению новых знаний и технологий, а также к активному участию в преобразовательной деятельности, направленной на совершенствование продуктов, процессов и управленческих практик организации. Данный потенциал не является статичной величиной; он формируется, аккумулируется и реализуется под влиянием сложного взаимодействия индивидуальных характеристик работников и параметров организационной среды.

Инновационный потенциал персонала представляет собой многомерное образование, состоящее из взаимосвязанных компонентов, которые можно условно разделить на индивидуальные и коллективные. На индивидуальном уровне ключевое значение имеют следующие элементы [1].

Когнитивные способности, включающие дивергентное мышление, способность к ассоциациям, анализу и синтезу информации, рефлексии. Данные способности формируют базу для генерации новых идей. Креативность как свойство личности, проявляющееся в готовности отвергать стереотипные подходы, идти на интеллектуальный риск и находить оригинальные решения проблем. Мотивационно-ценностный блок, который определяет внутреннюю направленность личности на поиск нового, познавательную активность, стремление к самореализации в творческой деятельности и принятие инноваций как ценности. Помимо внутренней мотивации, существенную роль играет мотивация достижения. Компетентностный профиль, объединяющий не только специальные профессиональные знания и навыки, но и метакомпетенции, такие как способность к самообучению, умение работать с информацией, навыки проектного управления и межличностной коммуникации. Психологические характеристики, в частности, толерантность к неопределенности, стрессоустойчивость в условиях изменений, локус контроля, склонный к интернальности, и высокая самооэффективность.

Как отмечают в своем исследовании Просалова В.С., Николаева А.А., Кривошапова С.В., на коллективном уровне инновационный потенциал персонала складывается из синергетического эффекта взаимодействия индивидуальных потенциалов, опосредованного качеством коммуникаций, уровнем доверия, способностью к кооперации и кросс-функциональному сотрудничеству. Формируются коллективные знания и разделяемые ментальные модели, которые существенно расширяют инновационные возможности организации в целом [2].

Потенциал, существующий на уровне отдельных сотрудников и групп, может оставаться латентным при отсутствии благоприятных организационных условий. Следовательно, управление развитием ИПП требует целенаправленного формирования среды, способствующей его раскрытию и реализации. Критически важными являются следующие факторы организационной среды. Инновационная культура как система разделяемых ценностей, норм и убеждений, поощряющих экспериментирование,

открытость новому, конструктивное восприятие ошибок как источника обучения, а также признание заслуг новаторов. Культура, для которой характерны чрезмерный бюрократизм, жесткая иерархия и страх перед неудачей, выступает непреодолимым барьером для инновационной активности. Стиль руководства и управленческие практики. Трансформационное лидерство, ориентированное на развитие сотрудников, делегирование полномочий и создание видения будущего, более эффективно для стимулирования инноваций, чем транзакционное. Практики, такие как наделение сотрудников автономией, предоставление ресурсов для исследований и «скрытого» времени, прямо коррелируют с уровнем инновационного выхода.

Гибкие, сетевые и децентрализованные структуры, облегчающие горизонтальные связи и создание временных проектных команд, более адаптивны для инновационной деятельности, чем жесткие, функционально ориентированные иерархии. Непрерывное развитие персонала через формальные программы (тренинги креативности, методологии решения изобретательских задач, курсы по освоению новых технологий) и неформальные механизмы (наставничество, сообщества практиков) обеспечивает наращивание необходимых компетенций. Организация должна трансформироваться в «обучающуюся организацию», где процесс познания встроен в ежедневную деятельность [3].

Материальное и нематериальное стимулирование, адекватно оценивающее не только результативные, но и поведенческие аспекты инновационной деятельности (предложение идей, участие в пилотных проектах), формирует устойчивую мотивацию. Система должна избегать излишней конкуренции, способной разрушить кооперацию и обмен знаниями. Наличие технологических и организационных платформ (базы знаний, внутренние социальные сети, инновационные платформы, регулярные кросс-функциональные встречи) для свободной циркуляции идей и опыта является необходимым условием для коллективного творчества.

Система целей развития инновационного потенциала персонала носит многоуровневый и взаимосвязанный характер. На макроуровне она подчинена стратегическим задачам организации, где ключевыми являются повышение конкурентоспособности и обеспечение динамических способностей. Конкурентоспособность достигается за счёт уникализации человеческого капитала: именно креативные и компетентные сотрудники становятся источником прорывных продуктов, технологий и оптимизированных бизнес-процессов, которые невозможно мгновенно скопировать. В свою очередь, динамические способности — возможность организации адаптироваться к изменениям внешней среды и непрерывно преобразовывать внутренние ресурсы — напрямую зависят от инновационного потенциала персонала как основного агента изменений. Параллельно решается важнейшая задача

микроуровня — повышение уровня развития самого персонала. Процесс участия в инновационной деятельности выступает мощным обучающим механизмом, в ходе которого сотрудники приобретают новые компетенции, умения и навыки, формируя тем самым цикл положительной обратной связи: рост человеческого капитала усиливает инновационную отдачу, которая стимулирует дальнейшее профессиональное развитие.

Реализация этих целей невозможна без целенаправленного формирования поддерживающей организационной среды. Ключевыми факторами, детерминирующими успех, выступают: организационная культура, сфокусированная на ценности саморазвития и инициативы и воплощаемая через практики развивающего лидерства; разветвлённая инфраструктура саморазвития, включающая доступное обучение, наставничество, экспертные сети и сообщества практиков; комплексный мотивационный механизм, обеспечивающий внутреннюю готовность и самововлечённость сотрудников в инновационный процесс; а также всесторонняя поддержка инновационной деятельности со стороны руководства, выражающаяся в легитимации разумного экспериментирования и терпимости к неудачам на всех уровнях организационной иерархии[4].

Для операционализации указанных факторов применяется комплекс практических методов, образующих инструментарий управления инновационным потенциалом. Когнитивная и методическая база сотрудников формируется через специализированные тренинговые программы, развивающие навыки креативного мышления и решения нестандартных задач. Социальный капитал и обмен неявными знаниями усиливаются благодаря созданию формальных и неформальных комьюнити (сообществ инноваторов). Институционализации потока идей способствует внедрение прозрачных цифровых систем для их сбора, оценки и отслеживания реализации, что повышает доверие к процессу. Индивидуальная и коллективная инновационная активность стимулируется адаптированным механизмом мотивации, комбинирующим материальное вознаграждение и нематериальное признание (статус, карьерные возможности, публичное одобрение). Наиболее значимым методом, интегрирующим все остальные, является принцип реального участия персонала в управлении инновациями — вовлечение работников на всех фазах инновационного процесса от генерации идеи до её внедрения и принятия решений, что трансформирует их из пассивных исполнителей в ответственных соавторов организационных изменений [5].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что развитие инновационного потенциала персонала представляет собой сложную, многоаспектную управленческую задачу, решение которой лежит на стыке теории инноваций, управления человеческими ресурсами и организационного поведения. Инновационный потенциал не является спонтанно возникающим феноменом; он есть результат целенаправленных усилий по формированию

определенного качества человеческого капитала и проектированию соответствующей организационной экосистемы. Эффективное управление ИПП предполагает переход от фрагментарных инициатив к построению целостной системы, где стратегическое видение, кадровая политика, организационный дизайн и корпоративная культура согласованы для стимулирования и поддержки инновационного поведения на всех уровнях организационной иерархии. В такой системе сотрудник воспринимается не как «винтик» в производственном механизме, а как носитель уникальных знаний и источника изменений.

Список литературы:

1. Федосова Р. Н. Развитие инновационного потенциала персонала // КЭ. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-innovatsionnogo-potentsiala-personala-1> (дата обращения: 11.01.2026).
2. Просалова В.С., Николаева А.А., Кривошапова С.В. ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИКОВ КАК ЧАСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 4-2. С. 248-253; URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=2793> (дата обращения: 11.01.2026).
3. Федосова, Р. Н. Развитие инновационного потенциала персонала / Р. Н. Федосова, С. В. Пименов, Е. В. Родионова // Креативная экономика. – 2009. – Т. 3, № 3. – С. 49-59.
4. Тарасова, Т. В. Анализ структуры персонала и формирование инновационного потенциала персонала на примере АО «БелЗАН» / Т. В. Тарасова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 31 (269). — С. 66-69. — URL: <https://moluch.ru/archive/269/61883>.
5. Иванов И.Н., Орлова Л.В. Знания как основа формирования инновационного потенциала персонала организации. Вестник университета. 2023;1(1):76-82.

УДК 005.21

Медведева Д. Д.

*Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета, Рязань,
Россия*

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР СТРАТЕГИИ КОМПАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается сущность, процесс формирования и ключевые аспекты выбора концепции долгосрочного роста современной организации. Концепция определяется как комплексная стратегическая дорожная карта, объединяющая целеполагание, планирование действий и механизмы адаптации к изменениям.

Подробно анализируется итеративный и нелинейный характер разработки такой концепции, обусловленный волатильностью конкурентной среды, множественностью взаимосвязанных факторов и когнитивными ограничениями при прогнозировании. Представлен структурированный алгоритм процесса, включающий этапы формирования альтернативных вариантов, их оценки по критериям результативности и итогового выбора с последующим утверждением.

В качестве системы критериев для оценки и отбора концепций выделены четыре группы: экономическая результативность (рентабельность, доход, окупаемость), социальная выгода (условия труда, престиж, культурный вклад), технологическое совершенство (конкурентные преимущества продукции) и экологическая ответственность.

Особое внимание уделено базовым аспектам, детерминирующим выбор стратегии: специфике сферы деятельности (в частности, двойственной природе конкуренции) и состоянию внешней среды, грамотный учет которых признан критическим фактором успешного функционирования компании в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Концепция долгосрочного роста, стратегическое планирование, долгосрочные цели, адаптивность, формирование концепции, отбор концепции, результативность

Концепция долгосрочного роста организации представляет собой комплексное планирование деятельности, приоритизированные задачи на длительный период, запасов и план действий для достижения поставленных целей. Концепция долгосрочного роста должна объединять в себе сценарий действий и способность к адаптации ко всяким переменам.

Порядок формирования концепции долгосрочного роста характеризуется утонченностью и аккуратностью, зачастую имеет хаотичный характер соперничества, новую регламентацию, нестабильность ценового эквивалента, демонтаж торговых ограничений и огромное число факторов, на основании которых может быть отобрана не грамотная концепция. Не всегда возможно предусмотреть все детали заблаговременно, но при отборе

концепции надо сосредоточиться на исследовании факторов влияния детерминирующих отбор.

Порядок отбора концепции состоит из формирования множества видов концепций, ориентированных на достижение результатов. При отборе концепции основным условием считается ее результативность. Показателями от выполнения концепции являются следующие: рентабельность (увеличение финансового результата деятельности, реальный доход, период возврата капитала, масштабы реализации); общественной выгоды (повышение комфортности рабочих условий и их престижности, культурное продвижение); технический результат достижения (характеристики и конкурентные преимущества продукции); воздействие на окружающую среду (меры по предотвращению загрязнения, интегрированное природопользование). Выбор более рациональной концепции осуществляется после проделанного исследования и оценочных процедур. После этого отобранная концепция предприятия утверждается с ориентацией на рыночные условия

Аспектов, формирующих выбор концепции очень много. Это обусловлено тем, что за весь период своего функционирования компания имеет тесную связь с внешним и внутренним окружением. При этом аспекты контактируют друг с другом, что ведет к трансформации их силы и воздействия.

Ниже представлены базовые аспекты, которые определяют отбор концепции предприятия.

Сфера деятельности организации. Изначально, надо сконцентрироваться на соперничестве в рамках компаний, изготавливающих аналогичные товары и реализующие их на одних и тех же торговых площадках. Обычным требованием рыночного хозяйства значится соперничество. Соперничество имеет позитивную и деструктивную наклонность. Положительная сторона ее включает ускорение новаторства, эластичное реагирование на спрос, высокий уровень производства, сокращение затрат. Деструктивную наклонность проявляется в появлении бесчестных методов зачастую криминала, банкротства изготовителей продукции и нерациональном природопользовании.

Другим особо значимым аспектом, оказывающим влияние на отбор концепции компании, считается положение внешней среды, здесь рассматриваются все действия, происходящие во внешнем окружении в независимости от функционирования компании, но при этом воздействуя на нее. Положение внешнего окружения играет важную роль в предпринимательстве, поскольку внешние факторы относительно компании представляют собой независимую среду, что содействует надобности учитывать их в работе компании. По этой причине от грамотности учитывания всех факторов внешней среды зависит продуктивность функционирования компании.

Рассмотрим факторы внешней среды, которые воздействуют на отбор концепции предприятия (таблица 1).

Таблица 1. Факторы внешней среды

Факторы	Характеристика
Рыночные условия	Учитывают потребности потребителей, посредников, поставщиков, поведение конкурентов, емкость рынка, его платежеспособность.
Условия конкуренции и привлекательность отрасли	Анализируют силы конкуренции, технологические изменения, рост рынков, появление новых продуктов.
Технологические факторы	Учитывают новые информационные технологии, новые стандарты оборудования, новые виды изделий, которые влияют на стратегию организации.
Политические факторы.	Анализируют политическую ситуацию в стране, стабильность, лояльность властей, протекционизм в отрасли, наличие административных барьеров
Законодательство	Учитывают изменения в законодательстве, которые воздействуют на многие виды деловой активности.

Исследование внешнего окружения является весьма трудной процедурой, которая запрашивает анализ всех факторов, поскольку, трансформация одного ведет к трансформации других факторов. Несомненно, не изучив внешнее окружение, компания осуществлять свою деятельность не может. В данном случае должна быть сформирована персонализированная система в рамках мониторинга внешнего окружения.

Специфика устремлений является одним из важнейших аспектов отбора концепции компании. Устремление консолидирует участников, так как ее выполнение гарантирует результат. Для того чтобы устремления вели к грамотному отбору концепции, они должны быть определенными и оцениваемыми. Когда управление установит значимые задачи, проведет SWOT-анализ, оно имеет возможность выбрать концепцию, которой и будет руководствоваться.

Еще одним индикатором в рамках отбора концепции считается показатель, характеризующий величину опасности. Угроза концепции является одним из базовых угроз, которая учитывается в рамках отбора концепции долгосрочного развития. В связи с этим при отборе надо дать ответ на такой вопрос, как: какая степень опасности приемлема?

При отборе концепции долгосрочного развития не малую роль играет исследование внутреннего строения компании. Внутренний мир компании — это ее возможность, которая содержит в себе ресурсы ее роста и деятельности. Изучая внутреннее строение предприятия, указывают на сильные и слабые

стороны. Внутреннее строение предприятия, относительно внешнего окружения, состоит из механизмов, которыми организация имеет возможность осуществлять контрольные действия и регулировать их. В случае, если какие-то структурные элементы неверно организованы, внутреннее строение создает трудности деятельности и роста компании. Разногласия, появляющиеся во внутреннем строении предприятия, в некоторой степени показаны двуполярностью внутренних элементов либо составляющих единиц организации. На первый взгляд, это показатели экономико-социологического механизма (личности с их талантами, стремлением и навыками, общественные организации, совладельцы, отделы, делегирование, неофициальные отношения, информационные потоки). Иначе, это ключевые компоненты показывающие состав образующих цехов, участков и служб, формы их взаимосвязи в процессе производства продукции.(средства производства, ресурсы в материально - вещественной форме, технические решения).

Учеными Дж. Пирсом и Р. Робинсоном разработана комплектация основных факторов, действующих на внутреннюю среду компании, которые могут олицетворять как сильные, так и слабые стороны организации. Исходя из этого ранжирования, рассмотрим структуру внутренних параметров организации.

1. Совокупность показателей производственного процесса: локализация организации, приобретение специальных знаний и навыков, масштабы производственных процессов, специфика производственно-инженерной итерации, срок функционирования организации, **насыщенность** производственная инфраструктура, управление добротностью товара, аналитика и методики, и прочее.

2. Совокупность показателей в рамках денежных ресурсов: финансовые средства, управленческий учет затрат на производство и так далее.

3. Совокупность сил, средств и характеристик внешнего и внутреннего окружения, которые определяют условия ведения маркетинговой деятельности и перспективы ее развития: популярность, престиж организации, ассортимент продукции, введение на рынок, рост продаж, зрелость, спад продаж и снятие изделий с производства, маркетинговые коммуникации, пути продвижения, дистрибуция, ценообразование и прочее.

4. Совокупность показателей, определяющих режим труда и отдыха на предприятии, дисциплину и форму организации труда, качество профессиональной подготовки работающих и т. д.

5. Совокупность показателей укомплектованности компании: комплекс характеристик, которые описывают социальную структуру и демографический состав персонала, например, пол, возраст, стаж работы, семейное положение, степень специализации, этику, руководящий состав, структуру заработной платы, способы активизации и поощрения, управление

персоналом, кадровую нестабильность, несоблюдение порядка и прочие.

Механизмы, отображающие отбор концепции долгосрочного развития в рамках внутренней структуры отображены в таблице 2.

Таблица 2. Индексы внутренней структуры предприятия

Факторы	Характеристика
Цели компании	Менеджмент определяет, чего хочет достичь: сохранить или увеличить долю рынка, минимизировать затраты и т. д.. Цели должны строиться по системе SMART: быть конкретными, измеримыми, достижимыми, релевантными и ограниченными по времени
Потенциал компании	Анализируют сильные и слабые стороны организации, возможности для роста, потенциальные угрозы
Коммерческая политика и работа с клиентами.	Учитывают, предоставляет ли компания отсрочку платежа, какие ценовые условия предлагает клиентам, какой пакет сервисов предназначен для каждой целевой аудитории
Рациональное использование ресурсов.	Стратегия связана с эффективным управлением финансами, персоналом, материалами и временем
Систематическое отслеживание и корректировка	Нужно постоянно следить за ходом выполнения стратегии, оценивать результаты, замечать отклонения от намеченного курса и оперативно адаптировать стратегию к меняющимся обстоятельствам.

Практика исполнения предыдущих концепций. Этот механизм взаимосвязан с характеристиками человека, его возможностями и ограничениями, определяемые в конкретных условиях его деятельности. Периодически при отборе концепции руководящее звено неосознанно, попадает под влияние предыдущих концепций. Следует подчеркнуть, что опыт дает возможность избежать дублирования недостатков предыдущих концепций. Важно заметить, что приобретение навыка способствует предотвращению повторного возникновения предыдущих недостатков, но в то же время лимитирует отбор вариантов.

При отборе концепции долгосрочного развития базовое значение приобретает реальный временной коэффициент, который показывает, что тщательно разработанная результативная концепция не будет успешна, если будет выполнена несвоевременно, что способствует росту издержек и несостоятельности компании.

Коммуникация определенных индикаторов является трудной процедурой, осуществляющей воздействие экстраординарных характеристик в рамках установления концепции организации. Вот почему подготовительной

стадией разработки концепции развития рассматривается исследование внешнего и внутреннего окружения предприятия.

Ицхак Кальдерон Адизес - эксперт по бизнесу, ориентированный на модернизацию управления, проблемы предприятия разделяет на проблемы, которые обусловлены незрелостью предприятия и которых трудно избежать и более серьезная категория проблемы, с которыми организация самостоятельно справиться не может.

Следовательно, руководящее звено ставит перед собой задачу — предотвращать появление проблем, с которыми организация самостоятельно справиться не может. В момент отбора лучшей концепции совершенствования компании, она способна достичь процветания и, по идее, прибывать в таком положении длительный период времени. Таким образом, стратегический менеджмент обязан сконцентрироваться на преодолении трудностей, свойственных определенному уровню жизненной фазы предприятия.

Список литературы:

1. Стратегия развития компании: как разработать. - Текст : электронный // Бизнес как образ жизни - 2024. - Режим доступа: sberbank.com/ru/s_m_business/pro_business/ (дата обращения: 27.07.2025).
2. Сушко, Н.А. Стратегическое управление предприятием (организацией): учебное пособие / Н.А. Сушко. – Керчь: ФГБОУ ВО «КГМТУ», 2022. – 183 с.
3. Фролов, Ю. В. Стратегический менеджмент. Формирование стратегии и проектирование бизнес-процессов : учебник для вузов / Ю. В. Фролов, Р. В. Серышев ; под редакцией Ю. В. Фролова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 154 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-09015-4. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/585127>
4. Что такое маркетинговая стратегия и как ее разработать. - Текст : электронный // Маркетинг. - 2022. - Режим доступа: <https://practicum.yandex.ru/> (дата обращения: 07.08.2025).
5. Шифрин, М. Б. Стратегический менеджмент : учебник для вузов / М. Б. Шифрин. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 295 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17072-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/585455>

УДК 338.48

Курахова М. М.

*Научный руководитель: Магомедов А. М., к.э.н., профессор
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия*

О РАЗВИТИИ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Аннотация. Статья посвящена комплексной оценке современного состояния и перспектив развития туристической отрасли Республики Дагестан. Проведенный анализ демонстрирует значительный нереализованный потенциал региона, обусловленный уникальным сочетанием природных, культурно-исторических и рекреационных ресурсов. Несмотря на наблюдаемый положительный рост въездного турпотока, отрасль сталкивается с рядом системных ограничений, сдерживающих ее переход на качественно новый уровень. В работе идентифицированы ключевые проблемы и предложены конкретные пути их решения, направленные на превращение туризма в драйвер устойчивого социально-экономического развития республики.

Ключевые слова: туризм, Республика Дагестан, региональная экономика, туристский потенциал, инвестиции, инфраструктура, устойчивое развитие, кластерный подход.

Введение. Туризм является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей мировой экономики, оказывающей мультипликативный эффект на смежные сектора: транспорт, торговлю, строительство, сельское хозяйство и сферу услуг [9, с. 12]. Для регионов с богатым природным и культурным наследием, к которым относится Республика Дагестан, туризм представляет собой стратегическое направление диверсификации экономики, создания новых рабочих мест и повышения качества жизни населения. Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования конкурентоспособного, диверсифицированного туристского продукта, отвечающего современным требованиям рынка, и поиска эффективных моделей управления отраслью в условиях возрастающей глобальной конкуренции и смены потребительских предпочтений [5, с. 45-46].

Цель статьи: на основе анализа текущего состояния, динамики ключевых показателей и существующих тенденций выявить ключевые структурные и институциональные проблемы и определить стратегические перспективы и практические меры для развития туристской отрасли Республики Дагестан.

Республика Дагестан обладает колоссальным, но пока в полной мере не востребованным туристским потенциалом [1, с. 105]. Уникальное сочетание горных ландшафтов (включая высочайшую вершину Европейской части России – гора Базардюзю), протяженной береговой линии Каспийского моря, богатейшего историко-культурного наследия (древние крепости, горные аулы, памятники исламской и доисламской эпох) и этнического многообразия

создает прочную основу для развития множества видов туризма: культурно-познавательного, горного (трекинг, альпинизм), пляжного, гастрономического и этнографического.

Согласно данным Министерства по туризму и народным художественным промыслам РД, в последние годы наблюдается устойчивый рост основных показателей туриндустрии [3].

Таблица 1. Основные показатели развития туризма в Республике Дагестан за 2020-2024 гг.

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Турпоток, тыс.чел	520	780	956	1100	1300
Темп роста турпотока, % к пр. году	-	150,0	122,6	115,1	118,2
Количество средств размещения, ед	380	420	480	550	620
Емкость средств размещения, тыс. мест/сутки	12,5	14,0	16,5	19,0	22,5
Объем платных услуг гостиниц, млн. руб.	1450	1850	2450	3100	3800
Средняя заполняемость гостиниц (годовая), %	41	45	48	52	55

Источник: составлено автором по данным Министерства по туризму и НХП РД, Росстат [3.6.8].

Анализ данных Таблицы 1 демонстрирует обнадеживающую положительную динамику после спада, вызванного пандемией в 2020 году. За период 2021-2024 гг. турпоток вырос в 2.5 раза, приблизившись к отметке в 1.3 млн человек [3]. Темпы роста стабильно превышают 15% в год, что свидетельствует о растущей популярности региона. Рост турпотока сопровождается увеличением числа и емкости средств размещения. Особенно активная динамика в 2023-2024 гг. наблюдается в сегменте малых средств размещения (мини-отели, гостевые дома, апартаменты), что говорит о росте предпринимательской активности и адаптации предложения к спросу [6]. Объем доходов от услуг размещения за четыре года вырос более чем в 2.6 раза, что указывает на коммерциализацию отрасли [8].

Важным аспектом является анализ структуры турпотока и его сезонности.

Таблица 2. Структура туристского потока в Республике Дагестан по целям поездки и сезонности (2024 г., оценка)

Критерий	Категория	Доля, %	Примечания
Цель поездки	Отдых и рекреация	65	Включает пляжный (Приморская зона) и горный отдых
	Культурно-познавательный туризм	25	Посещение исторических мест, аулов, музеев
	Деловой туризм	7	Конференции, рабочие поездки
	Прочее	3	
Сезонность (по загрузке средств размещения)	Высокий сезон (июнь-сентябрь)	70-75	Пик приходится на июль-август. Загрузка объектов в горных и приморских кластерах достигает 85-95%
	Межсезонье (апрель-май, октябрь)	50-60	
	Низкий сезон (ноябрь-март)	30-40	За исключением новогодних праздников

Источник: оценка автора на основе данных Минтуризма РД и опросов туроператоров.

Данные Таблицы 2 подтверждают, что туризм в Дагестан остается преимущественно рекреационным и сильно зависит от сезонного фактора [3]. Более 70% коммерческой активности отрасли концентрируется в летние месяцы, что создает дисбаланс в загрузке объектов инфраструктуры, занятости персонала и окупаемости инвестиций. Высокая доля культурно-познавательного туризма (25%) является сильной стороной, указывающей на интерес к уникальному наследию региона [1, с. 107].

Особого внимания заслуживает реализация крупных инфраструктурных проектов [4]. На начало 2026 года завершено 90% работ по реконструкции аэропорта «Уйташ», что позволило увеличить его пропускную способность, а также повысить уровень безопасности полетов. В стадии активной реализации находится проект создания туристско-рекреационного кластера «Прикаспийский», который включает в себя строительство современных гостиничных комплексов, яхтенной марины и объектов развлекательной инфраструктуры [4]. Параллельно развиваются горные кластеры, такие как «Гуниб» и «Чох», ориентированные на активный и экологический туризм [7].

Проблемы развития туристской отрасли

Анализ статистических данных и текущей ситуации позволяет выявить комплекс взаимосвязанных проблем, сдерживающих переход от количественного роста к качественному развитию туристской отрасли [1, с.108-112; 5, с. 60-65].

1. Структурные диспропорции и инфраструктурные дефициты. Рост числа средств размещения опережает развитие сопутствующей инфраструктуры. За пределами Махачкалы и нескольких курортных поселков наблюдается острый дефицит:

- Транспортной инфраструктуры: качество дорог к ключевым горным достопримечательностям остается низким, отсутствует развитая сеть внутреннего транспортного сообщения (например, регулярные туристические автобусы).

- Коммунальной инфраструктуры: износ инженерных сетей (водоснабжение, канализация, электроснабжение) в горных районах достигает критических 60-70%, что ограничивает возможность строительства новых современных объектов [4].

- Сопутствующих услуг: нехватка организованных точек питания, соответствующего санитарным нормам, качественных сувенирных лавок, пунктов проката снаряжения, информационных центров [1, с. 110].

2. Выраженная сезонность и низкая диверсификация продукта. Как показано в Таблице 2, экономика туризма работает в режиме «остановки-старта». Отсутствие всесезонных продуктов (горнолыжный отдых, крупные крытые wellness-комплексы, конгресс-туризм) приводит к неэффективному использованию капитала, проблемам с сохранением кадров и низкой годовой доходностью бизнесов [3, 5, с. 70].

3. Кадровый дефицит и низкий уровень сервиса. Наблюдается острый разрыв между растущими инфраструктурными возможностями и качеством человеческого капитала. Нехватка квалифицированных кадров охватывает все уровни: от менеджеров среднего и высшего звена, способных разрабатывать и продвигать комплексные турпродукты, до линейного персонала (администраторы, горничные, гиды, повара), владеющего современными стандартами сервиса и, зачастую, иностранными языками [5, с. 85-90].

4. Недостаточная эффективность продвижения и слабый национальный бренд. Несмотря на отдельные успешные маркетинговые кампании, имидж Дагестана как безопасного, комфортного и современного туристского направления требует системной работы. Продвижение фрагментировано, недостаточно используются цифровые инструменты (таргетированная реклама, работа с лидерами мнений из разных стран СНГ), слабо представлен регион на крупных международных туристических выставках [2].

5. Экологические риски и угрозы устойчивости. Интенсивный рост посещаемости при отсутствии адекватной инфраструктуры утилизации отходов и регулирования рекреационной нагрузки ведет к деградации природных ландшафтов (замусоривание троп, берегов водоемов). Это напрямую угрожает ключевому активу региона – его уникальной природе [7].

Перспективы и стратегические направления развития

Для превращения туризма в одну из ведущих отраслей экономики Дагестана необходим переход от точечных мер к реализации комплексной стратегии, основанной на кластерном подходе и принципах устойчивого развития [2, 9, с. 200-205].

1. Приоритетная диверсификация и борьба с сезонностью. Ключевой задачей является создание всесезонного туристского продукта [2, 4]. Это требует:

- Активного развития горнолыжного кластера на базе существующих склонов (Чиндирчоро, Матлас) с привлечением крупных инвесторов через механизмы ГЧП.
- Стимулирования событийного туризма (фестивали этнической музыки, гастрономические праздники, спортивные соревнования) в межсезонье.
- Развития лечебно-оздоровительного и SPA-туризма, с использованием местных минеральных источников и климатических ресурсов.

2. Модернизация инфраструктуры на основе ГЧП и целевых инвестиций. Необходимо синхронизировать развитие средств размещения с опережающим созданием транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры. Основным инструментом должны стать концессионные соглашения и инфраструктурные облигации для финансирования дорог, очистных сооружений и инженерных сетей в туристских кластерах.

3. Системная работа с кадрами. Создание на базе ведущих вузов республики (ДГУНХ, ДГТУ, ДГУ) специализированного Центра компетенций в сфере туризма и гостеприимства. Внедрение дуального образования, привлечение федеральных сетевых образовательных программ, проведение регулярных тренингов для предпринимателей отрасли.

4. Формирование сильного туристского бренда и цифровизация продвижения. Разработка и реализация единой бренд-стратегии «Дагестан — страна гор и гостеприимства». Активное использование digital-маркетинга: создание агрегатора туристских услуг региона, развитие платформ виртуальных туров, систематическая работа с тревел-блогерами и СМИ. Участие в ключевых международных выставках (MITT, World Travel Market).

5. Внедрение принципов «зеленого» и ответственного туризма. Обязательная экологическая экспертиза новых проектов, развитие сети экотроп с регламентированной нагрузкой, строительство современных мусоросортировочных и перерабатывающих комплексов в ключевых туристских зонах. Продвижение эко-сертификации средств размещения и туроператоров [7].

Выводы. Туризм обладает беспрецедентным стратегическим потенциалом для обеспечения устойчивого социально-экономического развития Республики Дагестан, выступая в роли катализатора роста смежных отраслей и инструмента сглаживания межрегиональных диспропорций [1, с. 117; 9, с.210]. Реализация этого потенциала возможна только при условии комплексного, системного подхода к решению накопленных структурных проблем.

Ключевыми императивами на ближайшую перспективу должны стать: преодоление сырьевой (сезонной) зависимости отрасли через диверсификацию продукта; опережающее развитие инженерной и транспортной инфраструктуры за счет механизмов ГЧП; инвестиции в человеческий капитал как в главный фактор конкурентоспособности; формирование сильного, узнаваемого национального бренда; неукоснительное следование принципам экологической устойчивости [2, 4, 5, с. 150; 9, с. 225].

Скоординированные усилия органов государственной власти всех уровней, бизнес-сообщества, научно-образовательных институтов и гражданского общества позволят трансформировать туристскую отрасль Дагестана. В результате она может стать не только значимым источником налоговых поступлений и создания тысяч новых высококачественных рабочих мест, но и мощным позитивным имиджевым ресурсом, способствующим интеграции республики в общероссийское и международное социально-экономическое пространство.

Список литературы:

1. Джанджугазова, Е.А. Туристско-рекреационное проектирование: учебник для вузов / Е.А. Джанджугазова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2026. — 284 с.
2. Об утверждении Стратегии развития туристской отрасли в Республике Дагестан до 2030 года: Постановление Правительства Республики Дагестан от 15.11.2023 № 245. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/?ysclid=mktza0oq9v83174595
3. Данные о туристском потоке в Республике Дагестан за 2020-2024 гг. // Министерство по туризму и народным художественным промыслам РД. [Электронный ресурс]. URL: <https://minturisdiction.e-dag.ru/analytics>
4. Инвестиционный портал Республики Дагестан. Раздел «Туризм». [Электронный ресурс]. URL: <https://investrd.ru/tourism>
5. Магомедова, П.Т. Региональные аспекты управления туристской дестинацией (на примере Республики Дагестан): монография / П.Т. Магомедова. — Махачкала: АЛЕФ, 2024. — 176 с.
6. Основные показатели деятельности коллективных средств размещения в РФ. 2024: Стат. Бюллетень / Росстат. — М., 2024.
7. Отчет о реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в РД за 2024 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://minturisdiction.e-dag.ru/projects>
8. Росстат. Платные услуги населению. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/services>
9. Замятина, Н.Ю., Пилясов, А.Н. Периферийные регионы в пространственной структуре туризма России: монография / Н.Ю. Замятина, А.Н. Пилясов. — М.: Экон-Информ, 2022. — 278 с. — ISBN 978-5-907643-22-1.

УДК 65.012.2:004:621

Егоров М. В.

*Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета, Рязань,
Россия*

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПРИ ВНЕДРЕНИИ СТРАТЕГИЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. В статье исследуется комплексная проблема управления рисками, сопутствующими процессам цифровой трансформации в машиностроительной отрасли. Рассматриваются специфические риски, порождаемые конвергенцией операционных технологий и информационных систем, организационно-культурными барьерами, а также технологической зависимостью. Предложена архитектура системы риск-менеджмента, интегрированной в стратегический цикл трансформации, основанная на процессно-ориентированном подходе и непрерывном мониторинге. Особое внимание уделяется рискам кибербезопасности, компетентностным дефицитам и необходимости адаптации методологий управления проектами. Делается вывод о том, что эффективное управление рисками является не вспомогательной функцией, а ключевым стратегическим элементом, определяющим успешность цифровой трансформации и достижение устойчивых конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: цифровая трансформация, машиностроение, управление рисками, кибербезопасность, операционные технологии, организационное сопротивление, зрелость процессов.

Цель исследования – установить особенности управления рисками при внедрении стратегий цифровой трансформации машиностроительных предприятий. Проблема исследования состоит в том, что цифровая трансформация машиностроительных предприятий представляет собой фундаментальный процесс изменения бизнес-моделей, операционной деятельности и создаваемой ценности за счет внедрения и интеграции цифровых технологий. В отличие от локальной цифровизации отдельных процессов, трансформация носит системный и стратегический характер, затрагивая всю цепочку создания стоимости – от проектирования и производства до логистики, сервисного обслуживания и взаимодействия с клиентом. Данный переход сопряжен с высоким уровнем неопределенности и комплексными рисками, игнорирование или недооценка которых ведет к значительным финансовым потерям, срыву сроков, снижению операционной эффективности и, в конечном итоге, к провалу стратегических инициатив. Таким образом, управление рисками становится критически важной компонентой системы стратегического управления предприятием в контексте цифровой трансформации.

Риски цифровой трансформации в машиностроении носят междисциплинарный характер, находясь на стыке технологических,

организационных и человеческих факторов. Их можно структурировать по следующим основным категориям [1].

Стратегические и управленческие риски связаны с недостатками в формулировке и реализации стратегии цифровой трансформации. К ним относятся: отсутствие четкого стратегического видения и измеримых целей трансформации, неадекватное согласование цифровых инициатив с общезадачными целями, недостаточное вовлечение высшего руководства и ключевых заинтересованных сторон. Частым проявлением является финансирование разрозненных технологических проектов без создания единой цифровой экосистемы предприятия, что приводит к формированию новых информационных разрозненных систем. Риск ошибочного выбора технологических платформ и поставщиков, обусловленный быстро меняющимся рынком решений, также относится к данной категории. Машиностроение характеризуется наличием унаследованных систем автоматизации и управления технологическими процессами, длительным жизненным циклом оборудования. Интеграция новых цифровых платформ, облачных сервисов и систем анализа больших данных с существующей инфраструктурой представляет значительную техническую сложность. Возникают риски несовместимости протоколов, нестабильности работы гибридных систем, потери данных. Ключевым аспектом является риск нарушения отказоустойчивости и определенности производственных процессов при внедрении решений промышленного Интернета вещей, где требования к реальному времени и надежности критически важны.

Как отмечают в своем исследовании Белякова Г.Я., Фокина Д.А., сближение информационных и операционных технологий радикально расширяет поверхность потенциальной атаки предприятия. Производственные сети, ранее изолированные, становятся доступными из корпоративных сетей и глобальной сети, что повышает уязвимость к кибератакам на критическую инфраструктуру. Последствия могут варьироваться от хищения интеллектуальной собственности до физического повреждения оборудования и остановки производства. Отдельный риск связан с качеством, актуальностью и непротиворечивостью данных, которые являются новым стратегическим активом. Некорректные данные с датчиков или из систем планирования ресурсов предприятия ведут к ошибочным управленческим и производственным решениям [2].

Успех цифровой трансформации в значительной мере определяется человеческим фактором. Наблюдается сильное организационное сопротивление изменениям со стороны как рядовых сотрудников, так и руководителей среднего звена, обусловленное страхом перед новой компетенцией, неопределенностью, возможным сокращением рабочих мест. Существует острый дефицит кадров, обладающих кросс-функциональной экспертизой: сочетающей знания в области машиностроения, программирования, анализа данных и работы с конкретными

цифровыми платформами. Риск потери ключевых носителей знаний в период трансформации также высок. Цифровая трансформация требует значительных капитальных и операционных инвестиций, отдача от которых часто носит отсроченный и нелинейный характер. Существует риск перерасхода бюджета из-за недооценки сложности интеграции, необходимости дообучения персонала и технической поддержки. Операционные риски связаны с возможными сбоями в производстве на этапе пилотного внедрения и масштабирования новых систем, что ведет к нарушению графиков поставки и снижению качества продукции.

Эффективное управление вышеописанными рисками требует внедрения целостной системы, интегрированной в жизненный цикл цифровой трансформации. Данная система должна быть итеративной и адаптивной.

Фундаментом является этап стратегического планирования и идентификации рисков. На этом этапе, параллельно с разработкой стратегии цифровой трансформации, формируется межфункциональная рабочая группа по управлению рисками с участием представителей информационных и технологических департаментов, службы безопасности, финансового блока и производственных подразделений. Проводится всесторонний анализ внутренней и внешней среды предприятия в цифровом контексте. Используются методы мозгового штурма, интервью с заинтересованными сторонами, анализ сценариев для выявления потенциальных рисков. Результатом является реестр рисков цифровой трансформации, структурированный по категориям [3].

Следующий этап – количественная и качественная оценка рисков. Для каждого идентифицированного риска оценивается вероятность его реализации и потенциальное воздействие. Воздействие в машиностроении часто оценивается в контексте нарушения производственного плана, простоя высокостоймостного оборудования, брака продукции, несоблюдения контрактных обязательств. Для приоритизации рисков может применяться матрица вероятности и последствий, которая позволяет выделить критические риски, требующие немедленного внимания, и риски, подлежащие мониторингу.

На основе проведенной оценки разрабатываются и реализуются стратегии реагирования на риски. Основные стратегии включают: избежание, передачу, снижение или принятие риска. Для критических технологических рисков, таких как киберугрозы, стратегией снижения является разработка и внедрение комплексной системы промышленной кибербезопасности, включающей сегментацию сетей, систему обнаружения вторжений в промышленные сети, регулярный аудит и тренировки. Для кадровых рисков ключевой стратегией снижения выступает реализация программ переобучения и повышения квалификации, создание центра компетенций, изменение системы мотивации для поощрения цифровых навыков. Важно, чтобы планы реагирования включали не только превентивные меры, но и сценарии действий на случай реализации риска, то есть планы восстановления нормальной деятельности.

Управление рисками не должно быть обособленной активностью. Его максимальная эффективность достигается при глубокой интеграции в ключевые процессы цифровой трансформации. При управлении проектами внедрения цифровых решений методологии должны быть адаптированы с учетом высокой неопределенности. Гибкие подходы, такие как Agile, позволяют снизить риски за счет итеративности, инкрементальности и постоянного вовлечения пользователя. Каждая итерация или спринт должна включать в себя микро-цикл оценки рисков: идентификацию новых угроз, переоценку существующих, корректировку планов. Это особенно актуально для пилотных проектов, которые служат не только проверкой технологии, но и инструментом снижения рисков для последующего масштабирования. Управление изменениями является, по сути, управлением организационными рисками. Системная работа по коммуникации целей трансформации, вовлечению сотрудников на ранних этапах, созданию пилотных команд из инноваторов и ранних последователей позволяет снизить сопротивление. Необходимо открыто говорить не только о преимуществах, но и о временных трудностях, создавая атмосферу психологической безопасности, в которой сотрудники не боятся сообщать о проблемах и рисках.

Миргалеева И.В., Шамсутдинова М.Р., Богданов А.Р. подчеркивают, что внедрение новых технологий, особенно промышленного Интернета вещей и облачных вычислений, требует пересмотра подходов к кибербезопасности. Модель безопасности, основанная на предположении о замкнутости периметра, более не работает. Необходим переход к концепции нулевого доверия, где каждый запрос на доступ проверяется, и к глубоко эшелонированной обороне. Управление рисками кибербезопасности должно начинаться на этапе проектирования систем и продолжаться на протяжении всего жизненного цикла. Регулярное проведение пентестов, включающих тестирование на проникновение не только в информационные, но и в технологические сети, становится обязательной практикой [4].

Эффективность системы управления рисками цифровой трансформации подлежит измерению и оценке. Для этого необходимо определить ключевые показатели, которые могут быть разделены на две группы: показатели состояния рисков и показатели эффективности процессов риск-менеджмента.

К первой группе относятся: количество выявленных и устраненных уязвимостей в информационно-технологической инфраструктуре; время простоя производственных систем, связанное с инцидентами в цифровой сфере; частота отклонений ключевых показателей эффективности пилотных проектов от плановых значений; уровень текучести кадров в ключевых цифровых командах; динамика бюджета трансформационных проектов по отношению к первоначальному плану. Ко второй группе можно отнести: процент стратегических инициатив цифровой трансформации, в которых проведен формальный анализ рисков до начала финансирования; регулярность

обновления реестра рисков; время реагирования на выявленные критические риски; уровень осведомленности сотрудников о ключевых рисках и политиках безопасности. Важным индикатором является также степень зрелости процессов управления рисками, которая может оцениваться по специализированным моделям зрелости [5].

Таким образом, цифровая трансформация машиностроительных предприятий – это неизбежный и необходимый путь развития в условиях Четвертой промышленной революции. Однако этот путь сопряжен с комплексом взаимосвязанных стратегических, технологических, кадровых и операционных рисков. Традиционные, ретроспективные методы управления рисками, фокусирующиеся на финансовых и страховых аспектах, оказываются недостаточными. Успешная трансформация требует проактивного, интегрированного и непрерывного подхода к управлению рисками, который становится неотъемлемой частью стратегического управления. Предложенная в статье архитектура, охватывающая этапы от идентификации до мониторинга, и акцент на интеграции риск-менеджмента в проектные методологии и процессы управления изменениями, позволяют создать устойчивую систему. Такой подход позволяет не только минимизировать потенциальные потери, но и превратить способность управлять неопределенностью в источник конкурентного преимущества.

Список литературы:

1. Д.А. Фокина, С.М. Самохвалова ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-upravleniya-riskami-tsifrovoy-transformatsii-na-promyshlennyh-predpriyatiyah> (дата обращения: 24.01.2026).
2. Белякова Г.Я., Фокина Д.А. ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИЕЙ В МАШИНОСТРОЕНИИ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5-1. С. 24-29; URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=453> (дата обращения: 24.01.2026).
3. Афанасьев, А.А. Цифровая трансформация машиностроения России в контексте четвертой промышленной революции / А. А. Афанасьев // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 221-240. – DOI 10.18334/vines.14.1.120242.
4. Миргалеева И.В., Шамсутдинова М.Р., Богданов А.Р. УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ КОМПАНИИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ // Вестник РУК. 2022. №3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-riskami-kompanii-v-protsesse-ee-tsifrovizatsii> (дата обращения: 24.01.2026).
5. Хачатурян, М. В. Особенности управления рисками цифровой трансформации производственных компаний в современных условиях / М. В. Хачатурян // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 1277-1292. – DOI 10.18334/ce.17.4.117534.

УДК 336.717.3:336.222.1

Пейчева А. О.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОД/ФТ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ БАЗЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА

Аннотация. В статье рассматривается формирование системы противодействия отмыванию доходов и финансирования терроризма в Российской Федерации, создание законодательной и институциональной базы, а также процесс имплементации стандартов Базель (I, II, III) Базельского комитета по банковскому надзору в банковскую систему России. Рассматривается нормативно-правовая база и внесенные в нее изменения в рамках интеграции Базельских соглашений.

Ключевые слова: Базельский комитет, Центральный банк Российской Федерации, финансовая политика, Базель I, Базель II, Базель III, ПОД/ФТ, финансовый рынок.

Рассмотрение национальной системы ПОД/ФТ Российской Федерации в контексте влияния на нее Базельских стандартов стоит начать с анализа исторического ее формирования, а именно создание нормативно-правовой и институциональной базы, контрольно-надзорных органов и особенностей подхода к противодействию отмывания доходов и финансированию терроризма.

Формирование российской национальной системы ПОД/ФТ началось в 21 веке, когда законодательная система в этой области стала обретать более системный характер, который был ответом на использование финансовой системы для отмывания доходов и совершения иных финансовых преступлений. Фундаментом, на котором строится законодательная система в области финансового мониторинга является Федеральный закон №115-ФЗ, который действует с 7 августа 2001 года. Именно этот закон стал отправной точкой в построении всей законодательной базы ПОД/ФТ РФ, так как именно в нем впервые, на законодательном уровне, были прописаны определения, понятия, функции и обязанности субъектов финансового мониторинга и модель взаимодействия контрольно-надзорных органов в области противодействия отмывания доходов и финансирования терроризма.

Помимо законодательной базы, в основу системы финансового мониторинга легло создание институциональной среды, а именно формирование первого государственного органа – Федеральной службы по финансовому мониторингу (наст. Росфинмониторинг). Орган был образован как часть исполнительной ветви власти, что способствовало сбору, анализу и обмену информацией о подозрительных и неправомерных операциях, связанных с финансовыми преступлениями, так служба стала центральным ядром финансового мониторинга РФ.

После создания институциональной базы произошел переход от фрагментарных мер к системному регулированию. Со временем законодательство в области ПОД/ФТ стало более согласованным,

стандартизированным под международные практики, стандарты и рекомендации, а функционал, полномочия и влияние контрольно-надзорных органов было расширено на законодательном уровне. Далее развитие национальной системы ПОД/ФТ происходило в большей степени за счет активного взаимодействия с различными международными органами в сфере борьбы с финансовыми преступлениями, что в том числе заложило основы интеграцию Базельских стандартов в российскую финансовую систему.

В контексте внедрения стандартов Базельского комитета по банковскому надзору, в соответствии со ст.9 Федерального закона №86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» [1], мегарегулятор имеет право взаимодействовать с международными организациями, деятельность которых направлена на развитие сотрудничества в области финансового сектора. Таким образом, ЦБ РФ является, в том числе, и участником БКБН.

Интеграция Базельских стандартов в российскую финансовую систему началась в апреле 1991 года, когда Банк России опубликовал инструкцию «О прядке регулирования деятельности коммерческих банков» [2], которая в свою очередь была разработана в соответствии со стандартом БКБН Базель I. Стоит отметить, что требования Центрального Банка Российской Федерации, представленные в данной инструкции были значительно жестче, чем стандарт Базель I, так, например, требование к достаточности капитала у мегарегулятора на четверть выше, чем у БКБН.

В 2004 году Базельский комитет по банковскому надзору опубликовал обновленный стандарт Базель II, состоящий из трех компонентов: рыночная дисциплина, требования к структуре капитала и надзорная функция. Для внедрения стандарта Базель II российскому финансовому сектору не хватало системы оценки рисков, поэтому Банк России в 2004 году разработал и опубликовал стандарт «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации» [3], который направлен на укрепление информационной безопасности, минимизацию рисков системного кризиса и последствий воздействия таких рисков на операционные и кредитные риски. В апреле 2008 года Банк России приступил к полноценной интеграции последнего, на тот момент, стандарта Базель II [4]. В сентябре 2008 года Банк России завершил первый этап внедрения стандарта. В процессе были разработаны рекомендации в нормативную базу, сформированные на основе подходов Базель II, а именно стандартизированного подхода (для кредитного риска) и индикативного подхода (для операционного риска). В процессе реализации второго этапа Банк России выпустил еще некоторые инструкции и рекомендации, направленные на требования к внутренним оценкам достаточности капитала, так в 2011 году было опубликовано письмо от Банка России № 96-Т «О Методических рекомендациях по организации кредитными организациями внутренних процедур оценки достаточности капитала» [5]. Хотя полноценная интеграция Базель II не была завершена, в 2012 году в России

стартовал процесс обсуждения нормативных актов, учитывающих требования определения величины капитала КО уже на основе стандарта Базель III. Банк России планировал внедрить актуальные требования к таким расчетам осенью 2013 года, а для обеспечения гладкого перехода был предусмотрен параллельный расчет, который был запланирован на весну 2013 года. Так, был внедрен расчет собственного капитала, которые учитывает все требования международного стандарта. Таким образом, с учетом всех применяемых мер, в 2014 году Россия внедрила в свою финансовую систему требования международного стандарта Базель III.

Однако, летом 2025 года, Центральный Банк Российской Федерации заявил, что международный стандарт Базельского комитета оказался малоэффективным, поэтому мегарегулятором был разработан собственный национальный норматив краткосрочной ликвидности [6], который в 2026 году должны будут внедрить все российские банки. Согласно новому нормативу, коммерческие банки смогут улучшить не только нормативную, но и фактическую ликвидность. В документе пересмотрена методика оценки краткосрочной ликвидности коммерческих банков в контексте национального подхода и соответствия российскому финансовому сектору и его реалиям. Предлагается новый механизм расчета высоколиквидных активов, уточнение коэффициентов притока и оттока денежных средств и более реалистичное моделирование и развитие стрессовых сценариев, которые учитывают контекст российской экономики.

Таким образом, внедрение требований нового норматива позволит внести изменения в операционные процессы и повысить качество контроля банков, управление рисками и создаст более детальную отчетность, что в свою очередь позволит более эффективно выявлять и анализировать операции с денежными средствами, которые могут быть связаны с отмыванием доходов и финансированием терроризма. Помимо этого, внедрение норматива позволит повысить стандарты корпоративного управления и улучшит контроль внутри коммерческих организаций, такая корректировка потенциально может улучшить устойчивость платформы финансового мониторинга внутри рискориентированного подхода.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/1d4b28e1bbea39ef717ee6311d58df3e2137f01e/ (дата обращения: 23.01.2026).
2. Инструкция ЦБР от 30 апреля 1991 г. N 1 «О порядке регулирования деятельности коммерческих банков». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/5478282/> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Стандарт ЦБР «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» (принят и введен в

действие распоряжением ЦБР от 18.11.2004 N P-609) (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/584972/> (дата обращения: 23.01.2026).

4. Аналитический документ о степени соответствия внутрибанковских подходов к управлению кредитным риском банков – участников проекта «Банковское регулирование и надзор (Базель II)» Программы сотрудничества Евросистемы с Банком России минимальным требованиям IRB-подхода Базеля II. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/Content/Document/File/36680/GAP.pdf> (дата обращения: 24.01.2026).

5. Письмо ЦБР от 29 июня 2011 г. № 96-Т «О Методических рекомендациях по организации кредитными организациями внутренних процедур оценки достаточности капитала». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/491672/> (дата обращения: 24.01.2026).

6. Доклад для общественных консультаций «Новый национальный норматив краткосрочной ликвидности». [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/158672/Consultation_Paper_08022024.pdf (дата обращения: 24.01.2026).

УДК 343.2/.7

Баранова Г. А.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия

ЗАЩИТА УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОХРАНЫ ПРАВ (АНАЛИЗ СТ. 105, 111, 131, 134 УК РФ)

Аннотация. В статье анализируется механизм уголовно-правовой защиты уязвимых категорий лиц через систему квалифицирующих признаков. Выявлены существенные диспропорции в законодательном закреплении специальной защиты: несовершеннолетние получают дифференцированную охрану в зависимости от возраста, тогда как инвалиды, пожилые люди и мигранты практически лишены самостоятельных квалифицирующих признаков. На основе сравнительного анализа статей 105, 111, 131 и 134 Уголовного кодекса Российской Федерации обосновывается необходимость унификации подхода к защите уязвимых категорий. Предложено ввести единый квалифицирующий признак «совершение преступления в отношении лица, находящегося в уязвимом положении» с закрытым перечнем категорий (несовершеннолетние, инвалиды, пожилые люди старше 65 лет, лица в состоянии беспомощности, мигранты без документов, лица в зависимом положении), что позволит устранить пробелы в законодательстве и повысить эффективность уголовно-правовой охраны наиболее уязвимых членов общества.

Ключевые слова: уязвимые категории лиц, квалифицирующие признаки, уголовная ответственность, несовершеннолетние, инвалиды, беспомощное состояние, дифференциация ответственности, Уголовный кодекс РФ.

Современное уголовное право Российской Федерации всё в большей степени ориентируется на принцип дифференциации ответственности с учётом особенностей потерпевшего как субъекта уголовно-правовой охраны. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), обязывает государство обеспечивать особую защиту тех категорий граждан, чья уязвимость обусловлена физическими, возрастными или социальными обстоятельствами. Международные стандарты, закреплённые в Конвенции о правах ребёнка (1989 г.), Конвенции о правах инвалидов (2006 г.), требуют от государств установления усиленных гарантий защиты уязвимых групп населения.

Однако действующее уголовное законодательство РФ демонстрирует фрагментарный подход к защите уязвимых категорий. Квалифицирующие признаки, связанные с уязвимостью потерпевшего, разрозненно закреплены в различных составах преступлений против личности, что создаёт правовые пробелы. Так, при совершении убийства в отношении инвалида суд вынужден квалифицировать деяние по базовому составу статьи 105 УК РФ, тогда как

убийство малолетнего автоматически влечёт применение части 2 указанной статьи с более строгой санкцией.

Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ конструкций квалифицирующих признаков, связанных с уязвимостью потерпевшего, в ключевых составах преступлений против личности (ст. 105, 111, 131, 134 УК РФ), выявить системные пробелы в законодательстве и разработать предложения по их устранению через введение единого механизма дифференциации ответственности.

Под уязвимыми категориями лиц в уголовно-правовом контексте следует понимать группы населения, объективно не способные в полной мере защитить свои права и интересы в силу физических, психических, возрастных или социальных обстоятельств, что повышает степень общественной опасности посягательства на их личность. Уязвимость как правовая категория предполагает реальную невозможность или затруднённую самостоятельную защиту от посягательства.

Конституционная основа специальной защиты уязвимых категорий вытекает из ст. 2 Конституции РФ (приоритет прав человека), ст. 38 (защита материнства, детства, семьи), ст. 39 (социальная защита инвалидов). Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 40-П подчеркнуло, что государство обязано обеспечивать особую защиту детей от всех форм насилия, включая сексуальное, что обусловлено их физической и психологической незрелостью.

Международно-правовые стандарты содержат чёткие ориентиры для уголовно-правовой защиты уязвимых категорий. Статья 19 Конвенции о правах ребёнка обязывает государства защищать детей от всех форм физического или ментального насилия. Статья 16 Конвенции о правах инвалидов требует принятия эффективных мер по предупреждению всех форм эксплуатации, насилия и надругательства в отношении инвалидов.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство РФ не содержит общего определения уязвимых категорий, а перечень таких лиц разрозненно закреплён в отдельных составах преступлений. Это создаёт правовую неопределённость и затрудняет единообразное применение норм.

Анализ ключевых статей Особенной части УК РФ выявляет существенные различия в подходах к закреплению квалифицирующих признаков, связанных с уязвимостью потерпевшего.

Статья 105 УК РФ (убийство) предусматривает квалифицирующий признак убийства малолетнего или иного лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2). При этом законодатель дифференцирует защиту несовершеннолетних: только убийство малолетнего (лица до 14 лет) является квалифицирующим признаком, тогда как убийство подростка в возрасте от 14 до 18 лет не влечёт автоматического ужесточения

ответственности. Понятие «беспомощное состояние» остаётся диспозитивным, что приводит к различному толкованию в судебной практике.

Статья 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) содержит ограниченную систему квалифицирующих признаков: причинение вреда здоровью беременной женщине, повлёкшее прерывание беременности (п. «г» ч. 2). При этом отсутствуют специальные признаки для защиты несовершеннолетних, инвалидов или лиц в беспомощном состоянии.

Статья 131 УК РФ (изнасилование) предусматривает квалифицирующий признак совершения преступления в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста (п. «б» ч. 3). Однако отсутствуют признаки, связанные с уязвимостью по иным основаниям (инвалидность, беспомощное состояние).

Статья 134 УК РФ (половые действия с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста) представляет собой самостоятельный состав преступления. При этом законодатель установил возрастную планку в 16 лет, что создаёт правовую коллизию с системой защиты несовершеннолетних в других статьях УК РФ (14 лет для изнасилования как квалифицирующего признака). Более того, статья 134 УК РФ не содержит специальных квалифицирующих признаков для защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Сравнительный анализ демонстрирует системные диспропорции: возрастные критерии разнятся в зависимости от состава преступления (14 лет в ст. 105 и 131 УК РФ, 16 лет в ст. 134 УК РФ), а такие категории, как инвалиды, пожилые люди, мигранты, практически лишены специальной уголовно-правовой защиты.

Наиболее ярко пробелы в защите уязвимых категорий проявляются при анализе судебной практики по применению признака «беспомощное состояние» (ст. 105 ч. 2 п. «в» УК РФ). Согласно Обзору судебной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2023 г., суды в 68% случаев ограничивают толкование этого признака физической недееспособностью потерпевшего (глубокий сон, тяжёлая болезнь, сильное опьянение), не учитывая социальную уязвимость.

Так, при рассмотрении дела о совершении убийства в отношении пожилого человека (78 лет) с ограниченными физическими возможностями, суд первой инстанции отказал в квалификации по части 2 статьи 105 УК РФ, указав, что «возраст сам по себе не свидетельствует о беспомощном состоянии». Подобный формальный подход игнорирует реальную уязвимость пожилых людей.

Ещё более критична ситуация с защитой инвалидов. При совершении изнасилования в отношении женщины с интеллектуальной инвалидностью суд квалифицировал деяние по части 1 статьи 131 УК РФ, отказав в применении квалифицирующего признака, поскольку потерпевшая была

старше 14 лет, и не применив иных признаков, связанных с уязвимостью по состоянию здоровья.

Системный анализ судебной практики выявляет следующие пробелы:

Отсутствие специальной защиты инвалидов — ни одна из статей глав 16 и 18 УК РФ не содержит квалифицирующего признака «в отношении инвалида», что противоречит требованиям Конвенции о правах инвалидов.

Недостаточная защита пожилых людей — лица старше 65 лет не выделены в качестве отдельной уязвимой категории, хотя их физическая уязвимость и социальная изоляция создают повышенные риски посягательств.

Пробел в защите мигрантов — лица без документов, не владеющие языком страны пребывания, находящиеся в зависимом положении у работодателей, практически лишены специальной уголовно-правовой защиты.

Неопределённость понятия «беспомощное состояние» — диспозитивная формулировка приводит к субъективизму в судебной практике.

Для устранения выявленных пробелов и создания системного подхода к защите уязвимых категорий предлагается внести в Уголовный кодекс РФ изменения, направленные на унификацию механизма дифференциации ответственности.

Во-первых, целесообразно дополнить статьи 105, 111, 131 и 132 УК РФ единым квалифицирующим признаком «совершение преступления в отношении лица, находящегося в уязвимом положении», с закрытым перечнем категорий:

«Г) в отношении лица, находящегося в уязвимом положении, а именно:

- несовершеннолетнего;
- инвалида любой группы;
- лица старше шестидесяти пяти лет;
- лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии вследствие болезни, опьянения, сна или иного обстоятельства, лишаящего его возможности самостоятельно защищаться;
- лица, не имеющего гражданства Российской Федерации и не владеющего русским языком в объёме, достаточном для обращения за помощью к правоохранительным органам;
- лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от виновного».

Во-вторых, необходимо уточнить понятие «беспомощное состояние» путём включения в примечание к статье 105 УК РФ разъяснения: «Под беспомощным состоянием понимается как физическая недееспособность к сопротивлению (сон, болезнь, опьянение), так и социальная уязвимость, обусловленная возрастом, инвалидностью, миграционным статусом или зависимым положением, если виновный заведомо использовал эту уязвимость для совершения преступления».

В-третьих, следует унифицировать возрастные критерии защиты несовершеннолетних: установить единый порог в 14 лет для всех квалифицирующих признаков, связанных с возрастной уязвимостью.

Предлагаемые изменения соответствуют принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку устанавливают более строгую ответственность за посяательства на наиболее уязвимые категории лиц, чья способность к самозащите ограничена объективными обстоятельствами. Одновременно они соответствуют принципу равенства перед законом (ст. 4 УК РФ), поскольку дифференциация ответственности обусловлена не произвольными критериями, а объективной степенью уязвимости потерпевшего.

Защита уязвимых категорий лиц представляет собой одну из ключевых задач современного уголовного права. Анализ действующего законодательства выявил системные пробелы в механизме уголовно-правовой охраны уязвимых групп населения: фрагментарность квалифицирующих признаков, неопределённость понятий, отсутствие защиты для инвалидов, пожилых людей и мигрантов.

Сравнительный анализ конструкций статей 105, 111, 131 и 134 УК РФ показал, что законодатель применяет несогласованные подходы к дифференциации ответственности: возрастные критерии разнятся (14 и 16 лет), одни категории получают специальную защиту (беременные женщины), другие — практически лишены её (инвалиды). Судебная практика по применению признака «беспомощное состояние» демонстрирует формальный подход, игнорирующий социальную уязвимость потерпевших.

Введение единого квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении лица, находящегося в уязвимом положении» с закрытым перечнем категорий позволит:

- устранить пробелы в защите инвалидов, пожилых людей, мигрантов и лиц в зависимом положении;
- унифицировать подход к дифференциации ответственности в составах преступлений против личности;
- повысить предсказуемость и единообразие судебной практики;
- привести национальное законодательство в соответствие с международными стандартами защиты прав уязвимых групп.

Реализация предложенных изменений усилит гарантии уголовно-правовой охраны наиболее уязвимых членов общества, что соответствует конституционному принципу приоритета прав человека.

Список литературы:

1. Конвенция о правах ребёнка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 24. — Ст. 401.
2. Конвенция о правах инвалидов (Нью-Йорк, 13 декабря 2006 г.) // Бюллетень международных договоров. — 2012. — № 9. — С. 3–28.

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 2. — С. 3–24.
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. по сост. на 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 40-П по делу о проверке конституционности норм ст. 131, 132 УК РФ в части охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 1 (ч. II). — Ст. 222.
7. Обзор судебной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2023 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 3. — С. 5–28.
8. Бастрыкин А. И. Защита прав граждан в деятельности органов предварительного расследования. — М. : Проспект, 2023. — 192 с.
9. Волженкин Б. В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: науч.-практ. комментарий. — М. : Статут, 2023. — 256 с.
10. Зеенский В. Д. Уголовно-правовая охрана частной жизни : монография. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2023. — 260 с.
11. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственный редактор А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 410 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-04853-7. — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: urait.ru/bcode/452985
12. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственный редактор А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 499 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-04855-1. — Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: urait.ru/bcode/453852
13. Коробеев А. И. Уголовно-правовая охрана личности в России : эволюция и современное состояние. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2023. — 280 с.
14. Кругликов Л. Л. Личность потерпевшего в уголовном праве : монография. — Ярославль : ЯрГУ, 2023. — 310 с.
15. Чучаев А. И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина : учеб.-практ. пособие. — М. : Юрлитинформ, 2022. — 240 с.
16. Хавронюк Н. И. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека : сравнительно-правовое исследование. — М. : Инфра-М, 2022. — 352 с.

КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО

УДК 81'373.612

Пономарев Н. Ф.

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия

МЕМЫ И АЛЛЮЗИИ

Аннотация. Статья посвящена аллюзии как понятной для сведущего адресата отсылке в арт-меме на классическое, популярное или модное произведение искусства (картину, музыку, нарратив, спектакль, зрелище), сделанной автором для добавления когнитивных импликатур, культурных коннотаций, эстетических и утилитарных эмоций в суммарный смысл оценочного шутливо-иронического суждения о значимом событии, субъекте или проблеме в контексте новостного триггера.

Ключевые слова: аллюзия, концептуальный блендинг, концептуальная метафоризация, коннотации, шутки-для-своих, инсинуации, арт-мемы.

В общем виде аллюзия как косвенная (намеренная или неумышленная) ссылка в авторском нарративе (в тексте-цели) на популярный вымышленный или документальный нарратив (в тексте-источнике) побуждает адресата при осмыслении текста-цели принять во внимание те аспекты текста-источника, которые подтверждают их релевантность для предполагаемого замысла автора.

Аллюзия, как и концептуальная метафоризация, является разновидностью концептуального блендинга.

Концептуальная метафоризация [Lakoff, Johnson 1980] – это частичное осмысление концепта-мишени за счет проекции на него концепта-источника и установление соответствий между некоторыми компонентами этих концептов как архивов (напр., проекция концепта САД на концепт СЕМЬЯ). Если аллюзия за счет текста-источника добавляет импликатуры и коннотации в итоговый смысл авторского высказывания (в пропозиции-мишени и в концепты-мишени), то метафоризация добавляет коннотации только в концепты-мишени: «Семья Любви Раневской похожа на «Вишневый сад».

Аллюзии как отсылки к общему социокультурному опыту (включая мемы) автора и адресата сходны с шутками, которые по своей природе должны пониматься без дополнительных объяснений: «Если для понимания аллюзии целевой аудитории нужны дополнительные объяснения, это свидетельствует о том, что она не обладает достаточной эстетической привлекательностью. Это похоже на то, как шутка не будет вызывать смеха, если после её озвучивания нужно дополнительно объяснять, почему она смешная» [Irwin 2002: 531].

Аллюзия – это в некотором роде загадка, которую адресат должен разгадать, чтобы доосмыслить или переосмыслить (по-серьезному, иронически,

саркастически, юмористически, пародийно) авторский текст: «Нас просят сложить недостающий фрагмент головоломки, опираясь на некоторые [общие] знания» [Irwin 2001: 293] (Рис.1).

субъект – персонаж	субъект – историческая фигура
событие – нарратив	событие – исторический факт
локация – сеттинг	локация – историческое место
текст – культурный текст	текст – медиа́текст
мем – родственный мем	мем – популярный мем

Рисунок 1.

Разгадка аллюзии не должна требовать от адресата ни слишком мало, ни слишком много усилий. Слишком смутная аллюзия напоминает «Черный квадрат» Казимира Малевича, а слишком ясная – заезженный фразеологизм: «В идеале аллюзия призывает целевую аудиторию вспомнить какую-то информацию, а не заучивать ее заново... Аллюзия не должна быть загадкой, над которой нужно долго размышлять, а должна быть подсказкой для быстрого ощущения узнавания и связи, выполненной с минимальными затратами психической энергии» [Irwin 2002: 529]. Общеизвестная цитата как фрагмент текста-источника оценивается как *убогая аллюзия*, поскольку ее опознание не требует никаких когнитивных усилий или не добавляет в осмысление авторского текста ничего нового.

Аллюзия как намек на конкретный нарратив или событие выполняет функцию *шутки-для-своих* или опознавательного знака *свой-чужой*: «Понимание некоторых аллюзий отличает образованных людей от необразованных: намек на *фунт мяса* будет правильно понят некоторыми, но не всеми... Аллюзии также могут отделять юристов от не-юристов, шахтеров от не-шахтеров и дантистов от не-дантистов. Ощущение комфорта и интимности, получаемое от понимания аллюзии, не отличается от ощущения, когда слышишь родной язык в чужой стране» [Irwin 2002: 527] (Рис.2).

Κοσвенность и *неопределенность* сближает аллюзию с *инсинуацией* и позволяет автору снять с себя ответственность за истинность или моральность импликатур, которые выводит адресат: «[Автор] не принимает на себя ответственность за то, что подразумевается, потому что это, конечно, не было сказано явно: в лучшем случае предлагалось установить определенные связи» [Wodak 2002: 501].

Более того, автор может убедительно отрицать наличие какого-либо намерения повлиять от адресата: «Аллюзивные значения существуют только в сознании читателя, и поэтому... создавая аллюзию, [именно] читатель добавляет к читаемому тексту что-то, чего в противном случае там не было бы» [Russi 1998: 43]. Прибегая к аллюзии, автор не только усиливает перлокутивный эффект высказывания, укрепляет свой статус кредитного актора с *внушительным* культурным капиталом, но и неявным образом влияет на эмоциональное состояние адресата (Рис.2).

ошеломить: удивление	напугать: страх
развеселить: радость	огорчить: грусть
похвалить: гордость	разоблачить: отвращение
очаровать: симпатия	обвинить: ненависть
превозносить: восхищение	унизить: презрение

Рисунок 2. Эмоциональное воздействие мема.

Ключевые носители аллюзий в публичном дискурсе (помимо художественных нарративов в сторителлинге, культурных артефактов в событийном маркетинге и исторических персонажей в игровом маркетинге) – это арт-мемы, которые содержат в себе умышленные и случайные, явные и скрытые, взаимодополняющие или противоречивые (контрапункты) коннотации), замаскированные инсинуации, а также акцентированные аллюзии на прецедентные (общеизвестные) события или нарративы (визуальные, вербальные, музыкальные, перформативные).

Отбор и встраивание аллюзий в мемы не дает никаких гарантий их

опознания всеми членами целевой группы, если меморист (автор мема) не удосужился выявить популярные в данный период времени художественные артефакты (нарративы, персонажи, метавселенные) и медиафеномены (селебрити-персоны, скандалы, теории заговора). Возможности для такого поиска резко возросли в связи с появлением доступных нейросетей, но до сих пор большинство акторов предпочитают руководствоваться собственными архивами и предпочтениями, что отнюдь не повышает эффективность медиакампаний.

Наконец, аллюзии должны либо соответствовать прочим подтекстам (импликатурам и коннотациям), либо наоборот противоречить, т.е. быть в контрапункте с ними (Рис. 3)

персонаж vs. реплика	персонаж vs. песня
персонаж vs. графика	персонаж vs. символика
надпись vs. шрифт	надпись vs. озвучка
надпись vs. хештег	регистровый юмор
коммент vs. надпись	неологизм
персонаж vs. пейзаж	персонаж ¹ vs. персонаж ²
персонаж vs. саундтрек	персонаж vs. субъект
надпись vs. символ	персонаж vs. событие
опрос vs. проблема	персонаж vs. проблема
игра слов	персонаж vs. ценность

Рисунок 3. Контрапункты в мемах.

В целом контрапункты любого рода всегда интенсифицируют эмоциональное воздействие любого артефакта или медиапродукта, а также

ироническую или юмористическую тональность суждение, тем самым усиливая перлокутивный эффект мема как риторического медиапродукта (Рис. 4)

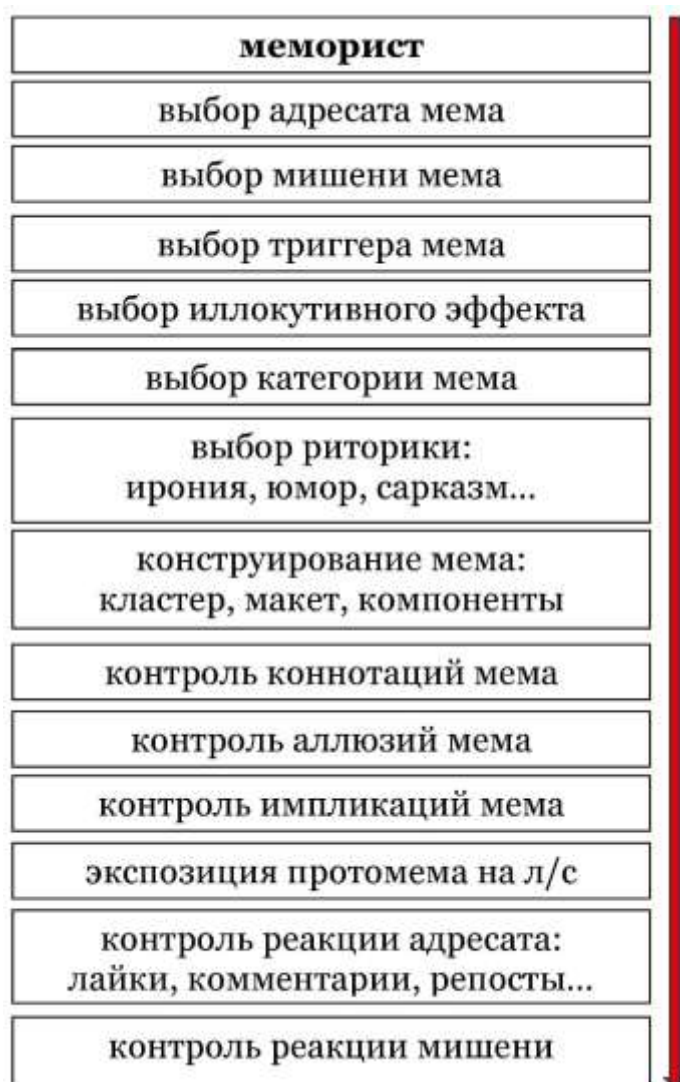

Рисунок 4. Конструирование мема.

Список литературы:

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
2. Irwin W. The aesthetics of allusion // *The journal of value inquiry*. 2002. Vol. 36. P. 521-532.
3. Irwin W. What is an allusion? // *Journal of aesthetics and art criticism*. 2001. Vol. 59 (3). P. 287-297.
4. Wodak R. Friend or foe: The defamation or legitimate and necessary criticism? Reflections on recent political discourse in Austria // *Language and communication*. 2002. Vol. 22. P. 495-517.
5. Pucci J. *The full-knowing reader: Allusion and the power of the reader in the Western literary tradition*. New Haven: Yale University Press, 1998.

УДК 81'42

Ποномарев Н. Ф.

Περмский государственный национальный исследовательский университет, Περмь,
Россия

МЕМЫ КАК ОБРАЗЦОВЫЙ МЕДИАПРОДУКТ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению мема как образцового воплощения медиапродукта, который идеально вписывается в когнитивные и социокультурные тенденции публичного дискурса (тривиализация, инфантилизация, рекреатизация, визуализация, сериализация, вульгаризация, новый аффективный порядок), соответствует технологическим аффордансам социальных медиа и эмоционально-когнитивным запросам большинства медиа-юзеров, а также может использоваться в качестве триггера для запуска кросс-медийной динамики новостного контента.

Ключевые слова: тривиализация, инфантилизация, неучтивость, новый аффективный порядок, гипернарративность.

Мемы как метажанр (мемы-экземпляры, мемофлексы, мемокластеры и меморативы) в полной мере (идеально?) отвечают тенденциям развития цифровой коммуникации, техническим и социокультурным ограничениям и возможностям (аффордансам) социальных медиа и запросам медиа-юзеров.

Публичный дискурс в целом одновременно претерпевает несколько взаимосвязанных трансформаций.

Во-первых, *акселерация* подталкивает медиа-юзеров к непрерывному поиску ярких эмоций и простых лайфхаков, чтобы отвлечься от повседневной рутины и сэкономить усилия для достижения успеха по формуле «максимум впечатлений за минимальное время» (*синдром упущенной выгоды/FoMO*) [1]: «Люди чувствуют необходимость идти в ногу со скоростью изменений в их социальном и технологическом мире, чтобы избежать потери потенциально ценных дополнительных возможностей и связей... [Однако] в мире непрерывных изменений становится все труднее сказать, какие варианты в конечном итоге окажутся ценным» [2, с. 11, 30]. Это усиливает синдром дефицита внимания и ухудшает когнитивную обработку медиапродуктов, в результате чего медиа-юзер игнорирует контент, который требует больше 7-12 секунд для осмысления, довольствуется акцентированными эвристиками, визуальными маркерами и крылатыми фразами: «60% пользователей социальных медиа делятся статьями, не читая их, а лишь основываясь на ограниченных подсказках, таких как название статьи или миниатюра, связанная с ней» [3] (Рис. 1).

мульти-модальная риторика	публичный интердискурс селебритизация	виртуализация метавселенные	'неискренний дискурс'	'несерьезный дискурс'
визуальная риторика карикатура	цифровая культура соучастия	нетлор/китч	троллинг rage bait	инфантилизация тривиализация акселерация
эмоциональная амплификация	народная [participatory] пропаганда	визуализация де-вербализация	медиашторм скандал	юмор/шутка смех
теории заговора	ремикс трансмедиация апроприация	политическая магия	вульгаризация дисфемизация	ирония сарказм
режим постправды фейки	интертекст	моральная риторика	slop/junk news shit storming	пародия поддразнивание
военизация [weaponization] соцсетей	иллюзия перлюкутивный эффект	сторителлинг микронарратив	политическая околесница [bullshit]	игровая риторика
вычислительная [computational] пропаганда	импликатуры инсинуации	медиазация вирализация хайпизация	аллюзии коннотации пресуппозиции	рекреатизация лудификация геймификация

Рисунок 1. Экология мема.

Во-вторых, *тривиализация* как приоритетная ориентация при производстве контента на простые объяснения и эвристики, спровоцированная повсеместной социальной *инфантилизацией* [4], поощряется автоматизированными системами рекомендаций в социальных медиа и в поисковиках, которые продвигают востребованный многими медиа-юзерами развлекательный и простой контент, не требующий когнитивных навыков на уровне взрослого субъекта.

В-третьих, *вульгаризация* (и дисфемизация) как стилистическое *выравнивание* дискурса за счет повсеместного вульгарно-просторечного стиля и сквернословия не требует умений *переключать* [5] или различать тональности, что, опять-таки, сокращает когнитивные затраты, хотя и ухудшает понимание регистрового юмора.

В-четвертых, *сериализация* как демонстрация обширного тематического контента в виде последовательности разнесенных по времени компактных медиапродуктов позволяет медиа-юзерам усваивать продленные нарративы, преодолевая *гипернарративность* как интенсивную циркуляцию бесконечной сети взаимосвязанных трансмедийных нарративов, требующих разных когнитивных предпочтений: «Интернет в целом предлагает опыт взаимодействия с информацией, у которой нет ни начала, ни середины, ни конца, и которая всегда незавершённа и не может быть завершена, поскольку сайты социальных сетей и видеоигры, твиты и веб-страницы постоянно перетекают друг в друга, создавая повсеместное информационное пространство, по которому мы путешествуем, беззаботно перескакивая с одного информационного фрагмента-отрывка на другой» [6, с. 99].

В-пятых, *новый аффективный порядок* [7] задает параметры для контента, который *может стать* вирусным. Это компактность (воспринимается в один присест), эстетическая и эмоциональная привлекательность (провоцирует эстетические и утилитарные эмоции), развлекательность (доставляет удовольствие от удовлетворения эмоциональных, когнитивных или социальных потребностей) [8], многозначность (содержит экспликации, импликации, коннотации, аллюзии), мультимодальность («совместное присутствие и взаимная увязка в тексте в целом нескольких семиотических модусов» [9]). Такие медиапродукты (упакованный тематический контент) являются *текучим* и *прилипчивым* [10], легко обнаруживаются при навигации по ссылкам (хештегам) в разных медиадоменах и на разных технических устройствах.

В-шестых, благодаря *рекреатизации*, привлекательность контента, измеряемая медиаметриками (лайками, репостами, комментариями, поисковыми запросами) в минимальной степени зависит от достоверности (режим постправды) и в решающей степени влияет на вирализацию, что ведет к ускоренному распространению мусорного контента, фейковых новостей, политической ахиней и, в конечном счете, к шитпостингу: «Относительность истины буквально взрывает реальность как постмодернистское калейдоскопическое переживание, где каждая позиция или взгляд на реальность так же ценны, как и любые другие» [11]. Прототипический (идеальный) цифровой контент генерируется в X/Twitter, где требуется простота, поощряются эмоциональность, импульсивность и неучтивость: «Твиттинг – это очень импульсивная деятельность, которую легко заниматься, даже если вам нечего сказать или сказать что-то важное» [12, с. 217].

Наконец, в-седьмых, *кросс-медийная динамика* задает замкнутый цикл циркуляции новостного контента. Медиа-юзеры создают *текущие и прилипчивые* медиа-истории (1), которые присваиваются и транслируются новостными медиа (2), аудитории которых популяризируют истории в гибридной медиасфере (3), что увеличивает число запросов по истории (4) и формирует в поисковой системе *пузырь фильтров* (5), эхо-камеры (6) и впечатление единомыслия (7), что раскручивает *спираль согласия* (8) и усиливает социальный конформизм (9), что задает приоритетные темы для публичного дискурса, в том числе, в социальных медиа (10) (Рис.2).

адвокатский контент

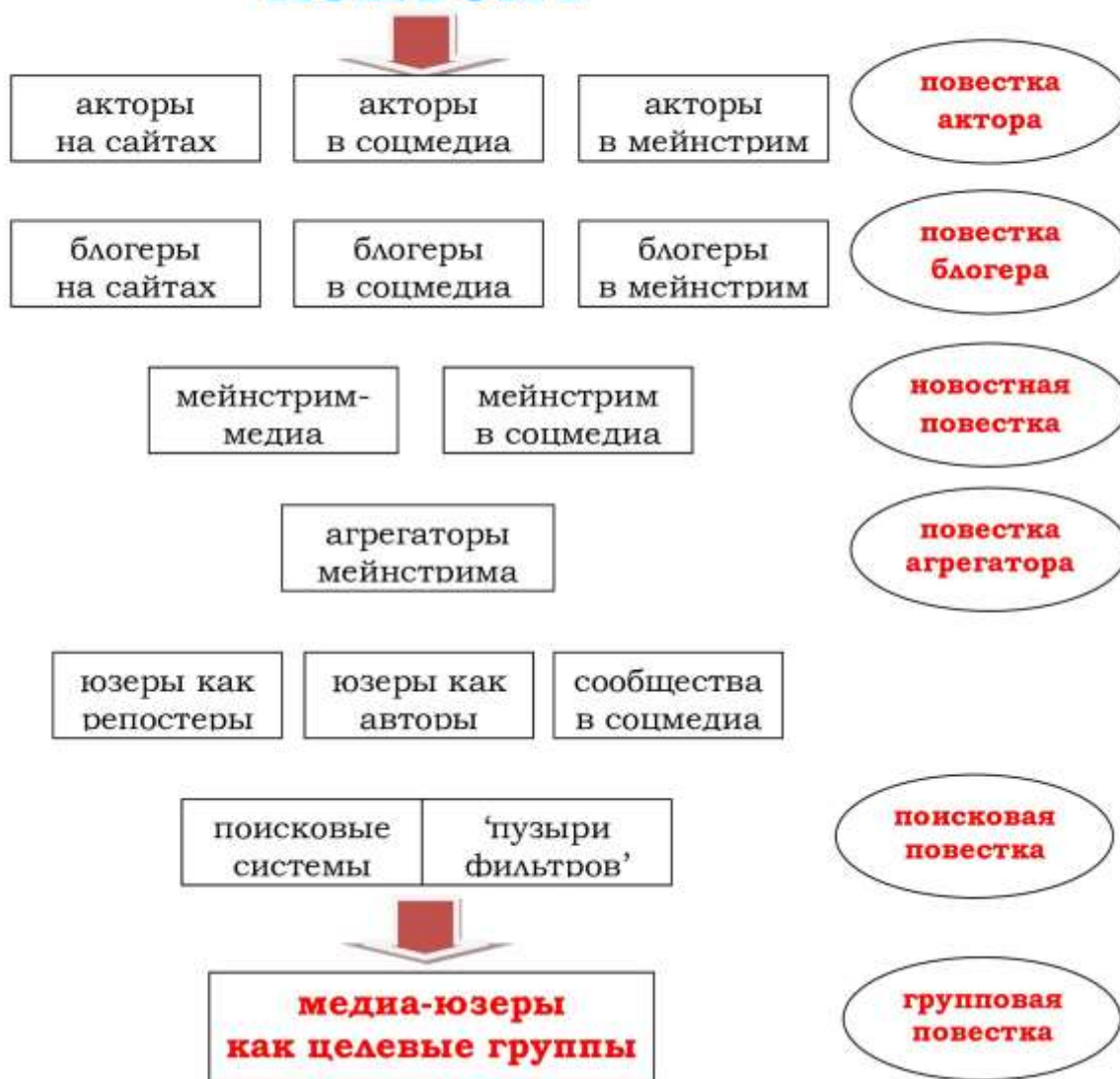

Рисунок 2. Маршрутизация адвокатского контента.

Мемы следует рассматривать (и исследовать) как закономерный продукт цифровой культуры соучастия, которые идеальным образом встроены в тенденции развития цифровой массовой коммуникации, ожидания потенциальных целевых групп и намерения влиятельных акторов как заинтересованных субъектов-заказчиков. Всё это в совокупности с технологической и программной структурой цифровой медиасреды составляет то, что мы называем *мемо-экологией*, параметры которой задают возможности и ограничения для деятельности *мемористов*.

Список литературы:

1. Gupta M., Sharma A. Fear of missing out: A brief overview of origin, theoretical underpinnings and relationship with mental health // World journal of clinical cases. 2021. Vol. 9 (19). P. 4881-4889.
2. Rosa H. Social acceleration: Ethical and political consequences of a desynchronized high-speed society // Constellations. 2003. Vol. 10 (1). P. 3-33.
3. Gabielkov M., Ramachandran A., Chaintreau A., Legout A. Social clicks: What and who gets to read on Twitter? // Proceedings from Sigmetrics 2016 Conference. Antibes Juan-Les-Pins, France.
4. Barber B. Consumed: How markets corrupt children, infantilize adults and swallow citizens whole. London: Norton, 2007.
5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003.
6. Rose E. Hyper attention and the rise of the antinarrative: Reconsidering the future of narrativity // Narrative works: Issues, investigations and interventions. 2012. Vol. 2 (2). P. 92-102.
7. Nelson R. TV Drama: Flexi-narrative form and ‘a new affective order // Mediated drama – Dramatized media / ed. E. Voigts-Virchow. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2000. P. 111-118.
8. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the heart of media entertainment // Communication theory. 2004. Vol. 14 (4). P. 388-408.
9. Stöckl H. Sprache-Bild-Texte lesen. Bausteine zur Methodik einer Grundkompetenz // Bildlinguistik. Theorien-Methoden-Fallbeispiele / ed. H. Diekmannshenke, M. Klemm, H. Stöckl. Berlin: Erich Schmidt, 2011. P. 45-70.
10. Jenkins H., Ford S., Green J. Spreadable media: Creating value and meaning in a networked culture. N.Y.: New York University Press, 2013.
11. Wagener A. Hypernarrativity, storytelling, and the relativity of truth: Digital semiotics of communication and interaction // Postdigital science and education. 2020. Vol. 2 (1). P. 147-169.
12. Stieglitz S., Dang-Xuan L. Emotions and information diffusion in social media – Sentiment of microblogs and sharing behavior // Journal of management information systems. 2013. Vol. 29 (4). P. 217-247.

УДК 008

Πονομарев Н. Ф.

Περмский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия

МЕМЫ И ЦИФРОВОЙ КИТЧ

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей и объяснению целесообразности массового производства и распространения произведений в стилистике художественного китча в связи с генерацией и эволюцией мемов как одной из форм порождения и существования цифрового китча в парадигме малых эстетических категорий. Обращается внимание на когнитивные и коммуникативные взаимосвязи цифрового китча, политической ахиней и мусорного контента.

Ключевые слова: ахудожественный китч, цифровой китч, малые эстетические категории, интернет уродства, котент, подгоревшие мемы.

За последние десять лет мемы обрели статус незаменимых медиапродуктов, без которых невозможно представить себе как минимум социальные медиа.

Мемогенерация как конструирование и распространение шутливо-иронических суждений с ориентацией на перлокутивный эффект получила признание в профессиональных сообществах политтехнологов, пиар-менеджеров и маркетологов, включена в набор обязательных компонентов любой стратегической коммуникации и постепенно осваивается влиятельными акторами как навык и ресурс, необходимые для публичных политиков, корпоративных спикеров и селебрити-персон.

В качестве сырья для мемов используется что угодно, от удачного каламбура в чате и популярной картины до реальных, адаптированных или вымышленных отрывков из гипертекстов (цифровой художественной литературы, в которой фрагменты соединены гиперссылками) или сериальных гипернарративов (гипертекстов в трансмедийной мультивселенной), поэтому сконструировать универсальное определение, которое подходило для любых мемов и отделяло мемы от не-мемов, невозможно: «Упоминание о том, что у человека две ноги, полезно для того, чтобы отличить человека от козла или тостера, но трудно придумать дальнейшее уточнение, которое не вырождалось бы в длинный перечень частных случаев. Даже если бы такое расширение было успешным, полученный в результате [перечень размером с] фолиант больше не служил бы целям эффективной коммуникации или... обучения» [1].

Несколько особняком стоят арт-мемы, которые помимо перлокуции выполняют еще функцию простонародной (а не профессиональной) *транскультурации* как конвертации произведений высокого искусства в *цифровой китч* [2].

В массовой культуре в целом произведения в стиле китча открыто имитируют артефакты высокого искусства, но «вместо оригинальности предлагает только затасканные мотивы и устаревшие или бойкие имитации» [3, с. 29], «суррогатный опыт и фальшивые ощущения» [4, с. 12].

Социальная и коммерческая целесообразность создания, распространения и продажи образцов китча в экономике впечатлений объясняется тем, что китч обеспечивает потребителей «теми же видами и качествами красоты, которые воплощены в уникальных или редких и недоступных оригиналах, предлагает мгновенную красоту, утверждая, что между ним самим и оригинальной вечной красотой нет существенной разницы» [5, с. 252].

Несмотря на свою художественную примитивность, китч может возбуждать в неискушенном зрителе сильные эстетические и утилитарные эмоции: «Китч вызывает две слезы, которые быстро вытекают одна за другой. Первая слеза говорит: «Как приятно видеть детей, бегающих по траве!» Вторая слеза говорит: «Как приятно быть тронутым вместе со всем человечеством бегающими по траве детьми!». Именно вторая слеза делает китч китчем. Братство людей на земле будет возможно только на основе китча» [6, с. 251-252]. Иначе говоря, позволяет потребителям с меньшими затратами и усилиями получать эстетическое удовольствие и наращивать свой (суррогатный?) культурный капитал. В этом отношении художественный китч (artistic kitsch) – это ближайший родственник политической околесицы: «Околесица нарушает требования, предъявляемые к утверждениям, которые претендуют на обоснованность, во многом подобно тому, как китч противоречит целям искусства» [7].

В цифровой культуре соучастия стилистика китча удачно встроилась в систему малых эстетических жанров.

Во-первых, это новые *малые эстетические категории* вроде прикольный/zany, милый/cute, интересный/interesting: «Когда мы называем фотографию ‘интересной’ или восхищаемся ‘милотой’ щенка, такие мимолетные суждения слетают с наших губ почти автоматически, так что мы редко, если вообще когда-либо, останавливаемся, чтобы подумать, что же такого милого в этом щенке и что значит выносить такое суждение» [8].

В частности, это *котификация визуальных нарративов* [9] как использование картинок или видео с кошками, сопровождаемые графическими или звучащими надписями на якобы социолектах кошек (*‘котент’*), которые часто превращаются в контент для *запойного просмотра* (binge watching/browsing): «Грациозный, деликатный, изысканный, красивый, миловидный, элегантный, броский... Нет таких не-эстетических характеристик, которые в любых условиях могли бы служить логически достаточными основаниями для их использования... В то время как каждый квадрат является квадратным в силу одного и того же набора условий, четырех

равных сторон и четырех прямых углов, эстетические термины применимы к самым разным объектам: одна вещь изящна из-за этих особенностей, другая – из-за тех, и так далее почти бесконечно» [10, с. 424] (Рис. 1).

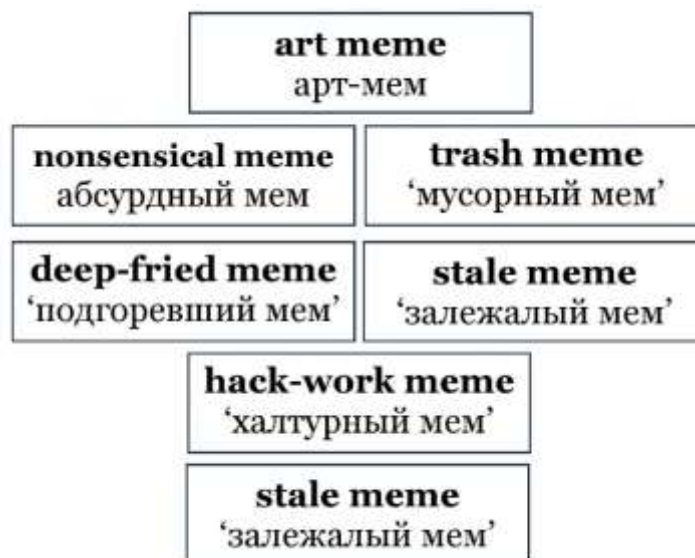

Рисунок 1. Деграция мема.

Во-вторых, это *смутные эстетические* категории [11] вроде ‘странно удовлетворяющий’ (oddly satisfying) (идеально тонко нарезанные помидоры на витрине); ‘слегка интересный’ (mildly interesting) (блик на объективе, напоминающий мультяшного персонажа; кот, рисунок на шерсти которой образует на туловище цифру ‘пять’); ‘слегка бесящий’ (mildly infuriating) (одна-единственная неправильно положенная плитка на полу в ванной; пара безнадежно запутавшихся наушников)

В-третьих, это *эстетика интернет-уродства* [12], которая «нормализует ущербный и неполированный внешний вид, одновременно высмеивая общепринятые нормы» [13].

Мемы в *малой эстетике* (lolcats), *смутной эстетике* (TikTok-memes) и в *эстетике уродства* (deep-fried memes, cursed memes, trash memes) составляют значительную долю доминирующих в социальных медиа *мусорного контента* (junk content) [14], шитпостинга и политической околесицы (political bullshit) [15].

В процессе вирализации и ремикса эстетические качества (и когнитивные тоже) мема могут изменяться для адаптации к конкретным мемокультурам или к ситуативным задачам мемориста-ремиксера (Рис. 2).

вирализация – апроприация – схематизация		
meme template мемошаблон	cultural artifact культурный артефакт	meme token экономический продукт
meme phrase мем-фраза	iconic meme культовый мем	meme character мемперсонаж
hashtag meme мем-хэштег	forced meme форсированный мем	meme sticker мем-эмотикон
Twitter/X meme твиттер/икс-мем	normie meme попсовый мем	ad meme рекламный мем
dank meme 'крутой мем-для-своих'	niche meme нишевый мем	hijacked meme 'угнанный мем'
fandom meme фандом-мем	DIY-artifact протомем	brand meme бренд-мем

Рисунок 2. Эволюция мема.

Эстетические качества мема составляют один из слоев его смысловой структуры, а конкретно – провоцируемые эстетические эмоции (Рис. 3).

макет мема
компоненты мема
коннотации мема
экспликации мема
импликации мема
аллюзии мема
риторическая тональность мема: ирония, сарказм, юмор, насмешка
инсинуации мема
утилитарная эмоция мема
моральная эмоция мема
эстетическая эмоция мема
семья мема: триггер-кластер, мишень-кластер
нарратив мема

Рисунок 3. Смысловая структура мема.

Список литературы:

1. Brooks L.R., Hannah S.D. Instantiated features and the use of rules // Journal of experimental psychology: General 2006. Vol. 135 (2). P. 133-151.
2. Tormakhova A., Tovmash D., Grechkosii R. the influence of artistic kitsch on the formation of political memes // The Slovak journal of aesthetics. 2024. Vol. 13 (2). P. 117-145.
3. Kjellman-Chapin M. The politics of kitsch, rethinking Marxism // A journal of economics, culture and society. 2010. Vol. 22 (1). P. 27-41.
4. Greenberg C. Avant-garde and kitsch // Clement Greenberg: The collected essays and criticism. Vol. 1. Perceptions and judgments, 1939-1944 / ed. J. O'Brian. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 5-22.
5. Calinescu M. Five faces of modernity: Modernism, avant-garde, decadence, kitsch, postmodernism. Durham: Duke University Press, 1987.
6. Kundera M. The unbearable lightness of being. London: Faber and Faber, 1999.
7. Dadlez E.M. What bullshit, kitsch, and moral grandstanding have in common // The Polish journal of aesthetics. 2021. Vol. 63 (4). P. 85-96.
8. Ngai S. Our aesthetic categories: Zany, cute, interesting. Cambridge: Harvard University Press, 2012.
9. Thibault M., Marino G. Who run the world? Cats: Cat lovers, cat memes, and cat languages across the Web // International journal for the semiotics of law. 2018. Vol. 31. P. 473-490.
10. Sibley F. Aesthetic concepts // The philosophical review. 1959. Vol. 68 (4). P. 421-450.
11. Schonig J. Liking as creating: On aesthetic category memes // New media and society. 2020. Vol. 22 (1). P. 26-48.
12. Douglas N. It's supposed to look like shit: The Internet ugly aesthetic // Journal of visual culture. 2014. Vol. 13 (3). P. 314-339.
13. Aharoni T. When high and pop culture (re)mix: An inquiry into the memetic transformations of artwork // New media and society. 2019. Vol. 21 (10). P. 2283-2304.
14. Venturini T. From fake to junk news, the data politics of online virality // Data politics: worlds, subjects, rights / ed. D. Bigo, E. Isin, E. Ruppert. London: Routledge, 2019. P. 123-144.
15. Frankfurt H.G. On bullshit. The importance of what we care about: Philosophical essays. N.Y.: Cambridge University Press, 1986.

УДК 141.3

Мугтабарова А. Р.

*Научный руководитель: Горбачев С. Б., к.полит.н., доцент
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия*

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ЕСТЕСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИИ И АЛЬТРУИЗМА

Аннотация: В статье исследуются философско-антропологические предпосылки формирования эмпатии и альтруизма как ключевых качеств человеческой природы в условиях глобальных кризисов. Анализируется интеграция естественных (эволюционных, биологических, нейронных) и социальных (культурных, институциональных, воспитательных) гипотез происхождения просоциального поведения. Рассматриваются теоретические основы: утилитаристская этика полезности, деонтологический моральный долг, теория общественного договора, этика добродетелей, забота, экзистенциальный выбор, эволюционная этика, биоэтика и экологическая этика. Особое внимание уделяется циклической взаимосвязи биологических предрасположенностей и социокультурных факторов в антропогенезе, что позволяет понять эмпатию и альтруизм как динамический результат коэволюции, необходимый для выживания и решения современных проблем сосуществования.

Ключевые слова: эмпатия, альтруизм, антропогенез, просоциальное поведение, этические теории, биосоциальная интеграция, коэволюция.

Введение

В условиях нарастающих глобальных кризисов — от социального неравенства до экологических угроз — исследование философско-антропологических предпосылок формирования эмпатии и альтруизма приобретает особую значимость. Понимание генезиса этих качеств позволяет разрабатывать стратегии укрепления просоциального поведения, которое становится ключевым фактором выживания человечества в современном мире. Данная проблема выходит за рамки чисто теоретического интереса и затрагивает практические аспекты этики и антропологии, ориентированных на решение актуальных проблем сосуществования. Тем не менее между естественно-научными и социально-философскими объяснениями происхождения эмпатии и альтруизма сохраняется концептуальный разрыв. С одной стороны, биологические и нейронаучные механизмы рассматриваются как фундаментальные предпосылки эмпатии, с другой — культурные нормы и групповые взаимодействия определяют формы её развития. Этот разрыв препятствует созданию целостной антропологической модели и приводит к фрагментарным представлениям о человеческой природе. Интеграция естественных и социальных гипотез позволяет рассматривать эмпатию и

альтруизм не как статические явления, а как динамический результат взаимодействия биологических предрасположенностей и социокультурных факторов в процессе антропогенеза. Подобная перспектива открывает новые возможности для понимания трансформации человека как вида.

Результаты исследования

Эмпатия имеет глубокие эволюционные корни и восходит к простейшим формам эмоционального заражения, наблюдаемым у животных. Простейшие механизмы созвонивания эмоциональных состояний внутри группы способствовали выживанию в условиях внешней опасности. Подобные феномены зафиксированы у различных видов — от грызунов до птиц — что демонстрирует их универсальную адаптивную ценность. У высших приматов эмпатия приобретает более сложный характер, включая элементы когнитивного распознавания состояния сородичей. Шимпанзе, например, способны утешать пострадавших сородичей и разделять их эмоции, что свидетельствует о формировании предпосылок для сложных социальных взаимодействий. Эти проявления служат эволюционной основой для возникновения и развития человеческой эмпатии [1].

Современные биологические исследования указывают на связь между наследственными факторами и проявлениями эмпатии [2]. Определённые генетические вариации могут повышать чувствительность к социальным сигналам и способствовать просоциальному поведению. Однако наследственные программы поведения не являются фатальными. Генетическая предрасположенность лишь потенциально влияет на уровень сочувствия, при этом социальные условия определяют, какая часть этого потенциала реализуется. Внешние факторы и воспитание способны изменять активность генов, ответственных за эмпатию и альтруизм, подчёркивая гибкость и адаптивность человеческой природы.

Культура играет ключевую роль в формировании альтруистического поведения: она задаёт систему ценностей, норм и традиций, определяющих приемлемые формы взаимопомощи и поддержки. Передаваясь из поколения в поколение, эти ценности и нормы формируют коллективное сознание и индивидуальные установки в отношении других членов общества. В результате альтруизм перестаёт быть спонтанным актом, становясь частью социально обусловленного поведения. Социальные нормы институционализируют альтруизм, закрепляя его через формальные и неформальные санкции, что создаёт устойчивые модели поведения. Формирование развитых культурных институтов — безличных институтов государства, организованных религий и универсальных моральных кодексов — делало возможным закрепление инклюзивной социальной солидарности. Эти институты формируют ожидания в отношении альтруистического поведения [3], поощряют его и обеспечивают его воспроизводство. В результате альтруизм становится не только желаемым, но и

обязательным элементом социальной структуры, способствуя сплочённости и стабильности общества.

В процессе социализации имитация альтруистических действий играет ключевую роль, обеспечивая межпоколенную передачу поведенческих моделей. Дети и подростки, наблюдая за просоциальным поведением взрослых и сверстников, усваивают социальные нормы и ценности, которые затем воспроизводят в своей деятельности. Подражание не является пассивным копированием: индивид усваивает наблюдаемое поведение и интегрирует его в собственный репертуар, что закрепляет альтруистические тенденции в обществе. Социальные институты — семья, школа, система образования — формируют ролевые модели и учебные практики альтруизма, предлагая нормативные примеры и поддерживая развитие просоциальных навыков. Таким образом, через воспитание и обучение реализуется передача альтруистических паттернов поведения, что способствует развитию устойчивых социальных привычек взаимопомощи.

Философские концепции альтруизма подчёркивают его фундаментальное значение для общественного порядка и развития морали.

Утилитаристская этика рассматривает альтруистические действия как средство максимизации общего блага: поступок считается правильным, если он приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей. Этот подход основан на принципе полезности, где поведение оценивается по его последствиям для общества в целом. Альтруизм здесь выступает как рациональный выбор, направленный на увеличение суммарного благополучия. Различаются активная и пассивная утилитаризма: первая оценивает отдельные действия, вторая — следование нормам, которые в долгосрочной перспективе приносят больше пользы. В кризисных ситуациях такой подход оправдывает коллективные усилия, когда индивидуальные жертвы служат общей цели. Утилитаризм различает высшие (интеллектуальные, моральные) и низшие (физические) удовольствия, подчёркивая, что альтруизм способствует развитию высших форм человеческого существования.

Деонтологическая этика видит в альтруизме проявление морального долга и категорического императива, где действия совершаются по универсальным принципам, применимым ко всем. Категорический императив требует, чтобы правило поведения могло стать всеобщим законом. Помощь другим основана не на эмоциях или выгоде, а на уважении к человеку как цели самой по себе. Абсолютные моральные запреты (не лгать, не красть) сочетаются с позитивными обязанностями (помогать нуждающимся). Такой подход формирует стабильные моральные нормы, независимые от обстоятельств, и лежит в основе правовых систем. Деонтология различает совершенные (строгие) и несовершенные (гибкие) обязанности, где альтруизм относится ко вторым — помогать нужно, но объём помощи зависит от обстоятельств.

Теория общественного договора связывает развитие альтруизма с эволюцией коллективной морали и формированием правовых институтов, где индивиды добровольно ограничивают часть своей свободы ради общей безопасности и благополучия. Общественный договор предполагает переход от естественного состояния (война всех против всех или состояние свободы) к организованному обществу через взаимные обязательства. Альтруизм становится механизмом поддержания социальной гармонии, где каждый отказ от эгоизма гарантирует защиту для всех. Теория завесы неведения предлагает принципы справедливости: максимальное равенство возможностей и защиту наименее обеспеченных. Различаются контрактные (юридические) и моральные обязательства, где альтруизм охватывает обе сферы.

Этика добродетелей подчёркивает развитие личных качеств, таких как щедрость, сострадание, справедливость и мужество. Добродетели формируются через повторяющуюся практику и привычку, превращая альтруизм в устойчивую черту характера. Золотая середина между крайностями (щедрость между скупостью и расточительством) обеспечивает гармонию. Человек достигает полноты бытия через гармоничное сосуществование с другими, где эмпатия выступает связующим звеном между индивидом и сообществом. Эта этика фокусируется на характере, а не на отдельных действиях или последствиях.

Этика заботы акцентирует внимание на отношениях и контексте. Моральные решения принимаются с учетом конкретных связей и эмоционального резонанса. Альтруизм здесь проявляется в поддержке близких и уязвимых, формируя сеть взаимозависимости. Контекстуальность морали предполагает, что универсальные правила недостаточны — важны отношения и ответственность за конкретных людей. Такой подход дополняет универсальные принципы, добавляя эмоциональную глубину и внимание к уязвимым группам (дети, пожилые, больные).

Экзистенциальная этика рассматривает альтруизм как акт свободного выбора. Человек сам определяет смысл своих действий через ответственность перед другими. Эмпатия становится основой подлинного существования, где отказ от эгоизма подтверждает свободу. Автентичность предполагает осознанный выбор помогать, а не следовать внешним нормам. Беспокойство за другого становится способом преодоления одиночества.

Постмодернистские теории подчёркивают множественность моральных нарративов. Альтруизм не имеет единой формы, а зависит от культурного контекста и локальных традиций. Гостеприимство и солидарность выступают как альтернативы универсальным нормам. Деконструкция власти показывает, что альтруизм может скрывать отношения доминирования, поэтому важна этика ответственности за Другого без ожиданий вознаграждения.

Эволюционная этика объясняет альтруизм через естественный отбор. Различаются родственный альтруизм (помощь генетически близким), взаимный альтруизм (обмен услугами) и групповой отбор (преимущество кооперативных

групп). Рецепроктность предполагает отслеживание "должников" и "кредиторов" в социальных взаимодействиях. Теория игр (дилемма заключенного, стратегия тит за тат) моделирует оптимальные стратегии кооперации.

Эмпирическая этика исследует мораль через наблюдение поведения. Кросс-культурные исследования показывают универсальные моральные интуиции (запрет на вред, справедливость, лояльность) с культурными вариациями. Моральный фундамент включает заботу и вред, справедливость и обман, лояльность и предательство, авторитет и подрыв, чистоту и осквернение, свободу и угнетение.

Биоэтика применяет этические принципы к биомедицинским вопросам. Автономия, благодеяние, не причинение вреда и справедливость требуют альтруизма в распределении ресурсов (органы, вакцины). Принцип двойного эффекта оправдывает действия с негативными побочными последствиями ради блага.

Экологическая этика расширяет альтруизм на природу. Антропоцентризм ставит человека в центр, биоцентризм придает ценность всем живым существам, экоцентризм — экосистемам. Устойчивое развитие требует альтруистического отказа от чрезмерного потребления ради будущих поколений.

Этические теории сходятся в признании двойственной природы альтруизма: он сочетает врожденные склонности с социальным воспитанием. Консеквенциализм оценивает по результатам, деонтология — по правилам, этика добродетелей — по характеру, реляционная этика — по отношениям. Каждый подход дополняет другие, создавая целостную картину человеческой морали. В этих теориях альтруизм предстает не только как личная добродетель, но и как структурный компонент, необходимый для стабильности и развития организованного общества.

В интегрированной модели антропогенеза становление эмпатии и альтруизма рассматривается как результат сложного взаимодействия биологических и социокультурных факторов. Эволюционно закрепленные нейронные механизмы лежат в основе способности распознавать эмоциональные состояния других. Например, Рычкова и Холмогорова отмечают, что одни и те же области мозга активируются при переживании собственных эмоций и при восприятии эмоциональных состояний других людей [4]. Как отмечает Гардина, нейронаука переживает «социальный поворот», фокусируясь на исследовании социальных аспектов познания и эмпатии [5]. Наряду с биологическими предпосылками ключевую роль играют социокультурные факторы: воспитание и нормы направляют врожденные склонности, формируя сложные формы альтруизма. Культурная трансмиссия просоциальных моделей поведения задействует механизмы социального научения — подражание, обучение, усвоение норм — которые активизируют и модифицируют нейробиологические схемы, отвечающие за эмоциональный резонанс. Таким образом наблюдается

циклическая взаимосвязь, где биологические и культурные факторы постоянно влияют друг на друга, способствуя эволюции эмпатии и альтруизма.

Эмпатические способности сыграли решающую роль в эволюции человека, обеспечивая селективные преимущества за счет повышения эффективности групповой кооперации. Они позволили предкам лучше понимать эмоциональные состояния сородичей, что было критически важно для согласованных действий и коллективного выживания. Альтруистические практики способствовали формированию сложных социальных структур: бескорыстная помощь и поддержка укрепляли социальные связи и способствовали созданию устойчивых сообществ.

Заключение

Таким образом эмпатия и альтруизм выступают не просто отдельными качествами, а фундаментальными элементами, которые сформировали человеческую природу в процессе коэволюции. Выводы такого подхода подтверждают, что эмпатия и альтруизм являются результатом взаимодействия природных и социальных факторов. Генетическая предрасположенность и нейронные механизмы создают основу для их развития, но не определяют их полностью. Культурные нормы и групповые взаимодействия играют решающую роль в формировании этих качеств [6,7]. Признание двойственной природы просоциального поведения открывает практические возможности для решения современных глобальных проблем: культивирование эмпатии и альтруизма требует активизации как врожденных потенциалов, так и культурных ресурсов общества. Как отмечает Туринцева, солидарность стала ключевым фактором антропосоциальной эволюции [7], что подчеркивает её роль в трансформации человеческой природы.

Список литературы:

1. Марков А.В. Эволюционные корни этики: от бактерий до человека // Историческая психология и социология истории. 2010. №2. С. 152–184.
2. Башкатова В.Г., Судаков С.К. Современные подходы к изучению генетически детерминированной устойчивости лабораторных животных к стрессорным нагрузкам (обзор) // Бюллетень медицинской науки. 2018. №1. С. 34–37.
3. Красиков В.И. Самоформирование через деятельность и отбор в эволюционной траектории человеческого вида // Философия и общество. 2024. №2. С. 35–51.
4. Рычкова О.В., Холмогорова А.Б. Концепция «социального мозга» как основы социального познания и его нарушений при психической патологии. Часть I. Концепция «Социальный мозг» — продукт современной нейронауки // Культурно-историческая психология. 2012. №3. С. 86–90.
5. Гардина Д.В. Социальный поворот в нейронауке: генезис предмета социальной нейронауки // Конференция «Ломоносов 2018». Москва. 2018. С. 1–3.
6. Мамонов В.В. Дистинктивный и темпоральный аспекты антропогенеза // Гуманитарные и социальные науки. 2024. №6. С. 26–32.
7. Туринцева Е.А. Солидарность в антропосоциальной эволюции: судьба парантропов, неандертальцев и человека разумного // Социология и жизнь. 2021. №2. С. 133–137.

УДК 711.4:614.8

Чернявская А. А., Рыхлик А. Н.

*Научный руководитель: Никонорова Н. М., к.м.н., старший преподаватель
Смоленский государственный медицинский университет, Смоленск, Россия*

ГОРОД КАК СРЕДА БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена городу, как безопасной среде. Современный город — это сложная экосистема, в которой сочетаются жилые кварталы, транспортная инфраструктура, социальные учреждения и коммерческие объекты. Актуальность работы заключается во взаимосвязи благоустройства города и его безопасности с уровнем комфорта жизни современного человека. Потому как там, где этому вопросу благоустройства и безопасности уделяется большое внимание, уровень жизни людей значительно выше, так как комфорт, экологичность, соблюдение микроклиматических, эстетических, дорожно-транспортных норм является не излишеством, а насущной необходимостью. С возрастанием потребности людей в комфорте и удобстве, всё больше развивается тема благоустройства и озеленения городского пространства. Вопрос даже не только в визуальном комфорте, а в элементарном удобстве передвижения, безопасности в городе при прогулках и отдыхе и в комфортной инфраструктуре.

Ключевые слова: благоустройство, безопасность, городская среда, жизнедеятельность, социальный опрос.

Вступление

В условиях нарастающей урбанизации городская среда становится основным пространством жизнедеятельности человека, концентрируя в себе трудовую, социальную, транспортную, культурную и бытовую активность населения. По данным демографической статистики, значительная часть населения России проживает именно в городах, что делает вопросы безопасности городской среды ключевыми для обеспечения устойчивого социально-экономического развития и сохранения качества жизни граждан [1]. Безопасные условия жизнедеятельности в городе выступают важнейшим фактором общественного благополучия, социальной стабильности и доверия населения к органам власти.

Современный город представляет собой сложную систему, в которой переплетаются транспортная инфраструктура, пешеходные зоны, общественные пространства, жилые кварталы и зоны отдыха. Каждый из этих элементов может как способствовать формированию комфортной и безопасной среды, так и являться источником потенциальных угроз для жизни и здоровья населения [2]. Особую значимость в настоящее время приобретают проблемы безопасности дорожного движения, функционирования общественного транспорта, использования новых видов средств

индивидуальной мобильности (в частности, электросамокатов), а также уровень защищенности граждан в общественных местах в дневное и ночное время.

Актуальность исследования также обусловлена необходимостью учета субъективных оценок жителей и гостей города, поскольку именно восприятие безопасности населением во многом определяет уровень социальной напряженности, миграционную привлекательность территории и степень вовлеченности граждан в городскую жизнь [3]. Наличие объективных показателей не всегда отражает реальную картину, если они не подкреплены общественным мнением. В этой связи анкетные опросы выступают важным инструментом выявления проблемных зон городской среды и оценки эффективности принимаемых управленческих решений.

Город Смоленск как крупный региональный центр с развитой исторической и социальной инфраструктурой представляет собой показательный объект для анализа состояния безопасности городской среды. Изучение мнений жителей и приезжих позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на формирование безопасных условий жизнедеятельности, а также определить направления совершенствования городской инфраструктуры и деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, исследование вопросов безопасности городской среды является актуальным и социально значимым, поскольку его результаты могут быть использованы при разработке мер по повышению уровня защищенности населения, улучшению качества городской инфраструктуры и формированию комфортной среды проживания.

Результаты исследования и их обсуждение

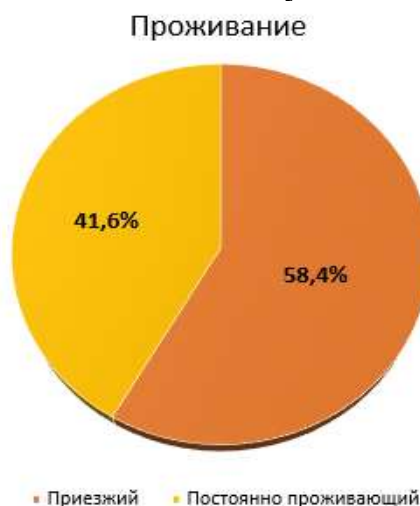
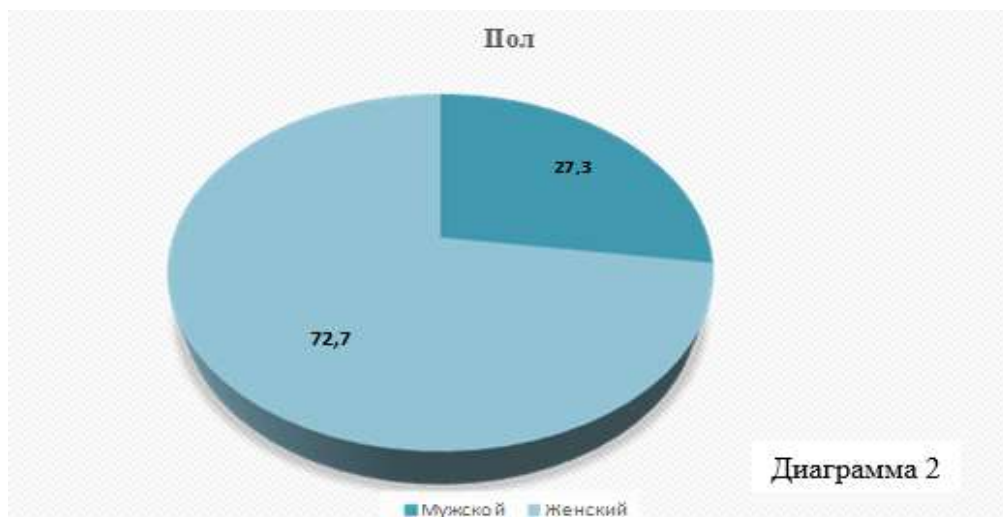

Диаграмма 1

В ходе исследования было проанкетировано 194 человека в возрасте от 18 до 45 лет, среди них постоянно проживающих в городе Смоленске - 82 человека (41,6%), приезжих – 112 (58,4%). (Диаграмма 1). Количество проанкетированных женщин составило – 141 (72,7%), мужчин – 53 (27,3%) (Диаграмма 2).

В результате анкетирования выявлено, что большая часть смолян и гостей города - 67,5% (129 человек) довольны инфраструктурой города, а 9,1% (18 человек) очень довольны; однако 16,9% (33 человека) – скорее недовольны и 6,5% (14 человек) были очень недовольны (Диаграмма 3).

Удовлетворённость общественным транспортом

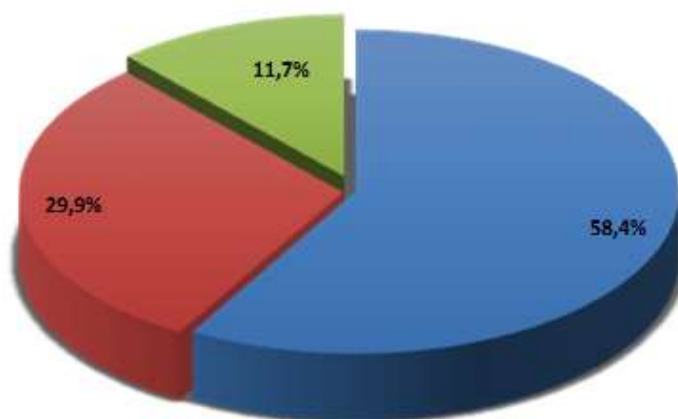

Диаграмма 4

■ Не устраивает ■ Устраивает ■ Не пользуюсь общественным транспортом

Работа общественного транспорта не устраивает более половины опрошенных – 58,4% (113 человека), тогда как устраивает всего лишь 29,9% (58 человек), 11,7% (23 человека) жителей вообще не пользуются общественным транспортом (Диаграмма 4).

ПУНКТУАЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА

■ Чаще всего да ■ Чаще всего нет
■ Никогда не приезжает вовремя ■ Всегда вовремя

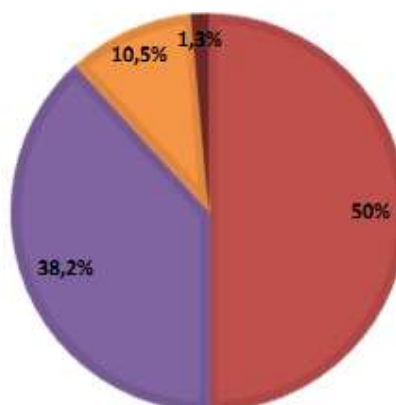
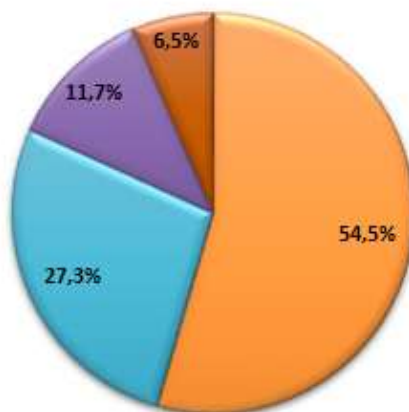

Диаграмма 5

Половина опрошенных 50,0% (97 человек) отметили, что общественный транспорт чаще всего едет по расписанию, причем 1,3% (3 человек) подчеркнули, что транспорт всегда приезжает вовремя, то есть четко следует расписанию. В то время как остальные респонденты высказали мнение, что транспорт чаще всего не пунктуален, а именно: в 38,2% (74 человека) случаев отмечена задержка транспортных средств, еще 10,5% (20 человек)

анкетируемых вообще заявили, что транспорт «никогда не приезжает вовремя». (Диаграмма 5).

Безопасность общественного транспорта

■ Относительно безопасен ■ Небезопасен
■ Безопасен ■ Крайне небезопасен Диаграмма 6

Более половины анкетируемых - 54,5% (105 человек) уверены, что транспорт в Смоленске является относительно безопасным. Около 1/3 смолян считают, что он небезопасен и даже крайне небезопасен: так думают 27,3% (53 человека) и 6,5% (13 человек) опрошенных соответственно. Лишь 11,7% (23 человека) решили оценить работу общественного транспорта в городской среде как абсолютно безопасную. (Диаграмма 6).

Отношение к самокатам в городе

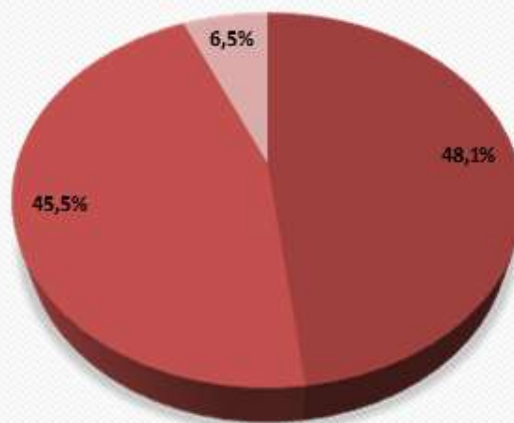
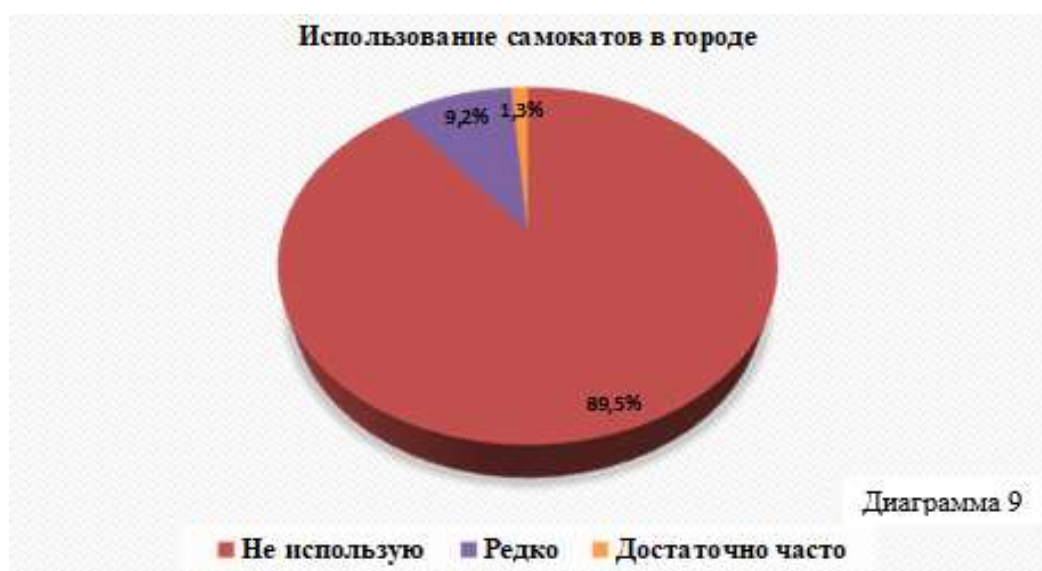
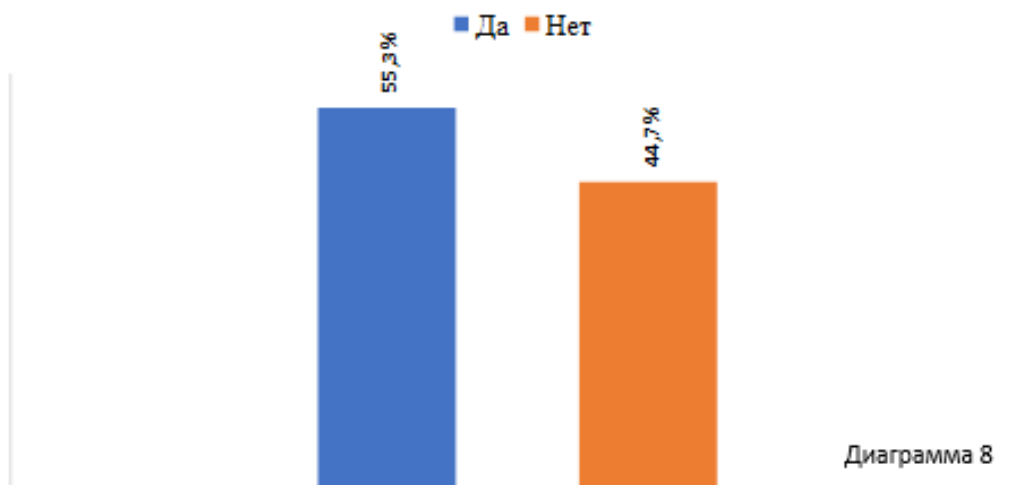

Диаграмма 7

■ Отрицательно ■ Нейтрально ■ Положительно

НАДО ЛИ ЗАПРЕЩАТЬ ЭЛЕКТРОСАМОКАТЫ?

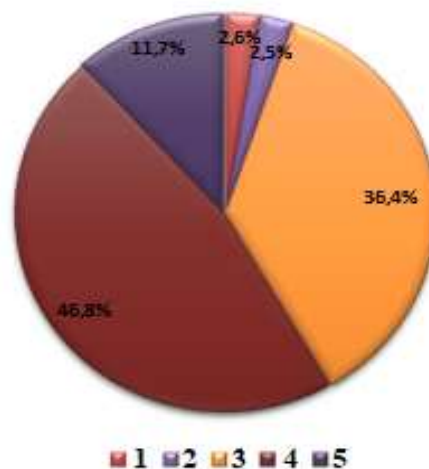

Отношение смолян и гостей города к использованию электросамокатов в городской среде разделилось практически поровну: у 48,1% (93 человека) респондентов – отрицательное, у 45,5% (88 человек) - нейтральное, тогда как только малый процент - 6,5% (13 человек) высказался положительно (Диаграмма 7). Чуть более половины опрошенных 55,3% (107 человек) считают, что нужно запретить поездки на электросамокатах в городе. Более того, 89,5% (174 человека) респондентов не используют самокаты в условиях городской среды. Вторая половина жителей 44,7% (87 человек) выступили против запрета на использование электросамокатов, так как 1,3% (3 человека) смолян пользуются ими достаточно часто, а еще 9,2% (18 человек) тоже используют поездки на самокатах, но достаточно редко (Диаграммы 8-9). Из чего мы можем сделать вывод, что многие не понимают опасности такого вида транспорта.

По мнению более половины смолян - 51,9% (101 человек) безопасность за рулём автомобиля на дорогах Смоленска удовлетворительная, 23,3% (42 человек) и 3,9% (8 человек) оценили безопасность как хорошую и отличную соответственно. Однако 15,7% (30 человек) и 5,3% (10 человек) расценили безопасность при вождении автомобиля как плохую и даже очень плохую (Диаграмма 10).

Безопасность дорог пешком

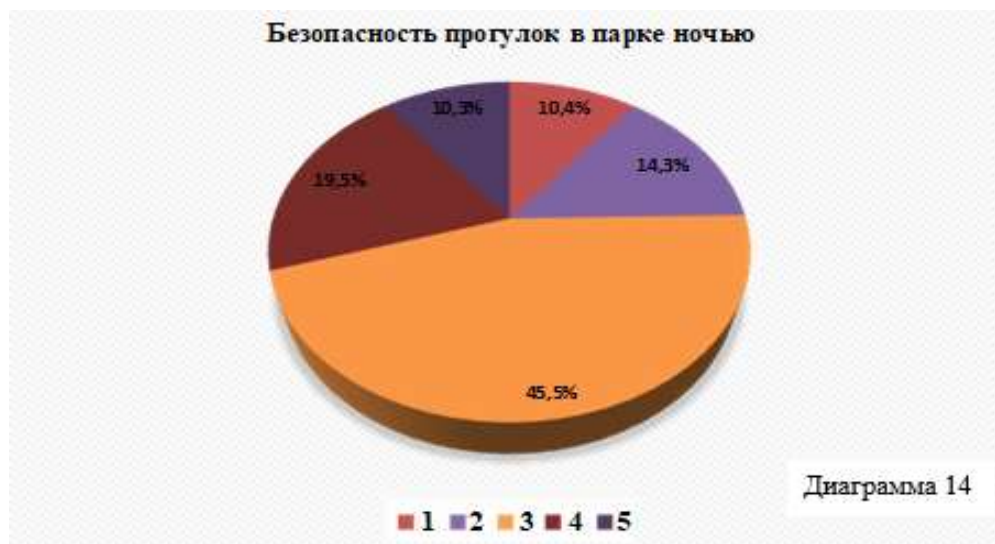
Мнение респондентов о безопасности тротуаров при движении пешим порядком разделилось следующим образом: 46,8% (91 человек) выставили оценку «хорошая», еще 36,4% (71 человек) – «удовлетворительная», 11,7% (23 человек) – «отличная», оставшиеся 2,6% (5 человек) и 2,5% (5 человек) – «очень плохая» и «плохая» соответственно (Диаграмма 11).

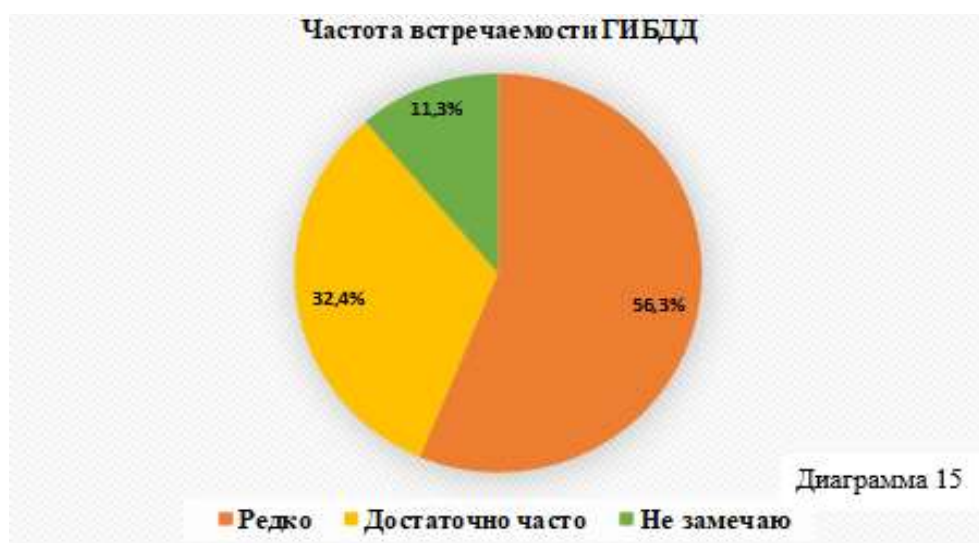
Оснащение детскими площадками респонденты оценили примерно одинаково: 35,0% (68 человек) считают, что детских площадок в городе недостаточно, 39,0% (76 человек) – достаточно, 26,0% (50) - не интересуются этим вопросом. (Диаграмма 12).

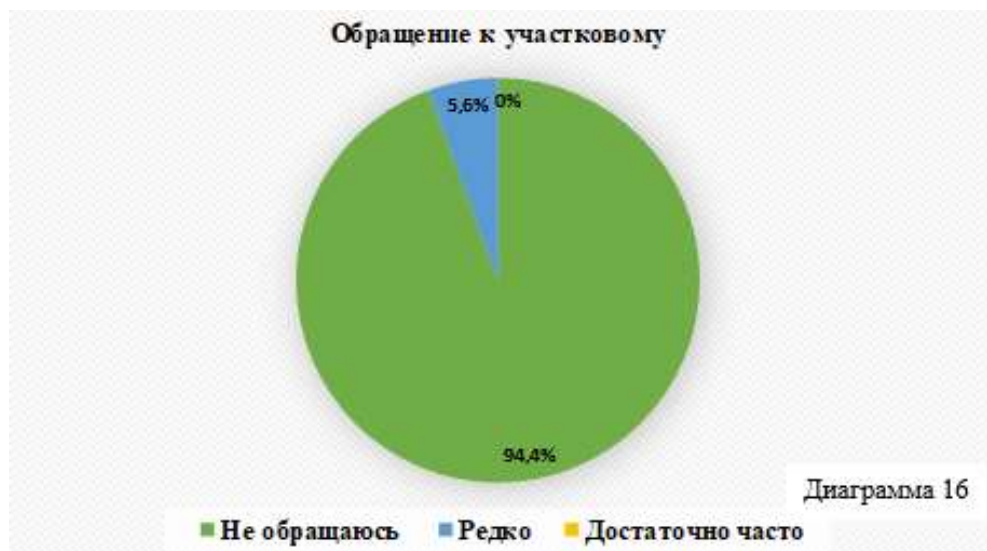
Безопасность прогулок днём большинство респондентов оценивают как хорошую - 51,9% (101 человек), еще 29,9% (58 человек) - как отличную, 14,3% (28 человек) – удовлетворительную, а оставшиеся 2,6% (5 человек) и 1,3% (3 человек) как плохую и очень плохую соответственно (Диаграмма 13).

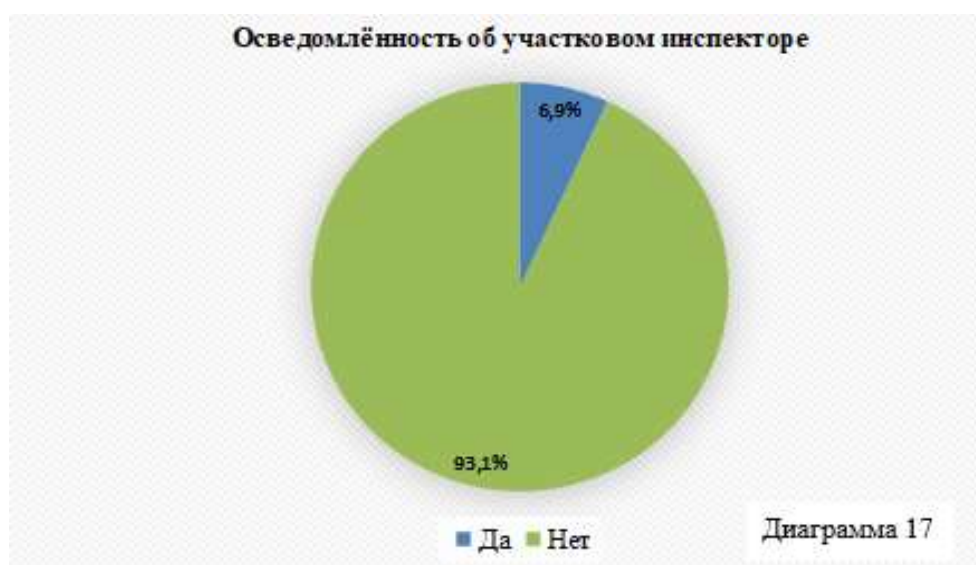
Безопасность прогулок ночью большинство - 45,5% (89 человек) оценило удовлетворительно, 19,5% (39 человек) - хорошо и 10,3% (19 человек) отлично; 14,3% (28 человек) плохо и 10,4% (20 человек) очень плохо (Диаграмма 14).

Безопасность дорожного движения на улицах города зачастую зависит от контроля со стороны ГИБДД, однако лишь 1/3 смолян и гостей города отметили, что достаточно часто встречаются на дорогах сотрудников ГИБДД - 32,4% (64 человека), более половины опрошенных - 56,3% (109 человек) – видят инспекторов дорожного движения редко, а еще 11,3% (21 человек) - не замечают совсем (Диаграмма 15).

Подавляющее большинство респондентов - 94,4% (182 человек) никогда не обращались к участковому инспектору, так как в этом не было необходимости, и лишь 5,6% (12 человек) – обращались, но достаточно редко (Диаграмма 16).

93,1% (180 человек) горожан не знают своего участкового уполномоченного, так как не было повода обращаться к нему за помощью, и только в 6,9% (14 человек) случаев возникала необходимость в подобном обращении (Диаграмма 17).

Почти половина жителей - 45,8% (89 человек), отметила, что участковые периодически проводят поквартирные обходы, оставшаяся же часть - 54,2% (105 человек) – опрошенных заявила, что никогда не интересовались этим вопросом (Диаграмма 18).

Таким образом, анализ диаграмм 16 – 18 показал, что большинство жителей и гостей города никогда не интересовались работой правоохранительных органов, так как в этом не было необходимости. Это свидетельствует о том, что криминогенная обстановка в городе находится под строгим контролем.

Выводы:

1. Вопросами безопасности городской среды чаще интересуются женщины, так как именно они проявили наибольшую активность в ходе анкетирования (72,7%).

2. В настоящее время в городской среде преобладают следующие негативные факторы, способные повлиять на безопасные условия жизнедеятельности населения: неудовлетворенность работой общественного транспорта, использование электросамокатов, недостаточная безопасность прогулок в парках ночью.

3. Криминогенная обстановка в современных условиях городской среды находится под строгим контролем и в настоящее время не является угрозой для безопасности жизнедеятельности жителей города Смоленска.

Список литературы:

1. Жукова У.А. Благоустройство как важная часть жизни каждого человека // Экономика и социум. 2022. №6-2 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagoustroystvo-kak-vazhnaya-chast-zhizni-kazhdogo-cheloveka> (дата обращения: 14.01.2026).

2. Михайлова Н.А. Благоустройство территории как фактор современного развития городов // Выпускная квалификационная работа. 2019. – С.6-7.

3. Васильева И. Безопасный город – подходы к управлению безопасностью городской среды // Оздоровление городской среды. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnyy-gorod-podhody-k-upravleniyu-bezopasnostyu-gorodskoy-sredy> (дата обращения: 14.01.2026).

УДК 008:316.772:141.32

Куцев Д. В.

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, Шахты, Россия

ЦИФРОВЫЕ СРЕДЫ КАК НОВАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье цифровые среды (социальные сети, платформы) рассматриваются не как инструмент, а как новая онтологическая территория, конституирующая современное бытие и трансформирующая основы жизненных стратегий личности. Анализируется, как алгоритмическая логика управления вниманием, данными и поведением формирует гибридный пространственно-временной ландшафт, в котором переосмысливаются классические стратегии адаптации, сопротивления и творчества. Показано, что ключевым вызовом становится противоречие между расширением возможностей для самопрезентации и связи, с одной стороны, и сужением агентности, фрагментацией идентичности и «пролетаризацией внимания» — с другой. Делается вывод о необходимости этики, включающей цифровую гигиену, критическую медиаграмотность и борьбу за цифровой суверенитет как основу для ответственного самостроительства в алгоритмическую эпоху.

Ключевые слова: цифровые среды, онтологическая территория, жизненные стратегии, алгоритмическая реальность, платформенный капитализм, идентичность, внимание, рефлексивность, агентность, цифровой суверенитет.

Современный этап глобализации, все более очевидно, не может быть понят вне его принципиально новой технологической и коммуникационной основы, которая не просто ускоряет или облегчает взаимодействия, но активно формирует саму ткань реальности, в которой разворачивается человеческое существование. Цифровые среды – социальные сети, платформенная экономика, алгоритмически управляемые информационные потоки, системы big data – перестали быть нейтральными инструментами или просто расширенным пространством для коммуникации; они эволюционировали в самостоятельную, всепроникающую онтологическую территорию, обладающую своими собственными законами пространства и времени, своими формами социальности, своими механизмами производства идентичности и своими, зачастую невидимыми, властными отношениями. Эта территория не существует параллельно физическому миру, но сложно и глубоко с ним переплетена, создавая гибридный, аугментированный ландшафт повседневности, где практически любое действие – от выбора маршрута до выбора спутника жизни, от потребления новостей до конструирования профессиональной траектории – так или иначе опосредовано цифровыми интерфейсами и логикой платформ. В этом контексте классические теории

жизненных стратегий, сформировавшиеся в эпоху «твердого» модерна и даже в условиях ранней рефлексивной модернизации, требуют серьезного пересмотра. Если ключевым вызовом для личности ранее выступала неопределенность, порожденная ускорением и упадком традиций, то сегодня на первый план выходит вызов алгоритмической предопределенности, персонализированного, но от этого не менее тотального управления вниманием, желаниями и поведением. Алгоритмы, эти невидимые архитекторы цифрового опыта, берут на себя функцию не только фильтрации информации, но и активного конструирования социальной реальности, предлагая готовые сценарии действий, оценивая эффективность наших поступков, ранжируя наши связи и в конечном счете формируя саму оптику, через которую мы видим себя и мир. Таким образом, вопрос о жизненной стратегии в условиях алгоритмической реальности трансформируется в вопрос о степени свободы и формах агентности в среде, которая одновременно предлагает беспрецедентные возможности для самопрезентации, связи и знаний и создает тонкие, но мощные механизмы направляемого поведения. Это ставит перед социальной философией задачу осмыслить цифровые среды не как декорацию, а как конституирующее условие современного бытия, исследуя, как они трансформируют базовые категории, лежащие в основе любого жизненного проекта: пространство и время, тело и идентичность, социальную связь и саму возможность свободного выбора. Ответ на этот вопрос требует синтеза философской рефлексии о природе техники и современности с анализом конкретных механизмов платформенного капитализма и цифровой культуры, чтобы понять, как в этом новом онтологическом ландшафте рождаются, адаптируются, сопротивляются и творчески переосмысливаются стратегии человеческой жизни.

Для понимания онтологического статуса цифровых сред необходимо выйти за рамки утилитарного взгляда на технологию как на инструмент. Здесь чрезвычайно продуктивной оказывается философская позиция Мартина Хайдеггера, который в своем позднем творчестве рассматривал современную технику не как простое средство для достижения целей, а как особый способ «распределения поставы», то есть раскрытия сущего [1]. Техника, по Хайдеггеру, ставит мир «на учет», превращая его в доступный для исчисления и эксплуатации ресурс. Цифровые среды являются квинтэссенцией этого процесса: они переводят в исчислимую, бинарную форму самые тонкие аспекты человеческого существования – эмоции (лайки, эмодзи), социальные связи (графы друзей и подписчиков), внимание (время просмотра, клики), эстетические предпочтения. Весь этот поток данных становится «поставом», сырьем для алгоритмов, которые, в свою очередь, конструируют для нас персонализированную версию реальности то, что можно назвать «алгоритмическим поставом». Этот постав обладает собственными пространственно-временными характеристиками. Пространство цифровых

сред – это не физическое протяжение, а топология связей и близости, определяемая релевантностью, которая вычисляется на основе нашего прошлого поведения и поведения похожих на нас пользователей. Географическая дистанция теряет значение, уступая место дистанции в графах социальных связей или в пространстве интересов. Время здесь также иное: это время бесконечного, фрагментированного «настоящего», потока обновлений и сторис, где прошлое архивируется в цифровых профилях, а будущее проецируется как следующий рекомендуемый контент или целевая реклама. Эта реальность, как отмечал философ и теоретик медиа Бернард Штиглер, действует подобно фармакону – яду и лекарству одновременно [2]. С одной стороны, она предлагает невиданные прежде возможности для памяти (внешней, технической), связи и доступа к знаниям. С другой – она систематически захватывает и переформатирует наше внимание, нашу способность к глубокому, сосредоточенному восприятию и рефлексии, что Штиглер называл «пролетаризацией внимания». В условиях такого захвата жизненная стратегия, понимаемая как рефлексивный проект самостроительства, сталкивается с фундаментальной трудностью: ядро этого проекта – способность к сосредоточенной, длительной работе над собой и своими целями – подвергается постоянной эрозии из-за логики микрововлечений, уведомлений и бесконечной скроллинговой ленты. Происходит своего рода онтологический сдвиг: если раньше вызовом было найти себя в мире, лишенном четких ориентиров, то сегодня вызовом становится удержание себя, своей целостности и внимания в мире, который специально сконструирован для их постоянного рассеивания и перенаправления.

В этом новом онтологическом ландшафте трансформируются сами основы, на которых строятся классические типы жизненных стратегий – адаптация, сопротивление, творчество. Стратегия адаптации в цифровой среде принимает форму тотальной и часто нерелексивной оптимизации себя под логику платформ. Личность превращается в «человека-профиль», чья ценность начинает измеряться метриками: количеством подписчиков, вовлеченностью аудитории, индексом цитируемости, рейтингом на фриланс-бирже или в приложении для знакомств. Жизненный проект сводится к проекту постоянного улучшения своего цифрового двойника, курирования контента, управления впечатлением. Алгоритмы поощряют и усиливают эту стратегию, предлагая ясные, хотя и постоянно меняющиеся, пути к видимости и успеху: используй определенные хэштеги, публикуй контент в определенное время, копируй форматы, которые «заходят». Возникает феномен, который можно назвать «прекариатом креативного класса»: массы людей, которые добровольно вкладывают свой труд, время и творческую энергию в производство контента для платформ в надежде на алгоритмическую благосклонность, монетизацию или просто признание, оказываясь в ситуации постоянной нестабильности и конкуренции. Эта адаптация парадоксальным

образом сочетает в себе гиперактивность и глубокое отчуждение: человек активно строит свою онлайн-личность, но при этом его действия, мотивы и даже эмоции все больше управляются внешней логикой платформенной эффективности. Стратегия сопротивления в цифровой среде также приобретает специфические черты. Она может выражаться в различных формах цифрового аскетизма или «детоксикации» – сознательном ограничении времени в сети, использовании блокировщиков рекламы, отказе от социальных сетей, переходе на децентрализованные и зашифрованные платформы. Это сопротивление направлено против логики коммодификации внимания и экспансии корпоративного слежения. Другой формой является сознательная игра с алгоритмами, их обход или саботаж – например, намеренное потребление и лайкание непопулярного или противоречащего персонализированной ленте контента, чтобы «переучить» рекомендательную систему. Однако эти стратегии сталкиваются с системными ограничениями: тотальный отказ от цифровых сред в современном обществе часто означает социальную и профессиональную маргинализацию, а игры с алгоритмами остаются тактиками в поле, правила которого заданы не игроком. Более сложной представляется стратегия творчества, которая в цифровом контексте может означать использование среды не по умолчанию, а для производства новых смыслов, форм связи и солидарности. Это могут быть цифровые художественные практики, критикующие сами платформы (мета-искусство), создание альтернативных, ценностно-ориентированных сообществ, разработка открытого ПО и этических алгоритмов. Философский ресурс для такой стратегии можно найти в концепции «фокусирующих практик» Альберта Боргманна, который противопоставлял богатые, вовлекающие, требующие мастерства и дающие осмысленность практики (вроде приготовления еды на семейном очаге) – простым, удобным, но обедняющим «устройствам» [3]. Цифровое творчество в этом ключе – это попытка превратить цифровую среду из «устройства», потребляющего наше пассивное внимание, в пространство для «фокусирующих практик» совместного мышления, созидания и глубокой коммуникации. Однако такое творчество требует исключительной степени рефлексивности и технической грамотности, что снова ставит вопрос о новом цифровом неравенстве – неравенстве не только доступа, но и агентности, способности понимать и трансформировать логику среды.

Особенно остро в цифровой онтологической территории стоит проблема конструирования идентичности. Если в доцифровую эпоху идентичность была связана с устойчивыми социальными ролями и нарративами, а в эпоху модерна стала «рефлексивным проектом», то сегодня она все больше принимает характер «проекции» или «перформанса для алгоритма». Мы конструируем себя не только для Других, но и для машинного взгляда, который классифицирует, оценивает и ранжирует нас. Этот процесс имеет глубокие

экзистенциальные последствия. Происходит раздвоение, а зачастую и умножение «Я»: возникает напряженное отношение между опытом «оффлайнового» себя и тщательно курируемыми, адаптированными под разные платформы и аудитории цифровыми персонажами. Цифровая идентичность, в отличие от нарративной, часто фрагментирована и непоследовательна, она строится из отдельных, ситуативных постов, реакций, образов. Алгоритмы поощряют эту фрагментацию, так как она порождает больше данных и точек вовлечения. Это создает новый тип онтологической неуверенности: какое из этих «Я» является подлинным? Где находится источник аутентичности? Проблема усугубляется тем, что алгоритмы стремятся закрепить нас в определенных идентификационных категориях (на основе наших лайков, покупок, поисковых запросов), создавая «фильтрующий пузырь» или «эхо-камеру», которая постоянно подтверждает наши существующие убеждения и стиль жизни, минимизируя встречи с радикально иным. Это ограничивает саму возможность рефлексивного пересмотра своей идентичности, которая является сердцевиной жизненной стратегии как творческого проекта. Вместо диалога с разным и другим, человек оказывается в диалоге с усиленным алгоритмами отражением самого себя. Здесь уместно вспомнить критику Ханны Арендт, размышлявшей о важности различия между приватной и публичной сферами для становления личности [4]. Цифровые среды кардинально стирают эту границу: интимные переживания, семейные фотографии, политические мнения – все это становится публичным товаром, материалом для оценки и взаимодействия. Исчезновение защищенного приватного пространства, где могла бы происходить «подготовка» личности, ее проб и ошибок без страха осуждения, делает процесс самостроительства крайне уязвимым и вынуждает к постоянной, утомительной самопрезентации.

Таким образом, цифровые среды как новая онтологическая территория радикально трансформируют поле возможностей для жизненных стратегий, создавая парадоксальную ситуацию одновременного расширения и сужения свободы. С одной стороны, они предоставляют невиданные инструменты для самообразования, глобальной связи, мобилизации и творческого самовыражения. С другой – они внедряют мощные, часто невидимые механизмы управления поведением, коммодификации внимания и фрагментации идентичности, которые могут подрывать саму основу рефлексивного и ответственного самостроительства. Этика жизненной стратегии в условиях алгоритмической реальности, следовательно, должна включать в себя не только традиционные вопросы о благе и ответственности, но и новое измерение – цифровую гигиену, критическую медиаграмотность и борьбу за цифровой суверенитет. Это означает развитие способности к дисциплине внимания, к критическому анализу алгоритмических рекомендаций, к сознательному ограничению погружения в среду, а также к

коллективным действиям, направленным на создание более этических, прозрачных и человеко-ориентированных цифровых пространств. Перспективы жизненных стратегий в этом контексте будут зависеть от того, удастся ли личности и обществу в целом не просто адаптироваться к алгоритмической реальности, а осознать ее конституирующую силу и научиться творчески и критически взаимодействовать с ней, превращая ее из тотальной среды управления в одно из многих, подконтрольных человеческому замыслу, пространств для осуществления подлинной, рефлексивной и ответственной человеческой жизни.

Список литературы:

1. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
2. Штиглер Б. Техника и время. 1. Проклятие Эпиметея / пер. с фр. Б. М. Скуратова, Т. В. Анашвили. – Екатеринбург: Кабинетный ученый; М.: Арт-Гид, 2021. – 336 с.
3. Боргманн А. Холдинг на месте в век информационных технологий / пер. с англ. – М.: Канон+, 2017. – 336 с.
4. Арендт Х. Человеческое условие / пер. с англ. и под ред. Д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2019. – 326 с.
5. Зубов С. Век капитализма наблюдения. Битва за будущее человечества на новой границе власти / пер. с англ. О. В. Смолик. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. – 704 с.
6. van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 224 p.
7. Couldry N., Mejias U. A. The Costs of Connection: How Data is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism. Stanford: Stanford University Press, 2019. 328 p.

УДК 793.3:398

Рудниченко Д. Е.

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАНИЯ ЯЗЫКА ТАНЦА

Аннотация. Статья посвящена сохранению культурных ценностей и изучению национальных и этнических особенностей посредством языка народно-бытовых и народно-обрядовых танцев. В данной статье, как пример рассматривается кумандинский народный танец, который до наших дней практически не сохранился, что в большей степени требует внимания к изучению и сохранению материалов относящихся к кумандинцам.

Ключевые слова: танец, традиции, обряды, кумандинцы, народ.

Без культуры нет нации! (А-Х Кадыров).

Эстетические беспокойства человека могут быть смутными или отчетливыми, произносимыми или молчаливыми. Но главное – осязаемость их присутствия в огромном мире искусства. И искусство выражает, впечатляет нас, если мастерски использует свои возможности, свой язык. Мы будем говорить о танце – в виде искусства, который возник сразу с появлением человечества и сопровождает его всю историю. Конкретно нас интересуют танцы народов нашего региона.

Алтайский край своего рода олицетворяет Россию. Это многонациональный и многоконфессиональный регион, на его территории уживаются более ста десяти различных национальностей. Каждая из них имеет свой культурный код и традиции, идущие из древности. Многообразие культуры региона складывается благодаря вкладу каждого народа проживающего на этой земле, а танец есть душа народа и если научиться понимать танец, можно научиться понимать народ.

Часть 1, посвященная алтайскому танцу.

Основу танцевальной культуры каждого народа составляет, наличие своего языка, религиозных воззрений, музыкального и устного фольклора, традиционного национального костюма и народного танца. Отсутствие хотя бы одного элемента из списка неудержимо ведёт к исчезновению данной культуры. Танец алтайского народа – памятник прошлого и феномен, сохранивший зашифрованное в пластических знаках мироощущение предков.

Алтайские танцы отражают культуру, мировоззрение, традиции и обычаи народа. Алтайцы в танце огромное значение предают народным верованиям. Появление обрядных танцев у алтайцев непосредственно связано с народными обрядами. Наблюдение над животным миром, при охоте тоже отражаются в алтайских танцах.

Тему танцевальной культуры алтайского народа исследовали ученые. Они указывают что источником для формирования сценического танцевального искусства послужил ритуально-культурный танец древности.

Ни один праздник или ритуал у алтайцев, многие из которых были посвящены многочисленным духам окружающей природы, не обходилось без музыки и танца.

Алтайцы обожествляли природу и почитали духов предков. Поклонялись предметам и явлениям окружающего мира, бережно относились к природе, как носящей божественный отпечаток горам, рекам и озерам.

В связи с этим шаманизм у алтайцев является основой для многих танцев. Шаманские пляски во время камлания стали фундаментом телесной пластики для многих алтайских танцев. Камлание шаманов и их танцы имели цель защиты от злых духов и были направлены на их запугивание. Данная цель обуславливает и пластику танцевальных элементов. Подчеркнем особенно, что она носила экстатический и имитирующий характер.

Шаманские пляски это огромный пласт хореографического искусства. Эти танцы отличаются огромной сложностью элементов, техническим мастерством и множеством особенностей, связанным с тем или иным ритуалом и личностью шамана.

Пляска шамана сопровождалась пантомимой, музыкой и пением. И чем выше было мастерство шамана, тем сильнее было его воздействие на зрителей. Он танцем заставлял их поверить в присутствие и могущество невидимых ими духов. Между зрителями-верующими и исполнителем шаманом создавалась сложная взаимосвязь, в которой было и то, что по своему содержанию напоминает связь театрального зала и сцены.

Пантомима, музыка, пение, пляска. И чем выше было мастерство шамана, тем сильнее было его воздействие на зрителей. Он заставлял их поверить в существование, присутствие и могущество невидимых ими сил, духов. Между зрителями-верующими и исполнителем шаманом создавалась сложная взаимосвязь, в которой было и то, что по своему содержанию напоминает связь театрального зала и сцены.

Относительно семантики телодвижений в танцах можно заметить, что в ней нашли отражение семь самых ярких пластических элементов - это удары в ладони, удары ногой по земле, наклоны корпуса, повороты головы, прыжки, приседания и вращения.

Первый элемент синтезировал в себе один из древнейших трудовых процессов - удар рукой. Пластическим эквивалентом этого действия, одновременно его звуковым изображением, является хлопок в ладони. В танцах хлопок в ладони имеет несколько значений - он является изображением характерного элемента птичьего тотема - хлопанье крыльев птицы; кроме того, хлопок в ладони имеет магическую охранительную функцию, вытекающую из опыта первобытной практической деятельности человека, когда им было

осознанно, что звук, издаваемый ударом в ладони, испугивает и прогоняет птиц и животных. Отсюда и использование хлопка как магического средства изгнания духов.

Второй элемент - удар ногой по земле, являясь также одним из производительных древнейших действий, отмечен еще в мире животных и птиц и, помимо охотничьей среды, принадлежит к среде древнейших скотоводов и земледельцев. Движение «удар ногой» является характерным движением темы «борьбы», изображением хищных птиц.

Третий элемент танца - повороты головы, присущ любому движению тела, придает всей фигуре осмысленность и законченность выразительной позы. Голова, являясь «верхом» в мифологическом плане, несет основную семантическую роль в построении позы. В искусстве шаманов – это быстрые многократные повороты, встряхивания, трясение головы из стороны в сторону, резкие вскидывания головы подбородком вперед, вправо и влево, закидывая головы назад в такт музыке и многое другое. Шаман «делал ветер», т.е. магически воздействовал на погоду с помощью развевающейся бахромы своей одежды, головного убора.

Четвертый элемент выразительности - наклоны корпуса, которые, являясь собой самый крупный элемент пластической выразительности тела человека, передают общее физическое и духовное состояние объекта изображения, относятся к имитации движений фауны человека.

Пятый элемент танца - прыжок, изначально изображал движение воды, именно ее пульсацию, впоследствии олицетворенную в образе тотемов-хранителей, в частности, «лягушки-символа плодovitости».

Шестой элемент - приседания; присядки имеют значение прямо противоположное прыжку - погружение шамана в потусторонний, нижний мир, мир хаоса и смерти. Имитируя борьбу с духами, шаманы использовали в своих «плясках-представлениях» реальные телодвижения из военного искусства.

Седьмой элемент – вращение - означал охват всех мифологически осмысленных направлений пространства, «путешествие» шамана, его физический полет на небо с помощью духов.

Шаманская пляска - это сольная импровизация, составленная, с одной стороны, из иллюстративно - изобразительных, подражательных элементов, переходящих в пантомиму. С другой стороны, в движениях шаманов много элементов абстрактного характера. Приведем описание шаманской пляски: своею пляской шаман изображает путешествие в странный мир духов или загробное царство. Что случается с шаманом на этом опасном пути он изображает при помощи пляски, мимики и жестов, часто различными восклицаниями. Так, например, если шаман во время своего путешествия встретил высокую крутую гору, он во время пляски показывает зрителям, как взбирается на гору. Превращение - самое обычное явление в путешествии шамана, а поэтому он во время танца вдруг протягивает руки, машет ими, как

птица крыльями, быстро бежит, гогочет, пищит и делает другие звукоподражания.

По характеру исполнения плясовые действия шаманов разнятся только в эмоциональном и психическом накале. Наибольшим темпераментом и силой воздействия отличаются пляски в лечебных обрядах и в обряде жертвоприношений.

Танец женщин - шаманок в основе своей мало, чем отличается от мужских танцев. Таким образом, не отличается женский танец ни хореографией, ни композицией, ни формой. Следовательно, камлание шамана внешне представляет собой музыкально-театрализованное представление, где его телодвижения, пластика - своего рода танец.

Источники танцевального искусства у алтайского народа:

- природно-климатические условия жизни;
- животные, птицы;
- обряды и традиции;
- цветовая гамма в традиционных костюмах;
- значение цвета в ритуальных танцах.

Рисунок 1. Камлание шаманов (Постановка Шинжиной Айаны Ивановны «Кумандинская сюита»)

Рисунок 2. Подражание птицам (Постановка Шинжиной Айаны Ивановны «Кумандинская сюита»)

Список литературы:

1. Ан С. А. Языковые доминанты современного художественного сознания «Проблемы развития сознания в культуре и образовании». Барнаул: АлтГПА, 2014. – с.3-9
2. Визер В. Г., Калинина Г. М. Кумандинцы – дети гор (прошлое, настоящее, будущее). Бийск, 2013. 168 с.
3. Дьякова В. П. Алтайцы: Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения [И. С. Гурвич, К. Д. Басаев, В. П. Дьяконова; отв. ред. И. С. Гурвич]. М: Наука, 1980. - 240 с., карты; 22 см.
4. Зайцева Е. П., Ортоңулов, И. И. Алтайский национальный костюм. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского издательства, 1990. – 96 с.
5. Калкина Н. Г. Танцы голубых гор. Н. Г. Калкина Горно-Алтайск: ГУ книжное издательство «Юч-Сюмер – Белуха» Республики Алтай, 2003. – 72 с.

УДК 37.014.5

Расторгуева Е. А.

Охтинский колледж, Санкт-Петербург, Россия

ВНЕУЧЕБНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МАРИИНСКИХ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Аннотация: Статья посвящена исследованию внеучебной и досуговой деятельности гимназисток Мариинских женских гимназий провинциальных регионов Российской империи второй половины XIX века. На примере Вятской и Пермской губерний, раскрываются региональные особенности повседневной жизни гимназисток данных учебных заведений. Отдельно рассматриваются образовательный, культурный и религиозный аспекты жизни гимназисток, которые представляют собой важный фактор формирования их повседневной жизни. Также сделан акцент на местные традиции, с целью более объективного анализа жизни провинциальных регионов Российской империи второй половины XIX века.

Ключевые слова: женское образование, история повседневности, Мариинские женские гимназии, воспитание.

Изучая элементы повседневности Мариинских женских гимназий Вятской и Пермской губерний, можно заметить особенности в культурных и социальных аспектах жизни гимназий, что позволяет в рамках данного исследования сравнить в каких вопросах и насколько сильно прослеживаются сходства или расхождения в зависимости от территориального принципа.

Мариинские женские гимназии довольно быстро набрали свою популярность в обществе Российской Империи. Существовая под именем императрицы Марии Александровны, значение среднего образования для девушек всех губерний стремительно выросло. Роль самих гимназий не останавливалась лишь на передаче знаний от преподавателя к обучающимся, но и оказывала влияние на формирование культурных и нравственных ценностей [5, с. 58]. Рассмотрим особенности культурной жизни в гимназиях Вятки и Перми.

В культурном поле гимназий можно выделить ряд общих черт, раскрывающих особенности организации досуга в этом ключе: образовательная миссия, культурная программа и религиозный аспект.

Само по себе образование играло немаловажную роль в формировании культурных привычек гимназисток. Вне зависимости от региона Мариинские женские гимназии стремились обеспечивать высокий уровень образования, включающий гуманитарные и естественные науки. Высокие стандарты качества образования, влекли за собой и высокий уровень подготовки

гимназисток как к обычной жизни после гимназии, так и к выполнению профессиональных педагогических задач для учительниц и наставниц.

Оценивая средний прирост качества знаний за 1880 – 1890 годы в этих же гимназиях видим, что в столице уровень образования составлял почти 50%, что обусловлено более высоким уровнем мотивации самих гимназисток. В выбранных же провинциальных регионах средний уровень почти достигал столичного, что обусловлено, прежде всего, высоким уровнем подготовки педагогических кадров самих гимназий, а также заинтересованностью ряда девушек в своем образовании и поиске места в обществе.

Культурная повседневность гимназисток строилась исходя из двух основных частей: культурные мероприятия, организованные лично гимназистками и посещение мест культуры вне учебного процесса в качестве зрителей или слушателей.

Так, например, гимназистки Перми, не раз посещали художественные выставки пермских художников. Важно отметить, что художественное ремесло для региона играло немаловажную роль в формировании всего облика Пермской губернии. Из необязательных и платных предметов, для гимназисток Перми, рисование перешло в ранг бесплатных и преподаваемых для всех [7, с. 189].

В 1907 году гимназистам были предоставлены билеты для посещения театральной постановки «Доктор Штокман», которые были любезно предоставлены одним из попечителей Пермской Мариинской женской гимназии. Для гимназисток было выделено порядка 30 билетов на посещение этого спектакля, который 25 февраля 1907 отметил свою премьеру [1].

Традиционным для Вятских гимназисток также было посещение театральных постановок. Попечительский Совет гимназии всячески старался ежегодно предоставлять гимназистам старших курсов возможность бесплатного посещения театра на Вятке [6, с. 132].

В конце XIX века в культурные традиции Вятской Мариинской женской гимназии входило участие в массовом гулянии в Александровском саду. Гимназисты и студенты города в весенне-летний период собирались на гуляния, где обычно устраивались пикники, задорные игры на свежем воздухе, беседы и прочие виды деятельности [6, с. 147].

Видим, что участие гимназисток в культурных мероприятиях разного формата было призвано обеспечивать развитие эстетических чувств, решать совместными усилиями проблемы гимназий, а также выстраивать коммуникативные связи с другими обучающимися.

Религиозная повседневность в рамках обучения в Мариинских женских гимназиях, во многом, определялась наличием или отсутствием собственной церкви при здании гимназии. Именно с этой проблемой столкнется Пермская Мариинская женская гимназия. Своей церкви гимназия не имела, поэтому гимназистки в особенно торжественные дни вынуждены были собираться в

церкви мужской гимназии, что вызывало ряд неудобств. Однако, Попечительский Совет гимназии еще с 1870-х годов заявлял о необходимости строительства собственной церкви при женской гимназии. Значительные подвижки в решении дела строительства церкви внес Начальник Пермской губернии В. А. Погодин и его супруга Е. Г. Погодина. Елизавета Гавриловна Погодина взяла под личный контроль сбор средств для строительства церкви и смогла покрыть недостающую сумму. Так, с ее помощью в 1893 году начал разрабатываться план строительства церкви при ПМЖГ. С 1895 по 1899 шли строительные работы и к началу XX века гимназия все же получила возможность иметь в своем арсенале и собственную церковь. Появление церкви позволило сильнее воздействовать на религиозно-нравственные чувства гимназисток, а законоучитель мог чаще находиться в среде обучающихся [3, с. 89].

Немаловажную роль наличие церкви имело и для Мариинской женской гимназии на Вятке. Появление собственной церкви здесь также относится лишь к концу XIX века [6, 163]. Жена вятского губернатора Екатерина Ивановна Клингенберг привлекла меценатов для строительства церкви при гимназии. На проект строительства церкви при ВМЖГ был объявлен конкурс, победителем которого стал архитектор И. А. Чарушин [4]. Освещение церкви прошло 20 ноября 1899 года епископом Вятским Алексием, церковь получила престол святой великомученицы Екатерины и была домовым храмом при гимназии [2].

Заботы о строительстве церквей при Вятской и Пермской Мариинских женских гимназиях были важными аспектами в вопросе повседневности, так как именно они часто поднимались на Попечительских советах, а региональные газеты нередко призывали к благотворительности в адрес гимназий для строительства собственных церквей.

Культурное воспитание, во многом, влияло и на социальные аспекты повседневной жизни гимназисток. Так как изначально Мариинские женские гимназии задумывались как бессловные открытые учебные заведения, то предполагался общий формат формирования классов, где за одной партой могли находиться и дворянские и крестьянские дочери. Поэтому задачей гимназий было организовывать учебный процесс таким образом, чтобы девушки не чувствовали притеснений со стороны друг друга.

Как показал анализ изучения деятельности гимназий на Вятке и в Перми девушки, путем вовлечения их в общую деятельность: по подготовке концертов или представлений, общих прогулок или праздничных гуляний, выезды на природу или экскурсии смогли реализовать процесс сплочения учебного коллектива.

Таким образом, отметим, что деятельность педагогического и административного составов Мариинских гимназий выбранных регионов профессионально выполняло функции по организации совместного обучения

девушек всех сословий и вероисповеданий, без ограничений и запретов, не связанных с правилами внутреннего распорядка или уставом гимназий.

Помимо обусловленных учебных планом и досугом мероприятий, развивающих и воспитывающих гимназисток Мариинских женских гимназий, на их повседневность, безусловно, влияли местные традиции региона.

К местным традициям можно отнести проведение ежегодных ярмарок, массовых гуляний, праздников, посвященных значимым датам или историческим событиям региона. Более обширный перечень местных традиций мы находим в изучении повседневной жизни провинциальных регионов – Вятской и Пермской губерний. Здесь влияние местных традиций на повседневность отражена в значительной степени.

Сами гимназистки были активными участниками тех мероприятий и празднеств, которые устраивались на ежегодной основе. Многие даже оставляли записки или воспоминания о посещении тех или иных событий. Благодаря этим воспоминаниям мы можем подойти к вопросу влияния местных традиций на повседневную жизнь учениц Мариинских женских гимназий наиболее объективно.

Список литературы:

1. ГАПК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 39 Л. 6. Об.
2. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 272. Л. 288 Об.
3. Мариинская женская гимназия в Перми к пятидесятилетнему юбилею (исторический очерк): 1861-1910 гг. – Пермь.: Тип. Губернской земской управы, 1911. 67 с.
4. Вятские губернские ведомости. Газета общественная и политическая. – Вятка.: Н. Озеров, 1899, 23 ноября
5. Вахромеева, О. Б. Женские учебные заведения Мариинского ведомства в Петербурге в дореволюционной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №3. С. 84-86.
6. Гомаюнов, С. История школы и школа истории. Вятская Мариинская женская гимназия 1859 –1917 гг. Киров: Буквица, 2009. 230 с.
7. Крохалева, А. П. Преподавание рисования в Пермской Мариинской женской гимназии // Диалоги о культуре и искусстве. 2020. №1. С. 186-191.

УДК 81'25

Сидорова Ю. А.

Московская международная академия, Москва, Россия

ТРУДНОСТИ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация: В статье рассматриваются системные трудности, возникающие в процессе постредактирования машинного перевода (ПМП) на материале сравнительного анализа «сырого» машинного перевода и профессионально отредактированной версии инструкции по установке оборудования L.J. Engineering. Исследование демонстрирует, что ключевые вызовы для редактора лежат не в исправлении единичных ошибок, а в преодолении фундаментальных дискурсивно-прагматических ограничений машинного вывода. На основе детального сопоставления выделяются и анализируются четыре основных комплекса трудностей: 1) построение консистентной терминосистемы, 2) синтаксическая реструктуризация и устранение интерференции, 3) стилистическая и прагматическая адаптация к жанровым нормам, 4) юридическая локализация текста. Делается вывод о том, что эффективное постредактирование представляет собой не корректуру, а экспертную деятельность по дискурсивной регенерации текста, требующую от специалиста развитых лингвистических, предметных и метакогнитивных компетенций.

Ключевые слова: постредактирование машинного перевода, РЕМТ, трудности перевода, технический перевод, сравнительный анализ, дискурсивная адаптация, терминология, синтаксическая интерференция, юридический дискурс.

Широкое внедрение нейросетевого машинного перевода (МП) в практику локализации технической документации обусловило превращение постредактирования (ПМП) в императивный этап обеспечения профессионального качества финального текста. Однако в операциональной практике процесс ПМП нередко редуцируется до процедуры «исправления ошибок», в то время как эмпирический анализ выявляет его более сложную, дискурсивно обусловленную природу. Цель данной статьи — на основе сравнительного анализа машинного и отредактированного переводов инструкции по установке выявить и систематизировать ключевые трудности, с которыми сталкивается редактор.

Данные трудности детерминированы не стохастическими погрешностями алгоритма, но его системной неспособностью к холстической обработке текста как целостного коммуникативного акта, укорененного в специализированном дискурсе [2].

1. Трудность построения когерентной терминосистемы: от лексической субституции к архитектонике терминологического поля [1]

Первичный комплекс трудностей связан с преодолением атомарного подхода МП к лексическим единицам и необходимостью реконструкции терминологической архитектоники текста.

МП демонстрирует локальную точность при переводе высокочастотных терминов (напр., *pressure sensor* → «датчик давления»), однако не обеспечивает системную консистентность и иерархизацию. Так, вариантность обозначения одного понятия (*wall transformer / wall adapter*) может приводить к полиэквивалентности («сетевой трансформатор» / «сетевой адаптер») в рамках одного текста. Родовой термин *gauge* механически транскодируется как «манометр» даже в обобщающих контекстах, где дискурсивно уместны гиперонимы «прибор» или «измеритель».

Задача редактора заключается, таким образом, не в простой унификации, а в реконструкции внутренней логики терминосистемы. Это предполагает селекцию единственного узуального эквивалента для каждого концепта, интродукцию родовых терминов для генерализации и замену описательных калек (напр., *lead wire assembly* → «кабельный узел» в МП) на функционально адекватные номинации («кабель аналогового выхода»).

Данная операция требует от редактора глубоких предметных знаний для дифференциации контекстуальных семантических оттенков и ориентации в отраслевой лексикографии языка перевода.

2. Трудность синтаксической реструктуризации и преодоления интерференции исходного языка [1]

Наиболее репрезентативные трудности манифестируются на синтаксическом уровне, где МП воспроизводит глубинные структуры исходного языка (ИЯ).

Калькирование синтаксических конструкций продуцирует грамматически возможные, но дискурсивно маргинальные для языка перевода (ПЯ) обороты. Например, конструкция «*The mounting location... must absolutely prevent...*» транскодируется в «Место установки... должны абсолютно исключать...», что нарушает нормы императивного дискурса в русскоязычной технической коммуникации. Сложноподчиненные периоды сохраняются, нивелируя текстовую читабельность.

Задача редактора заключается в проведении глубинной синтаксической трансформации: конвертации калкированных пассивных и модальных конструкций в естественные для русского научно-технического подъязыка безличные или определенно-личные императивные формы («Необходимо полностью исключить возможность...»). Кроме того, требуется членение сложных периодов для обеспечения логической прозрачности.

Решение этой задачи предполагает развитое языковое чутье и владение контрастивной грамматикой, позволяющее не поверхностно «улучшить», а заново сконструировать высказывание в рамках идиоматики ПЯ.

3. Трудность стилистической и прагматической адаптации к жанровым конвенциям [1]

МП генерирует стилистически гибридный текст, не соответствующий строгим конвенциям жанра.

Наблюдается смешение регистров: формальные термины коэкзистировать с разговорными или общелитературными оборотами (напр., *care must be taken* → «проявлять осторожность»). Текст дефицирует четкой прагматической архитектоники: отсутствуют структурные маркеры (подзаголовки, списки), предупреждения лишены необходимой иллокутивной силы.

Задача редактора — привести весь текст к единому, безличному, директивному стилю, характерному для научно-технического подъязыка. Это включает реорганизацию макроструктуры: интродукцию навигационных подзаголовков, трансформацию перечислений в маркированные/нумерованные списки, визуализацию данных в табличном формате. Также необходима категоризация модальности с использованием стандартных дискурсивных маркеров («ВНИМАНИЕ», «ЗАПРЕЩАЕТСЯ») для усиления перлокутивного эффекта.

Это требует от редактора понимания прагматики жанра «инструкция» как полифункционального дискурса (инструктирование, предостережение, наложение ограничений) и умения оптимизировать текст для эффективного коммуникативного воздействия на целевую аудиторию.

4. Трудность юридической локализации как предельный кейс дискурсивной миграции [2]

Обработка юридических разделов (гарантийные обязательства) репрезентирует наивысший уровень сложности, где лингвистическая неадекватность влечет прямые правовые риски.

МП производит формальную, зачастую семантически дефектную кальку. Ключевые термины (*limited warranty*, *consequential damages*) передаются описательно и инвариантно. Синтаксис отличается тяжеловесностью и не соответствует канонам русского юридического дискурса. Итоговый текст не является функциональным правовым инструментом.

Задача редактора в данном контексте фактически сводится к полноценному репереводу (re-translation), основанному на нормах целевой правовой системы. Необходима имплементация устоявшихся терминов («исчерпывающая гарантия», «косвенные убытки»), расчленение сложных синтаксических конструкций на тезисные утверждения и приведение текста в соответствие с локальными ожиданиями относительно формы и содержания юридических документов [3].

Решение данной задачи требует не только лингвистической, но и специальной юридической компетенции, либо привлечения эксперта в области права. Ключевым становится умение осуществить дискурсивную миграцию текста из одной правовой культуры в другую.

Проведенный контрастивный анализ позволяет верифицировать тезис о том, что основные трудности постредактирования машинного перевода специализированных текстов носят системный и дискурсивно-детерминированный характер. Они проистекают из фундаментального разрыва между операцией статистического транскодирования, выполняемой алгоритмом на уровне изолированного предложения, и необходимостью целостной текстуальной реконструкции на уровне документа как коммуникативной единицы.

Редактор сталкивается не с корпусом случайных ошибок, а с необходимостью:

1. Деконструировать сырой машинный вывод, отягощенный терминологической дисперсией, синтаксической интерференцией и стилистической гибридностью.

2. Реконструировать текст в новом коммуникативном пространстве, обеспечивая терминологическую консистентность, синтаксическую идиоматичность, стилистическую чистоту и прагматическую эффективность в рамках строгих жанровых конвенций.

Таким образом, центральная трудность ПМП заключается в необходимости осуществления экспертной дискурсивной адаптации. Данная деятельность требует триединой компетенции: углубленного владения лингвистическими нормами и жанровыми канонами, предметных знаний в конкретной технической области, а также развитой прагматической интуиции для работы со смежными дискурсами (например, юридическим). Современный МП, будучи мощным инструментом предперевода, не устраняет, а, парадоксальным образом, актуализирует потребность в высококвалифицированном редакторе, способном преодолеть его системные ограничения и трансформировать лингвистически корректный черновик в функционально адекватный профессиональный документ.

Ключевые трудности постредактирования машинного перевода (ПМП), носящие системный и дискурсивный характер, требуют не эмпирических правок, а стратегического, оснащенного профессиональными инструментами подхода. Решение этих задач реализуется через многоуровневый процесс, сочетающий технологическую подготовку, экспертную редактуру и финальный контроль.

1. Решение проблемы терминологической консистентности

На досредственном этапе (pre-editing/pre-processing): Создание и загрузка в память переводов (Translation Memory, ТМ) и системы управления терминологией (Termbase) предметно-специфичных глоссариев. Для нового

проекта или области предварительный анализ исходного текста позволяет выявить ключевые термины и варианты их употребления.

На этапе ПМП: Редактор использует функцию конкорданса в CAT-инструменте (SDL Trados, memoQ) для быстрого просмотра всех вхождений спорного термина в рамках проекта, принимая решение о выборе единственного эквивалента. Для родовых понятий и обобщающих контекстов применяется принцип гиперо-гипонимических отношений, что требует от редактора предметных знаний.

Инструменты: CAT-системы с интегрированными терминологическими базами, средства поиска по корпусам текстов (Sketch Engine) и отраслевым стандартам для верификации узуса.

2. Решение проблемы синтаксической интерференции и реструктуризации

Стратегия деконструкции и реконструкции: Редактор последовательно идентифицирует калькированные конструкции (пассив, номинализации, сложная модальность) и преобразует их в соответствии с идиоматикой языка перевода. Для русского технического текста это часто означает:

Замену пассива на безличные («следует», «необходимо») или определенно-личные конструкции.

Расчленение длинных периодов на логически связанные простые предложения.

Перевод «глагольных» существительных обратно в глагольные формы.

Использование стилевых руководств (Style Guide): Наличие четких правил для синтаксиса научно-технического текста на целевом языке ускоряет принятие решений и обеспечивает единообразие.

Подход: Требуется развитых навыков контрастивной лингвистики. Редактор работает не с отдельным предложением, а с логико-синтаксическим блоком, перестраивая его «изнутри».

3. Решение проблемы стилистической и прагматической адаптации

Жанровая нормализация: Текст приводится к единому регистру — формальному, безличному, директивному. Разговорные и общелитературные вкрапления заменяются на стандартные формулировки подъязыка техдокументации.

Реорганизация макроструктуры: Редактор анализирует логику изложения и усиливает прагматическую архитектонику:

Вводит иерархию подзаголовков.

Преобразует сплошные перечисления в маркированные/нумерованные списки.

Визуализирует данные в виде таблиц.

Стандартизирует оформление предупреждений, примечаний и запретов с использованием соответствующих маркеров (ВНИМАНИЕ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ЗАПРЕЩАЕТСЯ).

Ориентация на пользователя: Все правки направлены на повышение ясности, навигационной простоты и перлокутивной силы текста, что является конечной целью инструкции.

4. Решение проблемы юридической локализации

Стратегия реперевода (re-translation): Юридические разделы (гарантии, условия) не редактируются, а заново переводятся с нуля, исходя из норм и конвенций целевой правовой системы.

Использование аутентичных источников: Применение устоявшихся терминов и клише, заимствованных из законодательства и судебной практики страны перевода. Поиск параллельных текстов (аналогичных гарантийных документов на целевом языке) является обязательным.

Привлечение экспертов: В случае сложных или ответственных документов необходимо привлечение юриста-лингвиста или носителя языка с юридическим образованием для валидации финального текста. Это минимизирует правовые риски, связанные с неточной интерпретацией.

Системный подход к процессу ПМП

Эффективное решение перечисленных трудностей невозможно без внедрения четкого процесса:

1. Подготовительный этап: Анализ исходного текста, подготовка/актуализация глоссария и стилового руководства, настройка САТ-инструмента.

2. Сквозная редактура (полное ПМП): Последовательная работа на всех уровнях — от терминологии до макроструктуры, с фокусом на деконструкцию машинного вывода и его реконструкцию в новом дискурсивном поле.

3. Контроль качества (QA): Использование автоматизированных проверок в САТ-инструменте на предмет согласованности терминов, цифр, форматирования, а также последующая вычитка носителем или отраслевым специалистом.

Таким образом, трудности ПМП преодолеваются не путем точечных исправлений, а через экспертную дискурсивную адаптацию, основанную на триединой компетенции редактора: лингвистической, предметной и прагматической. Этот процесс технологически опосредован (САТ-системы, терминологические базы), но семантически и текстообразующе детерминирован человеческим экспертом. Современный МП служит источником «предперевода» или черновика, а задача редактора — осуществить его полную трансляцию в целевой специализированный дискурс, обеспечив не только лингвистическую корректность, но и функциональную адекватность итогового документа.

Список литературы:

1. Воронович В.В. Машинный перевод: конспект лекций по специальности «Компьютерная лингвистика, Компьютерное обучение языкам». Минск: Белорусский государственный университет, 2013. 39 с
2. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2007. 282 с.
3. Попова Н.В., Абдуллахитов Р.Ш. Развернутый алгоритм дидактического использования программ машинного перевода в режиме показа исправлений при редактировании//профессорско-преподавательского университета. – Грозный: Изд-во Чечен. гос. ун-та, 2013 – С. 360-367.
4. Соловьева, А.В. Профессиональный перевод с помощью компьютера / А.В. Соловьева. – СПб.: Питер Пресс, 2008. – 160 с
5. Третьякова М. С. Машинный перевод и его особенности / М. С. Третьякова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2018. – № 41. – С. 204–207.
6. Smith J. Post-Editing of Machine Translation: A Review of the Literature [Электронный ресурс] // Journal of Translation Studies: сведения, относящиеся к заглавию / University of Translation. URL: <https://www.jts.university/articles/2023/post-editing-review>

УДК 94(47).02

Ломко Л. Я.

Независимый исследователь, Москва, Россия

РЕАЛЬНОЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА «ГАРДАРИКИ», ИЗВЕСТНОГО НАМ ПО СКАНДИНАВСКИМ САГАМ

Аннотация: В статье исследуется проблема географической идентификации государства Гардарики, фигурирующего в древнескандинавских письменных источниках. Традиционная историография, начиная с XIX века, отождествляет Гардарики с Киевской Русью, а её столицу Холмгард — с Новгородом на Волхове. Однако детальный анализ сведений саг в контексте археологических данных и исторической географии раннего средневековья выявляет существенные хронологические и географические противоречия такой атрибуции. В работе обосновывается гипотеза о первоначальной локализации Гардарики в регионе Южной Балтики, на землях западнославянских племен, где процессы урбанизации имели более ранний и интенсивный характер, нежели в Приильменье. Особое внимание уделяется анализу локализации ключевых топонимов — Холмгарда и Альдейгьюборга, — которые, согласно предложенной интерпретации, следует связывать не с Северо-Западной Русью, а с южнобалтийским регионом, в частности, с территориями, соседствующими с землями пруссов и ятвягов (ёттунов).

Ключевые слова: Гардарики, Холмгард, Альдейгьюборг, скандинавские саги, Южная Балтика, западнославянские города, урбанизация, историческая география, норманизм.

Цель исследования – установить особенности понятия географической идентификации государства Гардарики. Проблема исследования состоит в том, что «Гардарики» (древнесканд. *Garðaríki*), устойчиво закрепившееся в древнескандинавской литературной и географической традиции, традиционно интерпретируется исторической наукой как обозначение Древней Руси с центром в Новгороде (Холмгард). Это отождествление, сложившееся в трудах историков XIX–XX веков, базируется преимущественно на ретроспективном переносе более поздних реалий (XII–XIII вв.) на события IX–X столетий. Однако скрупулезный анализ самих саг, археологических свидетельств и свидетельств смежных исторических дисциплин демонстрирует фундаментальные несоответствия этой модели.

Основные противоречия сводятся к следующему: скандинавские источники, повествующие о событиях IX века, рисуют Гардарики как «страну городов» (*Garðar*), в то время как археология фиксирует на северо-западе будущей Руси (Приильменье, Поволховье) к этому времени лишь единичные протогородские поселения. Скандинавы упорно считали столицей Гардарики не Киев (Кенугард), а именно Холмгард, что противоречит данным «Повести временных лет» (ПВЛ) о центральной роли Киева. Лингвистический анализ

топонима «Холмгард» (букв. «островной город/гард») не находит убедительного соответствия в топографии Новгорода. Эти и другие нестыковки заставляют пересмотреть устоявшуюся локализацию и предположить, что изначальный образ Гардарики в скандинавском сознании был сформирован в ином географическом и историческом контексте [1].

Ранняя урбанизация в регионе Южной Балтики, на землях славянских племен ободритов, лютичей, поморян, имела опережающий характер по сравнению с процессами в Приильменье. Как отмечают исследователи, уже к IX веку на южнобалтийском побережье сложилась густая сеть торгово-ремесленных поселений, «храмовых городов» и княжеских крепостей, контролировавших морские и сухопутные пути. Хроники Адама Бременского и археологические данные свидетельствуют о значительной концентрации городских центров в этом регионе. В то же время, по археологическим данным, даже к концу X – началу XI века в Новгородской земле существовало лишь три бесспорных города: Новгород, Псков и Ладога. Таким образом, эпитет «страна городов» в IX–X веках в значительно большей степени применим к южному побережью Балтики, нежели к слабо урбанизированным в тот период землям словен ильменских.

Важным аргументом является лингвистическая форма названий поселений. В скандинавских источниках центры Гардарики обозначаются суффиксом «-гард(р)» (-garðr), что соответствует западнославянской форме «-гард» (ср. Старигард, Реригард), тогда как в древнерусской топонимии господствует форма «-град». Это различие указывает на изначальное знакомство скандинавов именно с западнославянской географической номенклатурой.

Ключевой пункт дискуссии — идентификация столицы Гардарики, Холмгарда. Его буквальный перевод — «островной гард» — не соответствует топографии Новгорода, расположенного на равнинном берегу Волхова. Гипотезы о связи названия с новгородскими «холмами» (концами) выглядят натянутыми и хронологически несостоятельными, так как структура города, отождествляемая с этими холмами, сложилась не ранее середины XI века. Между тем, Холмгард активно фигурирует в сагах, описывающих события конца X века, связанные с князьями Владимиром и Ярославом. В Южной Балтике же существовали города, идеально соответствующие описанию «островного гарда». Наиболее яркий кандидат — культовый центр и крепость Аркона на острове Рюген, главное святилище западнославянских племен. Другим вероятным прототипом мог быть крупный торговый центр Волин, расположенный на островах в устье Одры. Не менее важным для реконструкции географии Гардарики является локализация города Альдейгьюборг, традиционно отождествляемого со Старой Ладогой. Анализ контекста упоминаний Альдейгьюборга в сагах, в частности, в «Саге о Хальвдане Эйстейнссоне» и «Саге о Хрольфе Пешеходе», позволяет

выдвинуть иную гипотезу. В этих источниках Альдейгьюборг предстает не изолированным пунктом на севере, а центром, административно связанным с другим городом — Алаборгом, и расположенным в относительной близости от земель ётунов (древнесканд. *jōtunn*, мн. *jōtnar*) [2].

В скандинавской мифопоэтической традиции Ётунхейм — страна великанов-ётунов. Однако в контексте исторических саг этот термин зачастую получает реальную географическую привязку. Многие исследователи сходятся во мнении, что под ётунами в сагах могли подразумеваться хорошо известные по европейским хроникам ятвяги — балтский народ, соседствовавший с пруссами. Соответственно, Ётунхеймом могла обозначаться область расселения ятвягов между реками Неман, Нарев и Прегель. «Сага о Хрольфе Пешеходе» прямо указывает, что Альдейгьюборг и Алаборг находятся в Ётунхейме или в непосредственной близости от него. Там же говорится, что «треть Гардарики называется Кэнугарды и лежит у той горной цепи, которая разделяет Ётунхейм и Хольмгардарики», а рядом располагается Эрmland (Вармия, историческая область в Пруссии). Такое описание абсолютно не соответствует географии Приильменья и Волховского пути, где нет горных цепей и исторических областей типа Эрmland. Зато оно прекрасно согласуется с регионом юго-восточной Балтики, где Эрmland (Вармия) действительно граничила с землями пруссов и ятвягов. Упоминание «горной цепи» (возможно, невысоких возвышенностей типа Выштынецкой гряды или ошибка позднего переписчика) также указывает на эту местность [3].

Таким образом, саги помещают Альдейгьюборг и связанный с ним Алаборг не в Ладожское озеро, а в восточную часть южнобалтийского побережья или прилегающие территории. Это кардинально меняет представление о первоначальном ядре Гардарики. Она предстает не как восточнославянское, а как балто-славянское образование, центры которого (Холмгард, Альдейгьюборг, Алаборг) контролировали торговые пути из Балтики вглубь Восточной Европы по рекам Висла, Западный Буг, Нарев.

Косвенным подтверждением южнобалтийской гипотезы служит нумизматический материал. Сребреники князя Владимира Святославича, чеканенные после захвата им Киева, предназначенные, по-видимому, для расчетов с наёмной дружиной, практически не встречаются в Скандинавии и на северо-западе Руси, но концентрируются вкладах на территории западного Поморья. Это указывает на то, что наёмники Владимира могли вербоваться именно в южнобалтийском регионе, а не в Скандинавии, и туда же возвращались после службы. Кроме того, как отмечает ряд исследователей, западная граница владений Мешко I в конце X века по документам граничила с Русью от земли пруссов до Кракова. Это означает, что восточный берег Вислы в то время мог восприниматься как часть «Руси», что хорошо стыкуется с локализацией Гардарики в южнобалтийском ареале [4].

Перенесение названия на волховский регион, вероятно, имело место уже в начале XI века, когда власть переходила от Владимира Святого к его сыну Ярославу. Этот период отличался максимальным присутствием шведов на земле ильменских словен. Владимир Святой после взятия Киева начинает производство в Киеве собственной монеты. Согласно ПВЛ, Владимир, испугавшись победы Ярополка, бежал «за море к варягам», набрал там войско и возвратился в Новгород. Однако география обнаружения монет Владимира ограничивается Южной Балтикой. Ни в Скандинавии, ни в Новгороде-на-Волхове находки этих монет отсутствуют. Следовательно, Владимир набирал наемное войско на землях Южной Балтики.

Если следовать версии ПВЛ, Владимир должен был вернуться с новой дружиной в Новгород-на-Волхове. Но нет монетарных свидетельств участия новгородцев в походе Владимира Святого на Киев. Такое развитие событий возможно при условии, что Владимир находился в каком-то другом городе, который назывался не Новгород-на-Волхове, а Холмгард. Ассоциация Холмгарда с Новгородом-на-Волхове, видимо, произошла потому, что историки и филологи не смогли смириться с тем, что в сагах нет упоминаний о двух самых известных городах Ильменской земли. Скандинавские названия части городов в Гардарике из саг хотя бы отдаленно напоминают реальные названия этих городов: Смоленск – «Смолескья», Полоцк – «Полтескья». Во всем Волховском регионе ничего даже близко не напоминает оригинальные славянские названия. Холмгард никак не может звучать как «Новгород» ни в какой интерпретации [5].

Крупнейший специалист по скандинавскому фольклору Татьяна Джаксон возражает, что буквальный перевод слова «Холмгард» – бессмыслица. С ее точки зрения, «островной город» звучал бы как «Холмборг». Однако проблема в том, что у скандинавов большинство поселений в Гардарике именуется «гардрами». «Холмгардр» можно перевести как «Островное поселение в Гардарики». Сообщение Константина Порфирогенета о месте нахождения стола Святослава («Немогард») также многими специалистами относимо к Новгороду-на-Волхове. Но это не может быть Новгород по следующим причинам: Святослав никогда не бывал на севере; во времена Константина Порфирогенета Новгород только начал формироваться; город Святослава должен находиться в определенной близости к крепости «Самбатас». Одно из вероятных мест – полуостров Самбия, недалеко от Куявии. Эта территория вполне подходит на роль Гардарики.

В труде Татищева описывается, что Гостомысл пошел в Колмогард спросить богов о наследии. «Колмогард», он же Холмгард, отождествляют с Новгородом-на-Волхове. Но отсутствие археологических свидетельств существования Новгорода в IX веке означает, что под Колмогардом понималось что-то еще. Великий храм в Арконе, на острове, куда за предсказаниями

обращались западнославянские племена, вполне соответствует требованиям. Островной город – Колмгард. Изначально в скандинавской традиции присутствовало всего два города: Холмгард и Альдейгья (Старая Ладога). В дальнейшем скандинавы узнали еще несколько. Такой резкий количественный скачок может быть объяснен быстрым ростом государственного образования или распространением названия Гардарики на большие территории. Важен вывод о постепенном формировании картины Восточной Европы в скандинавском обществе – по мере продвижения скандинавов. Название города означает «свиной мыс». Недалеко от Щецина, рядом с островом Волин протекает река Свина. Место при впадении этой реки в Балтийское море стратегически выигрышное. Возможно, там стоит искать «Свиной мыс» [6].

Имеются свидетельства, что земли пруссов входили в состав Руси, и в Пруссии размещалась резиденция правителя Гардарики. В завещании княгини Оды (около середины 90-х гг. X в.) говорится, что Польша граничит с Русью от земли пруссов на севере и до Кракова на юге. Это значит, что весь восточный берег Вислы принадлежал Руси в конце X века.

Суммируя все вышеизложенное, допустимо с высокой степенью вероятности констатировать, что предлагаемая в настоящее время норманистами теория, о том, что Новгороде-на-Волхове является тем самым местом, которое скандинавы обозначали как Холмгард(ар), изобилует нестыковками и выглядит совершенно ошибочной.

Список литературы:

1. Херрман Й. Ободриты, лютичи, руяне. Славяне и скандинавы / пер. с нем. / общ. ред. Е.А. Мельниковой. М.: Прогресс, 1986. 416 с.
2. Джаксон Т.Н. *Austr í Gørdum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки русской культуры, 2001.
3. Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V-XIII вв. М.: Вече, 2008 г.
4. Джаксон Т.Н. «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов; Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава: тип. И. Ф. Штефенгагена и сына, 1804; Рыдзевская Е.А. Холм в Новгороде и древнесеверный *Holmgarðr* // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1922. Т. II. С. 105–112; Джаксон Т. Н., Молчанов А.А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. XXI. С. 226–238.
5. Мюле Э. К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 118–127; Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012.
6. Цветков С.Э. Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого. Центрполиграф, 2012.
7. Ломко Л.Я. Повесть или летопись: мифы против фактов. Сайт proza.ru

УДК 316.74.2

Волосевич М. Б.

*Приход храма в честь Новомучеников и исповедников Церкви Русской, Амурская епархия
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), Чегдомын, Россия*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается значение благотворительности и социального служения в процессе формирования личности. Социальное служение и благотворительность Русской Православной Церкви - как служение ближнему и забота о его спасении являются актуальным служением современного российского общества. Деятельность Русской Православной Церкви в области благотворительного и социального служения есть ответ секулярному миру на вызовы современности, свидетельство Евангелия, о том, что в мире есть Любовь.

Ключевые слова: формирование личности, образование, воспитание, духовно-нравственная культура, милосердие, благотворительность, социальное служение, Русская Православная Церковь, РПЦ, благотворительные фонды, Амурская епархия, приходское служение.

Сегодня мы говорим про формирование личности в условиях современного мира. Хотелось бы сделать акцент на понятиях «благотворительность» и «милосердие», и раскрыть их в контексте темы нашего пленарного заседания.

Благотворительность является одной из форм христианского делания.

Человек, соблюдая заповеди, (в частности, касающиеся любви к ближнему), при содействии благодати, возрастает духовно, уподобляется Богу.

То есть, иными словами, мы можем говорить, что **благотворительность – это инструмент формирования личности.**

Образование же, это не только уроки и лекции, это школа жизни, где формируются ценности, характер, жизненная позиция человека.

В христианской аскетике мы встречаем указание на то, что человек, ухаживающий за другим, больше делает для себя, чем для того, кому он помогает. Мы понимаем, что именно нуждающиеся могут научить нас любви и состраданию – тому, без чего мы не можем называться людьми.

А также те, что считают себя христианами и любящие Христа всем сердцем, не могут проходить мимо чужой беды, понимая, что все, что они делают для нуждающихся, делают для Христа.

Благотворительность как форма сострадания и милосердия есть ответ на непосредственные требования жизни человека. Пожалуй, нет такой исторической эпохи в прошлом, которая была бы не знакома с решением таких социальных проблем, как бедность, нищета, отсутствие средств к

существованию, поддержка больных, увечных, обездоленных, вдов и старлиц. Понятия милосердия и сострадания мы встречаем на страницах Священного Писания.

С пришествием в мир Христа Спасителя служение ближнему становится неотъемлемой частью исповедания веры христианской, по слову Самого Бога: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13, 34). Христос заповедует Своим ученикам быть милосердными, подобно Отцу Небесному (Лк. 6, 36), призывает быть милостивыми, сострадательными и щедрыми. Господь, побуждая в Своих учениках чувство взаимной поддержки и помощи, говорит, что, если «хотите быть помилованы, будьте милосердны» (Мф. 5, 7).

Социальная и благотворительная деятельность стала неотъемлемой частью служения Церкви ближнему. С изменением жизни общества, его потребностей, а вместе с тем и реальных проблем человека, меняются и формы благотворительной деятельности Церкви, при этом ее основная цель – служение ближнему и забота о его спасении – остается неизменной.

«Сопереживание ближним, поддержка страждущих приобретают особенно актуальность во время общественных невзгод — это и природные катаклизмы, и военные действия. Вот и сегодня многие из наших соотечественников разделяют скорбь с ранеными, с теми, кто опален огнем войны, которая сейчас развернулась на русской земле. Исполняя свой долг, священники, врачи, сестры милосердия, волонтеры мужественно и жертвенно совершают свое служение в самых тяжелых условиях, где и страх, и скорбь, и боль, и отчаяние» [4] - замечает Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, обращаясь к своей пастве.

Церковь также не может остаться в стороне от человеческого горя.

Деятельность Русской Православной Церкви в области благотворительного и социального служения есть ответ секулярному миру на вызовы современности, свидетельство Евангелия, о том, что в мире есть Любовь.

*«Заповеданное Христом милосердие — это **вера в действии**, это любовь, выраженная в конкретных поступках, имеющих своей целью благо ближнего»* [4] , – подчеркивает святейший патриарх.

Такими конкретными поступками и делами милосердия, по отношению к беженцам, мирным жителям Донбасса и Малороссии, а также пострадавших территорий Курской и Белгородской и иных областей, воинам, получившим ранения, бойцам, несущим свое служение на линии фронта – является деятельность социального отдела Русской Православной Церкви, объединяющей собой епархии и приходы на всей канонической территории Церкви.

С 2022 года Русская Православная Церковь оказывает помощь пострадавшим от вооруженного конфликта. Координирует эту работу Патриаршая гуманитарная миссия. В приграничных районах и зоне

конфликта действуют 12 церковных центров помощи, в которых обработано свыше 340 000 обращений. Пострадавшим передано свыше 4000 тонн гуманитарной помощи. Для поддержки мирных жителей на Донбасс съездили свыше 5000 церковных добровольцев. В рамках проекта восстановления частного жилья нуждающихся в зоне конфликта силами добровольцев отремонтировано свыше 500 домов.

При Синодальном отделе по благотворительности создана служба пастырской помощи вернувшимся с фронта и их семьям. С 2024 года в епархиях назначены координаторы, оказывающие таким семьям гуманитарную и духовную поддержку [5].

Но кто именно эти люди Церкви, которые трудятся на пользу ближних: это в первую очередь священники, которые совершают службу и окормляют наших бойцов на передовой, посещают раненных в госпиталях и иных медицинских учреждениях, это сообщества православных врачей, сестры милосердия и, конечно, наши добровольцы, сотрудники социальных церковных учреждений и обычные прихожане.

Так во многих православных храмах сегодня организованы активные приходские группы по социальному служению. Храмы, не побоюсь этого слова, становятся центрами любви и милосердия, добрых дел и помощи, центрами сбора гуманитарной помощи, медикаментов, средств первой необходимости.

Для наглядного примера рассмотрим одну из дальневосточных епархий Русской Православной Церкви – Амурскую и Чегдомынскую.

Так на многих приходах Амурской епархии, регулярно проходят сборы средств, которые направляются на помощь мирным жителям и пострадавшим в результате военных конфликтов. Прихожане городских храмов города Комсомольска-на-Амуре состоят в волонтерских добровольческих объединениях, в которых изготавливают сухой душ, суповые наборы, формируют посылки для участников СВО. Помимо этого, фондами на регулярной основе осуществляется сбор средств на медикаменты, средства выживания и первой необходимости. Добровольцы плетут маскировочные сети, индивидуальные перевязочные пакеты. Создан благотворительный Фонд силами добровольцев «СВО Помогаем».

Направлениями Фонда является разносторонняя обширная помощь:

Производство составляющих для бпла: сбросники, хвостовики, накольники, противоминных крюков (кошек), саперные щупы, эвакуационных тележек открыт швейный цех, отливаются окопные свечи, изготавливаются руками умельцев браслеты выживания, производятся сухие супы, борщи и каши.

У нас есть врачи и медицинские сестры, волонтеры, которые могут в любое время оказать помощь и поддержку.

В индивидуальном плане обрабатываются разноплановые заявки бойцов на тепловизоры, квадрокоптеры, рации, метеостанции, генераторы и т.п.

Приходами Верхнебуреинского благочиния – прихожанами и приходскими активами храмов в честь святой Троицы п. Новый Ургал, храма в честь святителя Стефана Пермского регулярно отправляется воск для изготовления блиндажных свечей. Прихожане активно участвуют в сборе постельного белья, вещей и предметов первой необходимости для госпиталей, в которых проходят лечения бойцы, и мирные жители, пострадавшие в зоне конфликта.

В поселке Новый Ургал создано **волонтерское движение «СВОих не бросаем»**.

Волонтеры плетут маскировочные сети, изготавливают сухой душ, шьют нижнее белье, собирают посылки с медикаментами. Организатор движения - железнодорожница Мурашова Галина, стала звездой добра и милосердия, как ее называют бойцы, которые получают помощь. Она объединила в своем движении неравнодушных жителей далекого таежного поселка [6].

Еще одним центром благих дел является **Фонд «Доброта в деле»**, организованный неравнодушными жителями поселка Чегдомын - Яной Антроповой и ее близкими. Фонд организовал плетение маскировочных сетей в нескольких локациях в поселке Чегдомын, в которые вошли ветеранские организации, школьные движения, приход храма [3] и просто неравнодушные жители поселка. Сотрудники фонда смогли наладить и организовать доставку вещей, медикаментов и предметов первой необходимости участником СВО напрямую на передовую. Постоянно идет адресный сбор по индивидуальным заявкам ребят.

Помимо организации гуманитарной помощи, фонд на постоянной основе сотрудничает со всеми школами п.Чегдомын, техникумом, «Движением Первых» в части военно-патриотического воспитания детей и подростков! Совместно с фондом, дети пишут письма бойцам, изготавливают различные подарки, организуют благотворительные ярмарки и акции в помощь СВО.

Организовано несколько «корзин доброты» в магазинах и супермаркетах поселка. В фонде трудятся волонтеры, жены участников СВО. Своим трудом, заботой и теплом поддерживая ребят. Фонд стал местом, где аккумулируется «тепло добрых дел и милосердия», объединив всех неравнодушных к судьбе ближнего своего.

Очень важно отметить, что в деятельности указанных центров активно принимают участие не только взрослые, но и дети!

С большой активностью подростки вовлекаются в плетение маскировочных сетей, изготовление браслетов, принимают участие в сборе и

формировании посылок, а также выполнении рисунков и писем солдату, что «бойцу на пограничье» греет сердце весточкой из дома.

Так, дела, основанные на заповедях христианской любви к ближнему, милосердии и состраданию являются объединяющей силой нашего общества.

Как замечает патриарх Кирилл, обращаясь к участникам Съезда по социальному служению и благотворительности: *«Это очень важно сейчас, когда так много боли и страданий в мире. Ко всем нам обращены слова Спасителя: «Алкая Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня» (Мф. 25:35). А это значит, что, утешая скорбящего, ухаживая за раненым и кормя голодного, мы служим Господу, ... когда мы несем служение для наших ближних, страдающих и нуждающихся в нашей помощи»* [4].

Благотворительность и милосердие – это лишь инструменты формирования личности. Однако, стоит заметить, что одними лозунгами делу не помочь. Милосердие учит только личный пример сострадания и заботы. Личный пример, на наш взгляд, является фундаментальной основой в данном процессе воспитания. Так, порой, совместное дело помощи с родителями, некий труд совместно с учителем или наставником, направленные на помощь и заботу о ближних, путем личного примера – пусть — это будет пятиминутка плетение сетей, или сбор рисунков, или формирование посылок солдату – могут стать главной движущей силой в возрастании подростка в духовно-нравственном плане. Неформальное общение за изготовлением браслетов выживания или же сборе теплых вещей, актуализация таких нравственных понятий как «милосердие», «забота», «любовь к ближнему» делают помощь не формальной, а представляющей большую ценность в глазах ребенка.

Также, на наш взгляд, наиболее продуктивным, является привлечение родителей совместно с детьми к данному процессу. Пусть будет малая часть, но не стоит забывать, что «малая закваска - все тесто квасит» (1 Кор. 5;6). Так благотворительность и милосердие будут являться еще более сильным инструментом, объединяющим общество, формирующие наши национальные ценности и понятия.

Таким образом социальное служение Церкви, благотворительность и милосердие сегодня имеет особую ценность для нашего общества, для государства, для **формирования личности каждого отдельного человека**. Так как направлены на улучшение социальных сфер жизни незащищенных слоев общества в плане духовно-нравственного изменения общества, в объединении людей для служения ближним, возрождении нравственности, духовных ценностей, возвращении к истокам, основанным на Евангельских заповедях.

Сегодня, как никогда, остаются актуальными слова великого святого XIX века – святителя Филарета Московского *«Дайте любви Христовой располагать делами вашего служения. Она сделает для вас чудо и ваше*

служение страждущим ближним превратит в служение Самому Иисусу Христу» [2].

Список литературы:

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические . М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2020. — 1376 с. — ISBN 978-5-88017-867-3.
2. Творения. Слова и речи : в 5 т. / свт. Филарет митр. Московский. - [Репр. изд.]. - Москва : Новоспасский монастырь, 2003-2007. / Т. 1: 1803-1821 гг. – 2003. – IV, 299, III с. Электронные ресурсы:
3. Встреча с руководителем фонда «Доброта в деле» [Электронный ресурс] / Сайт храма св. Новомучеников и исповедников Церкви Русской (п. Чегдомын). — URL: <https://chegdomyn.cerkov.ru/2024/09/26/vstrecha-s-rukovoditelem-fonda-dobrota-v-dele/?ysclid=ml50igz1jq355381751> (дата обращения: 02.02.2026).
4. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XII Общецерковного съезда по социальному служению [Электронный ресурс] / Официальный сайт Московского Патриархата. — URL <https://www.patriarchia.ru/article/118178> (дата обращения: 02.02.2026).
5. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XII Общецерковном съезде по социальному служению [Электронный ресурс] / Официальный сайт Московского Патриархата. — URL: <https://www.patriarchia.ru/article/118173> (дата обращения: 02.02.2026).
6. Развитие Дальневосточной магистрали: итоги и перспективы [Электронный ресурс] / Сайт «Гудок». — URL: <https://www.gudok.ru/z/dvm/main/1732176/?lang=ru> (дата обращения: 02.02.2026).

УДК 37(47+57)"197/198"

Пивненко В. Ю.

Ульяновский институт гражданской авиации имени Главного Маршала авиации Б. П. Бугаева, Ульяновск, Россия

РЕФОРМЫ СОВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1970–1980-Х ГОДАХ: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается комплексный анализ реформ советского образования, проведенных в 1970–1980-х годах. Исследуются цели, содержание и результаты преобразований, направленных на внедрение всеобщего среднего образования и усиление его политехнической направленности. Особое внимание уделяется влиянию этих реформ на экономическое развитие СССР, в частности на подготовку кадров для промышленности и рост производительности труда. Выявляются системные противоречия, обусловившие неудачи реформ: идеологизация, бюрократизация, разрыв между качеством образования и реальными потребностями народного хозяйства. В заключении рассматривается историческое наследие советской образовательной политики и его влияние на современную российскую систему образования, формулируются уроки для текущей образовательной и экономической стратегии России.

Ключевые слова: реформы советского образования, всеобщее среднее образование, ПТУ, политехническое обучение, экономика СССР, научно-технический прогресс, идеологизация, бюрократизация, производительность труда, историческое наследие, российское образование.

Эпоха 1970–1980-х годов в СССР стала периодом масштабных преобразований в системе образования, направленных на обеспечение всеобщего среднего образования и подготовку кадров для развивающейся экономики. Эти реформы происходили на фоне противоречивых процессов: с одной стороны, наблюдался количественный рост образованных специалистов, с другой — нарастали системные проблемы, ограничивавшие качество образования и его эффективность. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты реформ советского образования этого периода, их влияние на экономическое развитие страны, причины неудач и наследие, которое переняла современная Россия [1].

В 1970–1980-е годы советская система образования переживала период масштабных преобразований. Эти реформы были направлены на модернизацию школьного обучения, повышение его эффективности и соответствие потребностям развивающегося общества. Однако наряду с положительными изменениями реформы столкнулись с рядом проблем и противоречий, которые повлияли на их реализацию и итоговые результаты.

Установленные реформой 1966 г. 20 века требования к уровню и качеству подготовки, срокам обучения (десятилетка) привели к перегруженности учебных

планов и программ. Решающим условием выхода из этой ситуации могла стать перестройка методики обучения. В постановлении КЦ КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» (декабрь 1977 г.) было принято решение о разгрузке учебников и школьных программ от чрезмерно усложненного и второстепенного материала. Больше внимания стало уделяться воспитательной и трудовой подготовке [11].

Это было закреплено в постановлении правительства «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы». Основными целями реформ были:

- **Ликвидация остатков безграмотности** и обеспечение доступности образования для всех социальных групп и национальностей.
- **Подготовка квалифицированных кадров** для промышленности и сельского хозяйства в условиях научно-технического прогресса.
- **Идеологическое воспитание** в духе коммунистических ценностей, включая формирование «марксистско-ленинского мировоззрения».

Важным шагом стало принятие в 1973 году закона «Основные законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании», который узаконил эти цели [2].

Однако предпринятые в конце 1970-х–1980-х гг. меры оказались недостаточными. Формировалось убеждение, что без увеличения срока обучения невозможно решить проблемы школы. Именно по этому пути пошла реформа 1984 г., наметившая переход на 11-летнее обучение. Реформа предусматривала слияние общего и профессионального образования, профессионализацию средней школы, создание нового звена в системе образования – среднего профессионально-технического училища (СПТУ).

Для начальной школы был вновь установлен 4-летний срок обучения, начиная с 6 лет. Однако во второй половине 1980-х гг. большая часть детей стала поступать в школу с 7 лет, что облегчило для них усвоение школьной программы. В старших классах усилилась тенденция профилизации обучения. Появились различные типы учебных заведений (гимназии, лицеи и т.д.), но многообразие их форм, различие в подходах к пониманию содержания подготовки, ориентация на узкую специализацию вели к усилению противоречий, присущих общеобразовательной школе (элитарность образования и т.д.). Официальная учебная недельная нагрузка в старших классах увеличилась до 40 час при средней норме 30-32 час. в предыдущие годы. Такое резкое увеличение нагрузки обусловило принятие решения отказаться от всеобщего среднего образования и определения 9 классов образования как обязательного базового [11].

Научная новизна

Научная новизна данного исследования заключается в междисциплинарном подходе, связывающем историко-педагогический анализ с экономической историей. В отличие от многих работ, фокусирующихся

исключительно на институциональных изменениях в образовании, в данной статье:

Системно проанализирована причинно-следственная связь между образовательными реформами 1970–1980-х годов и ключевыми макроэкономическими показателями СССР (производительность труда, структура промышленности).

Выявлен и детализирован парадокс реформ: одновременное достижение количественных успехов (массовость) и нарастание качественных проблем (содержательное отставание, неэффективность), что ранее часто рассматривалось фрагментарно.

Проведена прямая связь между системными пороками советской образовательной модели (гипербюрократизация, формализм) и конкретными проблемами современной российской системы образования, что позволяет говорить о долгосрочном и структурном наследии, а не просто о историческом курьезе.

Практическая значимость

Результаты исследования имеют практическую значимость для современных политиков, управленцев в сфере образования и экономистов:

Выводы о причинах неудач советских реформ служат предостережением от повторения аналогичных ошибок: ориентации на формальные показатели в ущерб качеству, излишней унификации и игнорирования потребностей реального сектора экономики.

Анализ наследия помогает понять глубинные, системные причины современных проблем российского образования (бюрократическая нагрузка, разрыв между вузовской подготовкой и рынком труда) и бороться с их корнями, а не со следствиями.

Положительный опыт (фундаментальность естественно-научной подготовки, массовая доступность) идентифицируется как конкурентное преимущество, которое необходимо сохранять и развивать в рамках современной образовательной политики.

Актуальность

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами:

Современные реформы образования: В России и многих странах мира продолжаются дискуссии о путях развития национальных образовательных систем. Исторический анализ позволяет избежать повторения ошибок прошлого и извлечь ценные уроки.

Запрос на человеческий капитал: В условиях постиндустриальной экономики и Четвертой промышленной революции качество человеческого капитала становится ключевым фактором экономического роста. Опыт СССР — это уникальный пример масштабной, но во многом неудачной попытки управлять этим ресурсом в индустриальную эпоху.

Общественная дискуссия: В современном российском обществе сохраняется ностальгический миф о «самой лучшей советской школе». Научный, взвешенный анализ, признающий как достижения, так и фундаментальные недостатки системы, необходим для формирования адекватной и продуктивной общественной позиции по вопросам образования.

Демократизация общества в период «оттепели» привела к появлению «Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958), на основании которого была проведена одна из масштабных реформ образования [4]: для преодоления «отрыва обучения от жизни» были проведены структурные, количественные и качественные изменения всей системы образования в целях социализации молодежи через совершенствование ее профессиональной подготовки, учитывающей насущные потребности общества, повышение уровня подготовки специалистов в соответствии с техническим прогрессом. При этом был увеличен срок обучения в средней школе на 1 год для того, чтобы совместить общее образование в объеме средней школы с профессиональной подготовкой молодых рабочих массовых профессий [12].

Одна из самых масштабных реформ образования, объявленная в 1984 г. (в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы»), предполагала дополнить всеобщее среднее образование молодежи всеобщим профессиональным, нацелить молодежь на получение рабочих профессий, перераспределив материальные ресурсы в пользу системы профессионально-технического образования за счет высшей школы, т.е. в этой реформе указанное противоречие достигло своего пика.

Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» привела к появлению «Основных направлений перестройки высшего и среднего специального образования в стране», «Координационного плана НИР по комплексным проблемам высшего и среднего специального образования на 1987-1990 гг.» (1987), сопутствовавших им партийно-правительственных постановлений по высшей школе. Перестройка высшей школы понималась как ее децентрализация и демократизация. Эта линия должна была стать ведущей в «Государственной программе развития высшего образования», разработка и осуществление которой (с 1989 г.) были прерваны распадом СССР [12].

Основные направления реформ

1. Усиление трудового воспитания

Одной из ключевых задач реформы 1970-х стало укрепление связи школы с производством. В 1977 году была принята новая Конституция СССР, которая закрепила принцип «обучения в сочетании с производительным трудом». В школах вводились трудовые уроки, создавались учебно-производственные комбинаты (УПК), где старшеклассники осваивали рабочие профессии [6].

Проблемы:

- Нехватка оборудования и квалифицированных педагогов для трудового обучения.

- Формальный подход к профориентации, когда многие УПК не обеспечивали реальных навыков.

- Снижение интереса к академическим дисциплинам из-за перегрузки трудовой подготовкой.

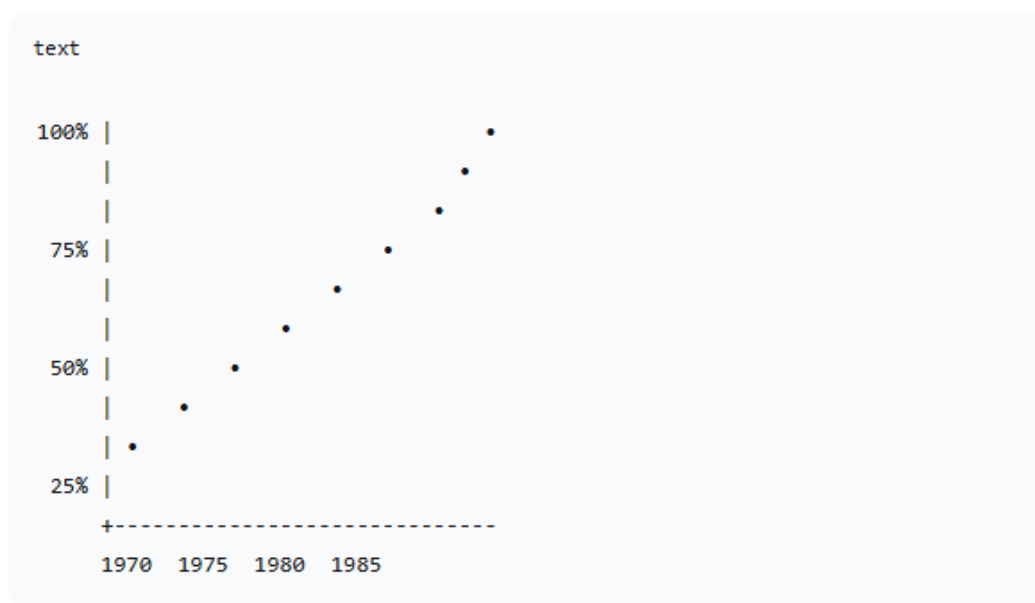
2. Введение всеобщего среднего образования

В 1970-е годы СССР перешёл к всеобщему обязательному среднему образованию (10-летка). Это должно было повысить уровень грамотности и подготовить молодёжь к требованиям научно-технического прогресса.

Таблица 1. Динамика охвата средним образованием

Показатель	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Доля выпускников 8-летней школы, продолжающих обучение (%)	75%	89%	98%	99%
Количество средних школ	38 500	52 000	59 800	64 200
Численность учащихся 9-10 классов (млн)	3,2	4,1	4,7	5,0

График 1. Рост охвата средним образованием (1970-1985 гг.)

Пояснение: График показывает стремительный рост доли выпускников 8-летки, продолжающих обучение в старших классах.

Проблемы:

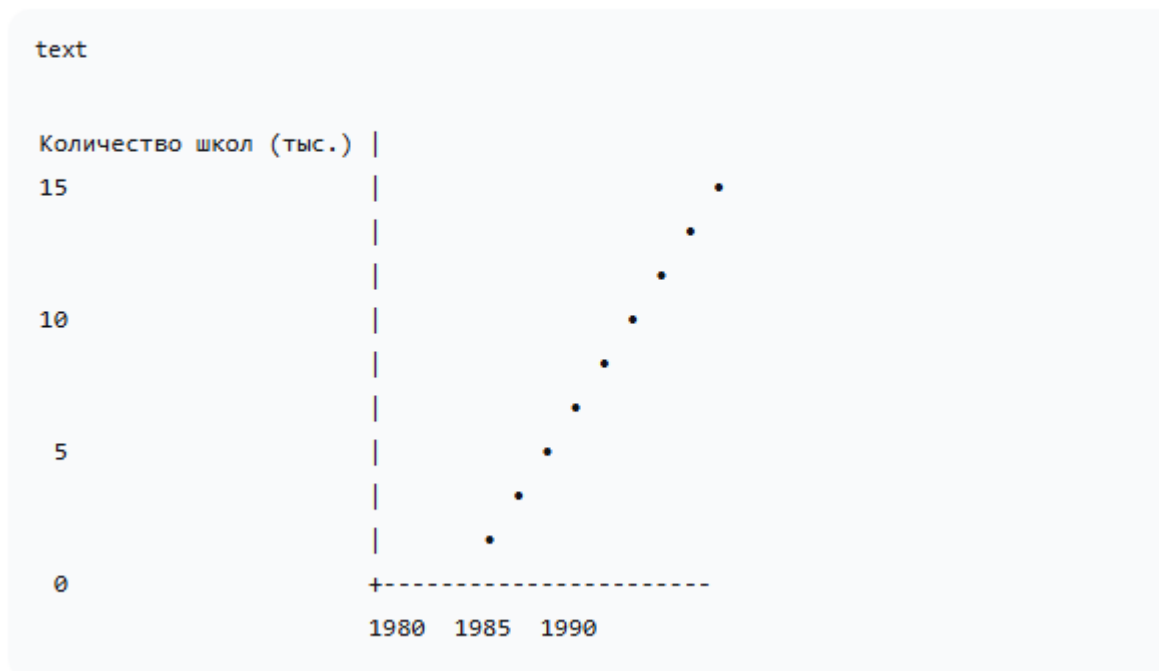
- Рост числа выпускников привёл к снижению качества образования из-за переполненности классов.
- Усиление уравнительного подхода: школы стремились «не оставлять детей на второй год», что снижало мотивацию к учёбе.
- Не все выпускники могли поступить в вузы, что создавало проблему «лишних» дипломов.

В 1980-е годы началось внедрение компьютерных технологий в школах. Появились первые классы информатики, а в 1985 году был введён обязательный курс «Основы информатики и вычислительной техники» [7].

Таблица 2. Компьютеризация школ

Показатель	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Школы с компьютерными классами	120	4 800	14 500
Количество школьных компьютеров (тыс.)	0,6	32	105
Учителя информатики (тыс.)	0,1	9,5	24

График 2. Динамика компьютеризации школ (1980-1990 гг.)

Пояснение: Экспоненциальный рост числа школ, оборудованных компьютерными классами после 1985 года.

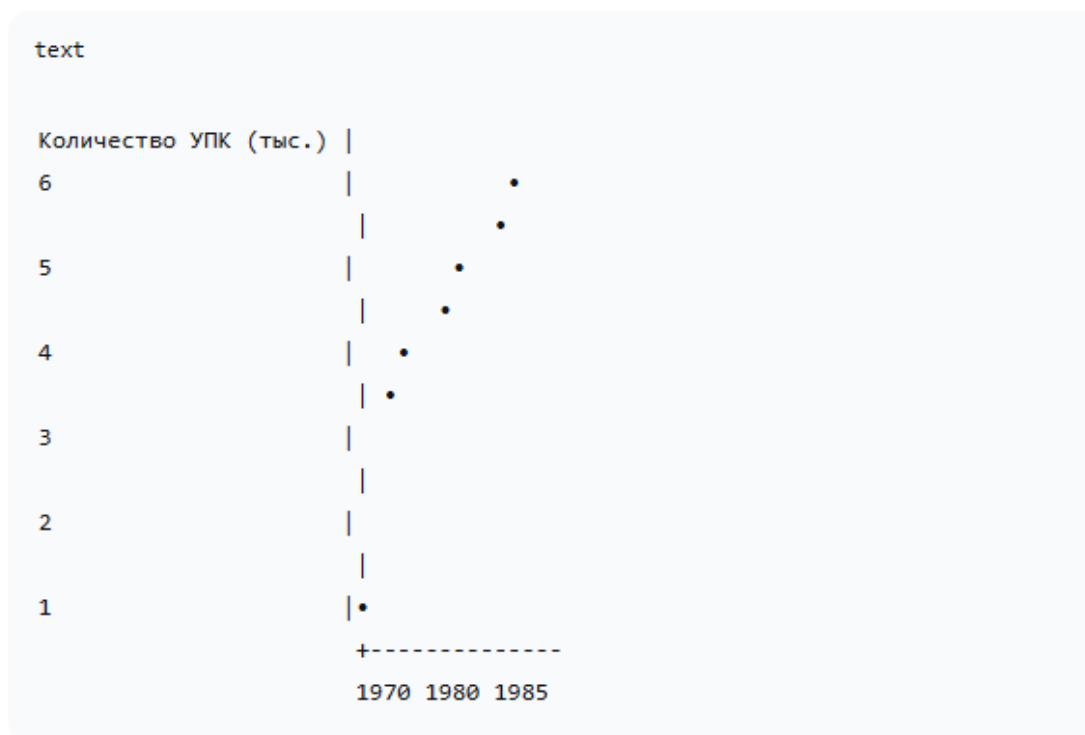
Проблемы:

- Острая нехватка компьютеров и подготовленных учителей.
- Отставание от западных стран в масштабах внедрения технологий.
- Техническая база быстро устаревала, а обновление шло медленно [9].

Таблица 3. Развитие трудового обучения

Показатель	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Количество УПК (учебно-производственных комбинатов)	1 200	3 800	5 500
Число школьников, охваченных трудовым обучением (млн)	2,1	6,8	8,2
Доля выпускников, получавших рабочую специальность (%)	15%	42%	55%

График 3. Развитие системы УПК (1970-1985 гг.)

Пояснение: Постепенное увеличение сети учебно-производственных комбинатов.

3. Содержательные изменения

3.1. Изменения в учебных программах

- **Обновление учебных программ:** Были пересмотрены программы по истории, математике и естественным наукам с акцентом на идеологическую составляющую и практическую направленность.

- **Стандартизация образования:** Несмотря на попытки унификации, сохранялся разрыв между городскими и сельскими школами, а также между обычными и специализированными (например, математическими) школами.

3.2. Инфраструктурные инвестиции

- **Строительство школ:** За 1971–1980 годы было построено около 30 тысяч новых школ, что позволило уменьшить количество учащихся, занимавшихся во вторую и третью смены.

- **Развитие внешкольного образования:** Действовали многочисленные кружки, дворцы пионеров и станции юных техников, что способствовало развитию творческих и технических навыков у детей [2].

Анализ статистики

1. К 1985 году практически все школьники (99%) получали полное среднее образование по сравнению с 75% в 1970 году.

2. Количество средних школ выросло на 67% за 15 лет.

3. Компьютеризация школ началась массово только после 1985 года.

4. Система трудового обучения охватила большинство старшеклассников к середине 1980-х.

Эти данные наглядно демонстрируют как достижения реформ (всеобщий охват средним образованием), так и их проблемы (запаздывающая компьютеризация, формализация трудового обучения) [3].

Ключевые проблемы реформ

1. **Проблема качества при тотальной массовости.** Курс на всеобщее среднее образование (де-факто обязательное к концу 1970-х) привел к фундаментальному противоречию. Школа была ориентирована на усредненный, гарантированный результат для всех, что неминуемо вело к снижению уровня подготовки талантливых учащихся и «процентомании» среди учителей. Педагоги были вынуждены «тянуть» слабых учеников, чтобы избежать второгодничества, что негативно сказывалось на академической («строгости») системы.

2. **Разрыв между теорией и практикой в трудовом воспитании.** Введение УПК (учебно-производственных комбинатов) и усиление трудового компонента носили зачастую декларативный характер. Школы были не готовы к материально-техническому обеспечению: не хватало современного оборудования, станков, а главное – квалифицированных мастеров, способных обучать детей реальным, а не устаревшим профессиям. Труд превращался в формальность, профанацию идеи политехнического образования.

3. **Идеологический диктат и академическая стагнация.** Учебные программы были перегружены идеологическими установками (курсы «Обществоведения», история КПСС), что сужало пространство для критического мышления и творческой дискуссии на уроках. Это противоречило заявленным целям подготовки «гармонично развитой личности» и сковывало инициативу педагогов-новаторов.

4. **Запаздывающая и неравномерная модернизация.** Ярчайший пример – компьютеризация. Постановления о внедрении ЭВТ (электронно-вычислительной техники) в учебный процесс появились лишь в середине 1980-х, когда мир уже вступал в эпоху персональных компьютеров. Реализация упиралась в тотальный дефицит: советская промышленность не выпускала достаточного количества доступной техники для школ, не было методической базы и подготовленных кадров. Это создало колоссальный технологический разрыв со странами Запада [8].

Основные тенденции:

- **Тенденция к унификации и централизации.** Управление образованием было жестко централизовано. Единые программы, единые учебники, единые требования нивелировали региональные особенности и возможности для эксперимента.

- **Тенденция к профессионализации школьного образования.** Несмотря на проблемы, идея связи школы с жизнью и будущей профессией учащегося была прогрессивной. Она предвосхитила современные тренды на раннюю профориентацию и формирование практических навыков.

- **Тенденция к формализации результатов.** В погоне за статистическими показателями (процент выпускников, процент поступивших в вузы) истинные знания учащихся часто уходили на второй план. Система научилась имитировать выполнение планов, скрывая системные кризисы.

Перспективы, заложенные реформами:

Парадоксально, но именно противоречия реформ 1970-1980-х заложили основу для трансформаций последующих десятилетий.

- Осознание тупика чрезмерной идеологизации стало предпосылкой для гуманизации образования в 1990-е годы.

- Опыт (пусть и неудачный) трудового обучения и создания УПК является ценным историческим уроком для современных проектов типа «Кванториумов» и «Точек роста», где акцент сделан на реальные технологии и оборудование.

- Проблема технологического отставания стала катализатором понимания того, что образование не может развиваться в отрыве от реального сектора экономики и мировых трендов.

4. Влияние реформ на экономику СССР

4.1. Положительные эффекты

- **Рост числа квалифицированных кадров:** К концу 1970-х годов СССР занимал одно из ведущих мест в мире по числу специалистов с высшим образованием, особенно в инженерных и технических областях. Это способствовало развитию таких отраслей, как космонавтика, ядерная энергетика и машиностроение.

- **Отсутствие безработицы:** Формально безработица в СССР отсутствовала, чему способствовала система гарантированного трудоустройства выпускников ПТУ и вузов.

- **Поддержка индустриализации:** Массовая подготовка рабочих и инженеров позволяла поддерживать высокие темпы роста промышленности, особенно в отраслях группы «А» (производство средств производства) [5].

3.2. Отрицательные эффекты и противоречия

- **Низкая эффективность трудового обучения:** Только 17% выпускников школ работали по профессиям, полученным в УПК. Это снижало отдачу от инвестиций в политехническое образование.

- **Разрыв между образованием и потребностями экономики:** Экономика СССР, особенно в сфере услуг и высоких технологий, отставала от западных стран. Образовательная система не успевала адаптироваться к потребностям времени, например, в области микроэлектроники или компьютерных технологий.

- **Перекоп в сторону формальных показателей:** Акцент на количественные показатели (например, процент выпускников) привел к снижению качества образования. Школы были вынуждены переводить даже неуспевающих учащихся, что девальвировало ценность аттестата [10].

Таблица 4: Сравнение показателей образования и экономики в СССР (1970–1980-е годы)

Показатель	1970 год	1980 год
Доля городского населения	56%	62%
Выпускники средних школ	70%	97%
Число студентов вузов	4,6 млн	5,2 млн
Соотношение групп «А» и «Б» в промышленности	73% : 27%	75% : 25%
Производительность труда (к США)	~40%	~50%

5. Наследие советских реформ в современном российском образовании

После распада СССР российское образование унаследовало как положительные, так и отрицательные черты советской системы.

5.1. Позитивные аспекты

Массовость и доступность: Россия сохранила высокий охват средним и высшим образованием, что является прямым наследием советской политики.

Сильные традиции в естественно-научном и техническом образовании: Фундаментальная подготовка в области математики, физики и инженерных дисциплин остается конкурентным преимуществом России.

5.2. Негативные аспекты и вызовы

Бюрократизация и авторитаризм: Сохранился административно-командный стиль управления, унаследованный от советской системы.

Содержательное отставание: Как отметил профессор Эдуард Днепров, содержание образования в советской школе отставало на «две цивилизационные эпохи», и эта проблема частично перенеслась в постсоветскую эпоху.

Коррупция и социальная несправедливость: В 1990-е годы возникли проблемы с коррупцией в образовании, что было следствием общего кризиса системы.

5.3. Попытки модернизации

Вариативность и индивидуализация: В 1990-е годы были заложены основы для разнообразия образовательных программ и учета индивидуальных потребностей учащихся.

Деидеологизация: Образование стало более открытым и свободным от политической пропаганды, хотя проблемы авторитаризма полностью не исчезли.

Выводы

Реформы советского образования в 1970–1980-х годах были направлены на создание массовой и доступной системы образования, способной обеспечить экономику квалифицированными кадрами. Несмотря на определенные успехи, такие как рост числа специалистов и ликвидация безграмотности, реформы столкнулись с системными проблемами: идеологизацией, бюрократизацией, недофинансированием и разрывом между образованием и потребностями экономики. Эти недостатки привели к тому, что СССР не смог полноценно адаптироваться к вызовам научно-технической революции.

Современное российское образование унаследовало многие из этих проблем, включая бюрократический произвол и содержательное отставание. Однако позитивные аспекты, такие как фундаментальность подготовки и доступность, остаются важным ресурсом для дальнейшего развития. Опыт советских реформ показывает, что успешная образовательная политика должна сочетать массовость с качеством, избегать идеологического диктата и быть тесно связанной с реальными потребностями экономики и общества.

Таким образом, российское образование не отказывается от своего советского фундамента, а творчески его перерабатывает, устраняя («унаследованные противоречия»). Оно соединяет традиционную академическую глубину с передовыми («цифровыми технологиями»), стремясь создать систему, которая готовит не просто исполнителя, а критически мыслящую, творческую и технологически грамотную личность, способную к самореализации в условиях быстро меняющегося мира. Этот синтез традиций и инноваций является ключевой особенностью и перспективой национальной образовательной модели [12].

Список литературы:

1. Народное образование в СССР: Статистический сборник. - М.: Статистика, 1989. - 256 с.
2. Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 апреля 1984 г. - М.: Политиздат, 1984. - 32 с.
3. СССР в цифрах в 1985 году: Краткий статистический сборник. - М.: Финансы и статистика, 1986. - 367 с.
4. Днепров Э.Д. Советская образовательная политика 1950-1980-х годов: противоречия и результаты. - М.: Наука, 2002. - 432 с.
5. Кумарин В.В. Школьная реформа 1984 года: замыслы и реалии. - М.: Педагогика, 1991. - 176 с.
6. Лысова Е.Б. Становление и развитие системы трудового обучения в советской школе (1960-1980-е гг.). - СПб.: РГПУ, 2009. - 214 с.
7. Григорьев, С. Г., Гриншкун В. В. Информатизация образования. Фундаментальные основы и практические приложения: Учебник для студентов педагогических вузов и слушателей системы повышения квалификации педагогов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2014. – 232 с.
8. Паначин Ф.Г. Противоречия школьной реформы 1984 года // Педагогика. - 1994. - № 5. - С. 23-30.
9. Молоков, Д. С. Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х -первой половины 80-х годов : Монография / Д. С. Молоков. – Ярославль : ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2004. – 148 с. – ISBN 5-87555-480-0. – EDN YOTRMD..
10. Салимова К., Додде Н. Педагогика народов мира: История и современность. - М.: Педагогическое общество России, 2001. - 576 с».
11. Реформа общеобразовательной и профессиональной школы (1984 г.) и ее результаты. Развитие советской школы в конце 1980-х гг. [Электронный ресурс] // Портал «StudFiles». URL: <https://studfile.net/preview/7800905/page:55/> (дата обращения: 15.09.2025)
12. Реформирование образования в советский период [Электронный ресурс] // Портал «Studbook.net». URL: https://studbooks.net/1907020/pedagogika/reformirovanie_obrazovaniya_sovetskiy_period (дата обращения: 15.09.2025)

ΠΕΔΑΓΟΓΙΚΑ ΚΑΙ ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ

УДК 378.1:796

Κοκοτοβα Β. Ρ.¹, Σολενοβα Ρ. Ι.²

¹Κυβανский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия

²Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Краснодар, Россия

УПРАВЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКИМ СПОРТОМ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация: В статье рассматриваются современные подходы к управлению студенческим спортом в российских университетах. Показано, что спортивная деятельность сегодня все меньше выступает как факультативная форма занятости студентов и все больше связывается с задачами воспитания, социализации и формирования личностного потенциала молодежи. Анализ нормативно-правовых основ показывает, что управление студенческим спортом формируется в рамках многоуровневой системы, включающей федеральные, региональные и вузовские механизмы регулирования. Особое внимание уделяется «Методическим рекомендациям по развитию студенческого спорта в Российской Федерации» 2023 г., которые закрепляют организационную модель студенческого спорта и определяют роль учебных подразделений, студенческих спортивных клубов, центров спортивной подготовки и администрации вуза. Отмечается усиление значимости показателей вовлеченности обучающихся в спортивную деятельность, а также расширение источников финансирования студенческого спорта и развитие цифровых инструментов учета и управления. Делается вывод о том, что эффективное управление студенческим спортом требует системного, стратегически ориентированного подхода, сочетающего образовательные, воспитательные, организационные и финансовые механизмы вуза.

Ключевые слова: студенческий спорт; университет; управление; цифровизация; студенческий спортивный клуб; физическая культура; нормативно-правовое регулирование; массовый спорт; спорт высших достижений; молодежная политика.

Управление студенческим спортом сегодня уже нельзя сводить только к решению отдельных организационных вопросов. Все больше оно приобретает характер долгосрочной и продуманной деятельности, в которой приходится совмещать образовательные, воспитательные и экономические задачи. В условиях реформ высшего образования спортивная деятельность в университетах постепенно перестает восприниматься как факультативная или второстепенная. Напротив, она становится важной частью воспитательной среды, влияет на социализацию студентов и формирование их личностного и профессионального потенциала. Поэтому возникает объективная необходимость пересмотра подходов к управлению студенческим спортом.

При этом многие современные исследования показывают, что прежние управленческие схемы, основанные главным образом на административно-распорядительных методах, уже не позволяют достигать желаемых результатов [1]. Это связано и с изменением образа жизни студенческой молодежи, и с распространением дистанционных форм взаимодействия [2]. В этих условиях университетский спорт требует гораздо более универсального и стратегически обоснованного подхода. Он выступает не только как часть учебного или внеучебного процесса, но и как важный инструмент реализации государственной молодежной и спортивной политики [3].

Нормативно-правовые и организационные основы управления студенческим спортом в российском университете сегодня формируются не только на уровне внутренней политики вуза. Они выстраиваются в рамках достаточно сложной системы государственных документов и межведомственного взаимодействия. Одним из ключевых ориентиров здесь выступают «Методические рекомендации по развитию студенческого спорта в Российской Федерации» [4], утвержденные Минобрнауки России, Минспортом России и Минпросвещения России в декабре 2023 г. Этот нормативно-правовой акт не просто сводит воедино уже действующие меры, но фактически описывает студенческий спорт как многоуровневую систему управления, где университет одновременно является и участником, и объектом управленческого воздействия государства.

В рекомендациях студенческий спорт напрямую связывается с целым рядом иных нормативно-правовых актов (Федеральным законом «О физической культуре и спорте», Федеральным законом «Об образовании», законом «О молодежной политике», государственными программами развития спорта и образования, Стратегией развития физической культуры и спорта до 2030 года, а также Концепцией развития студенческого спорта до 2025 года). Такая взаимосвязанная нормативная база показывает, что организация студенческого спорта в университете перестает быть внутренним делом конкретного вуза, так как она становится частью реализации национальных целей и, соответственно, подлежит внешней оценке по установленным показателям.

В самих рекомендациях система студенческого спорта рассматривается через два взаимосвязанных направления – массовый студенческий спорт и спорт высших достижений. Для управления университетом это означает необходимость решать разные задачи одновременно. С одной стороны, нужно вовлекать в занятия физической культурой как можно больше студентов, формируя устойчивую привычку к физической активности [5]. С другой стороны, необходимо создавать условия для тех, кто продолжает спортивную карьеру и входит в состав студенческих сборных команд [6]. Поэтому управленческие инструменты здесь тоже различаются и варьируются от

воспитательных и мотивационных практик до организации центров спортивной подготовки и взаимодействия с федерациями по видам спорта.

Отдельный акцент в рекомендациях сделан на многоуровневую структуру управления студенческим спортом: федеральный, региональный и вузовский уровни. На федеральном уровне формируются нормативная база, цели, показатели, программы и механизмы финансирования. Региональный уровень адаптирует эти задачи к условиям конкретного субъекта федерации. А университет является тем уровнем, когда все эти установки реализуются на практике через кафедры физического воспитания, студенческие спортивные клубы, центры спортивной подготовки и органы студенческого самоуправления [7].

Показательно, что важная роль отводится общественным организациям таким как Российский студенческий спортивный союз, Ассоциации студенческих спортивных клубов России, объединение «Юность России». Они выступают своего рода посредниками между государством и студенческой средой. В их функции входит формирование реестров спортивных клубов и лиг, проведение масштабных мероприятий, развитие волонтерства и определение общей повестки студенческого спорта. Для университета это означает, что эффективно развивать студенческий спорт без участия в этих сетевых структурах практически невозможно.

В самих методических рекомендациях достаточно подробно описывается, как именно должна быть выстроена система управления студенческим спортом внутри университета. Предлагается своего рода «типовая» организационная модель, которая, конечно, может корректироваться с учетом особенностей конкретного вуза, но все-таки задает общие ориентиры. В эту модель входят несколько ключевых элементов: учебное подразделение по физическому воспитанию (как правило, кафедра или центр), студенческий спортивный клуб, центры спортивной подготовки студенческих сборных команд, подразделения, отвечающие за воспитательную и внеучебную работу, а также администрация университета в лице ректора и его заместителей.

Важно подчеркнуть, что каждая из этих структур выполняет не формальную, а вполне конкретную функцию. Учебное подразделение отвечает прежде всего за учебные дисциплины по физической культуре и спорту, за проведение занятий, организацию контрольных нормативов, методическую работу и соблюдение государственных образовательных стандартов [8]. Студенческий спортивный клуб, напротив, ориентирован на внеучебную сферу, вследствие чего именно он становится центром притяжения студентов, организует соревнования, секции, любительские лиги, развивает волонтерство и студенческие инициативы в сфере спорта. Центры спортивной подготовки, как правило, работают с командой более высокого

уровня: со сборными вузов, обеспечивая тренировочный процесс, участие в межвузовских соревнованиях и подготовку спортивного резерва [9].

Значимую роль играют и те университетские структуры, которые традиционно отвечают за воспитательную и внеучебную работу. Они обеспечивают организационную поддержку мероприятий, координируют деятельность с органами студенческого самоуправления, помогают в привлечении обучающихся к спортивным и оздоровительным программам [10]. Над всей этой системой стоит руководство университета, которое определяет стратегические приоритеты, утверждает программы развития студенческого спорта, распределяет ресурсы и, по сути, задает тон всей работе [11].

Благодаря такой конфигурации студенческий спорт уже нельзя рассматривать как нечто факультативное или второстепенное. Он получает свое место в структуре университета. По сути, речь идет о признании студенческого спорта самостоятельным направлением деятельности вуза, которое тесно связано как с учебным процессом, так и с воспитательной и социальной функциями университета. Именно это отличает современный подход от прежней практики, когда спортивная работа зачастую воспринималась лишь как приложение к занятиям по физкультуре.

Учебное подразделение университета по физической культуре и спорту выполняет базовую, но очень важную функцию [12]. Именно оно отвечает за то, чтобы студенты осваивали дисциплины по физической культуре в соответствии с требованиями ФГОС, выполняли установленные нормативы и формировали универсальную компетенцию, связанную с поддержанием физической формы и здорового образа жизни. По сути, это та часть системы, которая напрямую связана с учебным процессом и включена в образовательные программы.

Студенческий спортивный клуб, напротив, ориентирован, прежде всего, на внеучебную сферу. Он организует спортивные секции и соревнования, развивает массовый студенческий спорт, поддерживает инициативы обучающихся, в том числе волонтерские проекты, и способствует развитию студенческого самоуправления в сфере спорта. Таким образом, можно говорить о своеобразном «разделении труда»: учебное подразделение работает в рамках образовательного процесса, а спортивный клуб в пространстве внеучебной активности. При этом обе структуры неизбежно взаимосвязаны, поскольку эффективное развитие студенческого спорта возможно только при их постоянном взаимодействии и координации.

Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что развитие студенческого спорта прямо включено в систему оценки эффективности руководителя вуза. В качестве одного из показателей используется доля обучающихся, которые систематически занимаются физической культурой и спортом. Это означает, что спортивная активность студентов перестает

восприниматься как факультативная или второстепенная сфера, так как она влияет на управленческие решения и связана с системой стимулирования администрации университета.

Существенное место в рекомендациях занимает финансовый аспект. Подчеркивается, что финансирование студенческого спорта должно складываться из нескольких источников, в частности, бюджетных средств, средств, выделяемых на культурно-массовую и спортивную работу, грантовой поддержки, пожертвований, эндаумент-фондов и других внебюджетных поступлений. При этом обращается внимание на необходимость правовой прозрачности и целевого характера расходования средств. С одной стороны, это расширяет возможности университета, с другой стороны это является усилением требований к финансовой дисциплине.

Еще один важный элемент системы является учет и оценка спортивной активности студентов. Для этого используются такие инструменты, как выполнение нормативов Всероссийского комплекса ГТО, участие в официальных соревнованиях, а также различные формы поощрения, включая повышенные академические стипендии [13]. На наш взгляд, данные меры во многом определяют уровень мотивации студентов на занятие спортивной деятельностью, а также позволяют университету оценить результаты своей работы в данной сфере.

Хотя цифровизация не выделена в рекомендациях как самостоятельное направление, на практике она становится важной частью управления студенческим спортом. Использование автоматизированной системы ВФСК ГТО, Национального портала студенческого спорта, а также единых реестров студенческих клубов, лиг и объектов спортивной инфраструктуры переводит значительную часть управленческих процессов в цифровой формат [14]. Это, в свою очередь, открывает новые возможности для анализа данных, планирования работы и повышения эффективности управленческих решений.

В заключение можно отметить, что студенческий спорт в университете уже давно перестал быть чем-то второстепенным или чисто формальным. Постепенно он становится частью общей политики вуза и все теснее связывается с образовательными и воспитательными задачами. По сути, речь идет о том, что управление студенческим спортом требует не разовых мер, а продуманной, системной работы, опирающейся на понятные правила и организационные механизмы. Методические рекомендации, принятые на федеральном уровне, во многом задают общий ориентир для вузов. Они помогают определить, кто и за что отвечает, как распределяются функции между учебными подразделениями, спортивными клубами и администрацией, какие источники финансирования могут использоваться. Важно и то, что показатели развития студенческого спорта теперь учитываются при оценке эффективности руководства вуза. Это означает, что участие студентов в спортивной жизни рассматривается как значимый результат работы

образовательной организации, а не просто как дополнительная активность. Вместе с тем очевидно, что одной только формальной структуры недостаточно. Многое зависит от того, насколько реально взаимодействуют между собой различные подразделения, поддерживаются ли инициативы самих студентов, и как активно используются современные цифровые инструменты. На практике именно это во многом определяет, станет ли студенческий спорт живой частью университетской среды или так и останется набором мероприятий «для отчета».

В целом можно сказать, что студенческий спорт сегодня влияет и на мотивацию студентов, и на их социализацию, и на развитие важных личностных качеств. Поэтому дальнейшее развитие системы управления в этой сфере представляется не просто желательным, а необходимым шагом для современных университетов.

Список литературы:

1. Штрайх Л.А. Управление студенческим спортом в вузах: структура, вызовы и перспективы развития // Теория и практика общественного развития. 2025. №6. С. 197-203.
2. Струганов, С. М. Факторы повышения мотивационноценностного отношения населения к регулярным занятиям физической культурой и спортом / С. М. Струганов, М. И. Катрина, А. А. Ахматгатин // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 7(185). – С. 368-372.
3. Калашник, Е. А. Антидопинговая культура в Кубанском ГАУ / Е. А. Калашник, А. А. Русанов, М. В. Быков // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей по материалам национальной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования кафедры физического воспитания Кубанского ГАУ, Краснодар, 28–29 октября 2020 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. – С. 512-518.
4. Методические рекомендации по развитию студенческого спорта в Российской Федерации" (утв. Минобрнауки России 01.12.2023, Минспортом России 05.12.2023, Минпросвещением России 04.12.2023) // Режим доступа – URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-razvitiuu-studencheskogo-sporta-v-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 05.01.2026)
5. Ахматгатин, А. А. Динамика значений показателей функционального состояния и физической подготовленности курсантов (слушателей) образовательного учреждения МВД России / А.А. Ахматгатин // Совершенствование боевой и физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений силовых ведомств: Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 06–07 июня 2013 года / Восточно-Сибирский институт МВД РФ. Том 1. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – С. 25-34.
6. Динамика физической подготовленности студентов первого курса технического вуза / А. А. Ахматгатин, А. В. Вайнер-Кротов, О. В. Яловенко, Г. В. Вишнякова // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 4. – С. 28.
7. Каткова А.М., Быстрицкая Е.В., Пустошило П.В. К проблеме реновации отечественной системы спортивного образования // Теория и практика физической культуры. 2024. № 8. С. 33-36.

8. Рациональное планирование учебно-тренировочного процесса на основе параметров функциональной диагностики спортсменов в циклических видах спорта / С. М. Струганов, А. А. Ахматгатин, М. П. Агафонов, А. В. Балашов // Педагогика и просвещение. – 2018. – № 4. – С. 85-94.
9. Зуев В.М., Гайдук Д.В., Клейменова М.Н. Координация научной и научно-методической работы по физическому воспитанию студентов в высшем учебном заведении // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2020. № 5. С. 38-43.
10. Душевина, Я. А. Особенности организации физической рекреации студентов / Я. А. Душевина, З. В. Кузнецова, Л. П. Федосова // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития: Материалы XIV Международной научно-практической конференции, Красноярск, 14 июня 2024 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2024. – С. 324-328.
11. Асташова Е.Н., Лимонченко А.С. Физическая культура в жизни студентов // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 2. Физическое воспитание и спорт. 2021. Т. 61, № 2. С. 21 -25.
12. Побегайло, Е. П. Физическая культура и спорт в современных условиях / Е. П. Побегайло, З. В. Кузнецова // Туризм в современном мире: проблемы и перспективы: Сборник статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тула, 14 декабря 2023 года. – Тула: Тульский государственный университет, 2024. – С. 143-145.
13. Ковалева, Т. В. Проблемы адаптивного плавания в высших учебных заведениях / Т. В. Ковалева, Т. А. Ильницкая // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей по материалам национальной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования кафедры физического воспитания Кубанского ГАУ, Краснодар, 28–29 октября 2020 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. – С. 751-758.
14. Ильницкая, Т. А. Влияние дистанционного обучения на состояние здоровья студенческой молодежи / Т. А. Ильницкая, Т. В. Ковалева // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год: Материалы Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского ГАУ, Краснодар, 06 апреля 2022 года / Отв. за выпуск А.Г. Кощаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. – С. 476-478.
15. Быков, М.В. Положительное влияние детского плавания на организм ребенка / М.В. Быков // НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ и РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 августа 2023 года / Автономная некоммерческая организация «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (АНО «НИИ ДПО»). – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. – С. 60-61

УДК 159.9:613.8

Киселёва Е. О.

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРЕНИНГА САМОРЕГУЛЯЦИИ В СНИЖЕНИИ СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНЫМ ФОРМАМ ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ АВТОЗАПРАВОЧНОЙ СТАНЦИИ

Аннотация. Статья отражает результаты научного исследования эффективности тренинга саморегуляции в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции. Раскрывается понимание склонности к аддиктивным формам поведения и проблема саморегуляции поведения. Описаны используемые методы исследования, охарактеризована выборка. Представлены результаты эмпирического исследования, в которых отражается эффективность тренинга саморегуляции в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, психологический тренинг, саморегуляция поведения, сотрудники.

В настоящее время для крупных компаний сохраняют высокую актуальность вопросы, связанные с эффективным обслуживанием клиентов и обеспечения безопасности во время выполнения трудовых процессов. Примером деятельности таких компаний с наличием особых требований к персоналу являются автозаправочные станции.

Работа на заправочных станциях может быть связана с высоким уровнем стресса из-за различных факторов. В связи с работой со взрывоопасными веществами сохраняется высокий риск возникновения аварийных ситуаций в пожароопасной зоне, причиной которых может являться человеческий фактор, что в совокупности приводит к возникновению психического напряжения. Для снижения степени переживания, сотрудники обслуживающего персонала автозаправочных станций могут использовать аддиктивные формы поведения. Можно отметить противоречие: с одной стороны, существует необходимость обеспечения высокого уровня качества работы и безопасности на автозаправочных станциях, подразумевающих развитую саморегуляцию и отсутствие склонностей к аддиктивным формам поведения. С другой, имеется наличие аддиктивных форм поведения среди сотрудников, затрудняющих достижение эффективности трудовых процессов и нарушающих безопасность труда.

Одними из первых, кто обратил внимание на проблему аддиктивного поведения, был З. Фрейд. В своих трудах он описывал процесс фиксации личности на определённой стадии развития, что впоследствии проявляется в

виде специфических зависимых моделей поведения, направленных на снятие напряжения, вызванного внутренними конфликтами [1].

Советский психолог В. Д. Менделевич активно исследовал склонность к аддиктивному поведению, рассматривая её как стремление к одной из форм девиантного поведения. По его мнению, это уход от реальности через искусственное изменение состояния при помощи употребления химических веществ либо устойчивое сосредоточение внимания на них для закрепления положительных эмоций [3].

В дальнейшем, с углублением научного понимания, выделялись различные виды аддиктивного поведения в зависимости от его объекта. Так, учёные К. Н. Карпан и А. А. Рудийко определяют склонность к аддиктивным формам как патологически навязчивое стремление изменить собственное сознание и повысить настроение. Они подчеркивают, что это стремление может проявляться либо через употребление химических веществ (химические зависимости), либо через определённую поведенческую активность без вовлечения химии (нехимические, поведенческие зависимости) [5].

Согласно Т. А. Донских, Ц. П. Короленко и Е. Г. Шубникова, склонность к аддиктивному поведению понимается как стремление человека искусственно изменить своё состояние с целью ухода от реальности и искажения её восприятия. Авторы отмечают, что для достижения этой цели используются различные химические вещества и виды деятельности, а конечным результатом становится получение ярких эмоциональных переживаний и ощущения удовлетворения [8].

Проблема изучения аддиктивного поведения в научной среде привлекает значительное внимание вследствие её связи с предрасположенностью личности к деструктивным и девиантным формам. В рамках нашей работы, опираясь на взгляды В. А. Корзунина и В. В. Юсупова, склонность к аддиктивному поведению рассматривается как предрасположенность индивида к уходу от реальности через изменение психического состояния. Это достигается путём реализации поведения, которое включает злоупотребление психоактивными веществами или повторяющееся выполнение определённых действий [9].

Что касается саморегуляции как объекта научных исследований, термин впервые введён Н. Винером. Он трактовал её как рефлекторную систему организма, включающую цель или заданный результат, информацию о текущем состоянии, процесс отслеживания разрыва между целью и текущим состоянием, а также механизм внесения изменений с целью устранения этих противоречий [11].

Зарубежные исследователи М. Казен и Дж. Кул определяли саморегуляцию в виде психологического процесса контроля за действиями. Важную роль в реализации саморегуляции выполняют когнитивные

компоненты и намерения, представленные репрезентацией настоящей реальности (актуальные потребности), будущего (целей и способов их достижения), и степень контроля за событиями [4].

В советской психологической науке становление явления саморегуляции обнаруживает себя в трудах И. М. Сеченова, который описывал психофизиологические механизмы нервной деятельности и психических процессов, обеспечивающих регуляцию поведения как у животных, так и у человека.

С позиции В. Д. Шадрикова саморегуляция понимается как процесс организации личностью собственной активности, мобилизации ресурсов в соответствии с мотивационно-потребностной сферой и установленными целями деятельности [7].

В трудах Г. А. Виленской, Ю. В. Ковалевой и Е. А. Сергиенко саморегуляция рассматривается в контексте конструкта контроля поведения, который авторы используют как синоним саморегуляции. Они определяют контроль поведения как системное явление, включающее когнитивные, эмоциональные и волевые компоненты психики, задействующие личностные ресурсы, формирующие определённый паттерн управления поведением. Саморегуляция, по их мнению, обеспечивает гармоничное соотношение между внутренними возможностями индивида и внешними условиями для успешного осуществления жизнедеятельности [4].

Ю. М. Пиканин рассматривает психологические тренинги в качестве ключевых методов развития саморегуляции. В процессе таких тренировок, направленных на овладение технологиями и инструментами самоконтроля в психолого-педагогической среде, происходит формирование рефлексии, осознание собственных особенностей, знакомство с новыми видами деятельности и развитие необходимых качеств для эффективной трудовой реализации [6].

В нашей работе вслед за В. И. Моросановой, саморегуляцию будем понимать как динамическую систему психологических процессов и свойств, которые выступают инструментами инициирования и поддержания активности деятельности, предполагающей осознанное формирование и достижение целей. Наиболее эффективным методом формирования саморегуляции является психологический тренинг, представляющий собою комплекс занятий, в содержание которых включены технологии (вербальные, невербальные), осуществляемые по определенным правилам для оптимизации состояния психической деятельности и поведения.

Для достижения цели нашего исследования мы проанализировали ряд научных трудов для исследования степени разработанности рассматриваемой проблематики. В ходе изучения степени изученности в научной литературе проблематики эффективности тренинга саморегуляции в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной

станции мы не обнаружили трудов, посвященных рассматриваемой теме. Однако имеются источники, косвенно затрагивающие изучаемую проблему эффективности тренинга в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у разных людей.

Американские психологи Р. Ф. Баумайстер и А. Дж. Войнаш исследуют влияние саморегуляции на контроль поведения у людей с различными формами зависимостей. Они указывают, что саморегуляция осуществляется через волевые усилия, которые требуют значительных энергетических затрат. При недостатке внутренней энергии способность к самоконтролю ослабевает, что в конечном итоге способствует повторному употреблению психоактивных веществ и совершению деструктивных действий, негативно влияющих на качество жизни индивида [10].

С. Р. Рус подчёркивает, что саморегуляция является важным механизмом изменения поведения и ресурсом для преодоления трудностей, что особенно актуально в клинической практике лечения зависимых пациентов. В частности, внимание акцентируется на таких компонентах саморегуляции, как копинг-стратегии, эмоциональная регуляция, поведенческая гибкость, стрессоустойчивость и уровень осознанности — все они играют ключевую роль в процессе коррекции и профилактики зависимого поведения [12].

Исследователями Н.В. Быстровой и О.В. Дубровиной отмечается проблема недостаточной сформированности механизмов и специфики саморегуляции в снижении зависимого поведения у молодых людей. Авторами описываются результаты, свидетельствующие, во-первых, о значимой взаимосвязи между рассматриваемыми явлениями. Во-вторых, о наличии значимых отличий в проявлениях саморегуляции у группы студентов, склонных к аддикциям, и группы студентов с низкой выраженностью склонности к зависимым формам поведения [2].

Мы также произвели психологический анализ профессиональной деятельности сотрудников автозаправочной станции определено, что их деятельность характеризуется необходимостью соблюдения строгих правил техники безопасности, что определяет повышенную психическую напряженность. В связи с этим, к сотрудникам автозаправочных станций предъявляются особые требования к профессионально важным качествам их личности, подразумевающие развитую саморегуляцию и отсутствие склонности к аддиктивным формам поведения вежливого взаимодействия с клиентами, необходимых для сохранения правил техники безопасности во время работы на автозаправочных станциях, сохранения эффективности трудового процесса и высокого качества обслуживания.

Объектом нашего научного исследования стала профессиональная деятельность сотрудников автозаправочной станции. Предметом выступила эффективность тренинга саморегуляции в снижении склонности к

аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции. Мы выдвинули гипотезу о том, что тренинг саморегуляции эффективен в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции, а именно: после тренинга у них снизятся никотиновая, алкогольная, игровая зависимость и аддиктивная склонность, а также повысится саморегуляция. Целью нашего исследования является исследование эффективности тренинга саморегуляции в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции.

Для проверки выдвинутой гипотезы была составлена выборка исследования 38 сотрудников автозаправочной станции «Янтарь», г. Новосибирска. Для реализации поставленных задач мы использовали такие методы, как теоретический анализ научных источников, профессиографический анализ, психодиагностическое тестирование, формирующий эксперимент, математико-статистическая обработка данных (t-критерий Стьюдента).

С целью получения эмпирического материала для его последующей математической обработки мы применяли такие психодиагностические инструменты, как: Методика «Аддиктивная склонность», В. В. Юсупов, В. А. Корзунин, Методика «Тест на алкоголизм Мичиганского университета», М. Селзер, Методика «Викторианский опросник гемблинга», Д. Бен-Товим, адаптация А.А. Карпов, В. В. Козлов, Методика «Тест Фагерстрема на никотиновую зависимость», К. Фагерстрем, Методика «Стиль саморегуляции поведения ССПМ-2011», В. И. Моросанова.

До апробации программы тренинга сотрудники автозаправочной станции характеризуются средней саморегуляцией (52%) по методике В.И. Моросановой. Большинство исследуемых характеризуются затруднениями в управлении своим поведением, испытывают напряжение, демонстрировать трудности оценки результатов своих действий. При выполнении работы они могут отвлекаться на второстепенные задачи, а с повышением напряженности во взаимодействиях с клиентами автозаправочных станций они могут выражать раздражительность, грубость.

Также большинство исследуемых сотрудников обладают средней аддиктивной склонностью (50 %) по методике В. В. Юсупова, В. А. Корзунина; выраженной склонностью к алкогольной аддикции (84 %) по методике М. Селзера; низкой склонностью к игровой аддикции (97 %) по методике Д. Бен-Товима; средней склонностью к никотиновой аддикции (74 %) по методике К. Фагерстрема. Определенная степень выраженности рассматриваемых явлений в результате диагностики на констатирующем этапе исследования отражает необходимость внедрения программы психологического тренинга для развития саморегуляции и снижения склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции.

Ποсле апробации тренинга мы проанализировали динамику показателей саморегуляции и склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции в экспериментальной группе.

У респондентов в экспериментальной группе не произошло статистически-значимых изменений. Однако отмечается тенденция к повышению саморегуляции и снижению склонности к аддиктивным формам поведения.

Πο результатам математической обработки данных, было определено, что значение t-критерия Стьюдента для показателя аддиктивной склонности по методике В. В. Юсупова и В. А. Корзунина, является не значимым ($t_{эмп} = 1,89$, что меньше критического значения: $t_{кр} = 2,03$ при $p \leq 0,05$). На основе проведенного сравнительного анализа, можно заключить об отсутствии эффективности программы тренинга саморегуляции в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции.

Πο результатам математической обработки данных, было определено, что значение t-критерия Стьюдента для показателя склонности к алкогольной аддикции по методике М. Селзера, является значимым ($t_{эмп} = 2,12$, что превышает критическое значение: $t_{кр} = 2,03$ при $p \leq 0,05$). На основе проведенного сравнительного анализа, можно заключить об эффективности программы тренинга саморегуляции в снижении склонности к алкогольной аддикции у сотрудников автозаправочной станции.

Πο результатам математической обработки данных, было определено, что значение t-критерия Стьюдента для показателя склонности к игровой аддикции по методике Д. Бен-Товима, является не значимым ($t_{эмп} = 1,04$, что меньше критического значения: $t_{кр} = 2,03$ при $p \leq 0,05$). На основе проведенного сравнительного анализа, можно заключить об отсутствии эффективности программы тренинга саморегуляции в склонности к игровой аддикции у сотрудников автозаправочной станции.

Πο результатам математической обработки данных, было определено, что значение t-критерия Стьюдента для показателя склонности к никотиновой аддикции по методике К. Фагерстрема, является не значимым ($t_{эмп} = 1,04$, что меньше критического значения: $t_{кр} = 2,03$ при $p \leq 0,05$). На основе проведенного сравнительного анализа, можно заключить об отсутствии эффективности программы тренинга саморегуляции в склонности к никотиновой аддикции у сотрудников автозаправочной станции.

Ποсле прохождения тренинга по развитию саморегуляции сотрудники автозаправочной станции научились более точно распознавать собственное состояние, оценивать уровень испытываемого напряжения и применять эффективные стратегии для его снижения. Они также научились контролировать свои реакции, четко ставить и удерживать цели, а также разрабатывать планы действий для их достижения. Такой навык саморегуляции способствует более ответственному соблюдению норм и

правил обслуживания клиентов, выполнению техники безопасности, а также является важным фактором создания благоприятных условий труда, которые снижают уровень психического напряжения и, как следствие, уменьшают склонность к аддиктивным формам поведения.

В контрольной группе наблюдалась тенденция к снижению аддиктивных проявлений, таких как алкогольная и никотиновая зависимости, при одновременном возрастании игровой зависимости и уровня саморегуляции. Эти изменения могут быть обусловлены общением сотрудников друг с другом в свободное от тренинга время, что дополняет и поддерживает процесс развития саморегуляции.

При сравнении разницы средних значений саморегуляции и склонности к аддиктивным формам поведения до и после тренинга, были обнаружены значимые различия между экспериментальной и контрольной группами. Тренинг саморегуляции снижает склонность к алкогольной аддикции ($p \leq 0,05$) и повышает саморегуляцию ($p \leq 0,05$) у сотрудников автозаправочной станции, что отражает его эффективность.

Выводы. Гипотеза о том, что тренинг саморегуляции будет эффективен в снижении склонности к аддиктивным формам поведения у сотрудников автозаправочной станции, а именно после тренинга у них снизятся никотиновая, алкогольная, игровая зависимость и аддиктивная склонность, а также повысится саморегуляция, подтвердилась частично. Тренинг саморегуляции эффективен в снижении алкогольной зависимости и повышении саморегуляции. Гипотеза не подтвердилась в части о том, что после тренинга у сотрудников автозаправочной станции снизятся игровая, никотиновая зависимость и аддиктивная склонность.

Список литературы:

1. Андреева, А.Р. Особенности проявления неосознаваемых и осознаваемых механизмов поведения лиц, склонных к аддикции / А. Р. Андреева. – Текст: электронный // Проблема личности в общей, социальной и клинической психологии. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Белгород. – 2017. – С. 318-326. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32483216>.
2. Дубровина, О. В. Особенности стиля саморегуляции поведения студентов, склонных к зависимому поведению / О. В. Дубровина, Н. В. Быстрова. – Текст: непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2018. – Т. 6. – № 2. – С. 72.
3. Иванов, Д. В. Психологические особенности личности студентов, склонных к употреблению алкоголя / Д. В. Иванов, Д. Ю. Хачунц. – Текст: непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 9. – С. 25-29.
4. Игнатъев, П.Д. Саморегуляция: обзор современных представлений / П.Д. Игнатъев, А.В. Трусова. – Текст: электронный // Петербургский психологический журнал. – 2016. – № 15. – С. 55-69. – URL: <https://ppj.spbpo.ru/index.php/psy/article/view/114>.
5. Карпан, К. Н. Аддикция и особенности зависимой личности / К. Н. Карпан, А. А. Рудийко. – Самара: Два Медиа Групп, 2015. – 48 с. – ISBN 978-5-534-16762-7. – Текст: непосредственный.

6. Пиканина, Ю.М. Формы и методы психологического сопровождения профессиональной подготовки психологов образования в вузе / Ю. М. Пиканина. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы психологии образования. – 2013. – С. 86-89.
7. Поваренков, Ю.П. Оперативность развития системы саморегуляции профессиональной деятельности / Ю.П. Поваренков, А.Э. Цымбалюк. – Текст: непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 608-625.
8. Шубникова, Е.Г. Непродуктивные стратегии совладающего поведения как маркеры склонности подростков к зависимому поведению / Е. Г. Шубникова. – Текст: непосредственный // Социальная педагогика. – 2019. – № 3. – С. 73-78.
9. Юсупов, В.В. Психологическая диагностика зависимого поведения: риск развития, методы раннего выявления / В. В. Юсупов, В. А. Корзунин. – Санкт-Петербург: Речь, 2007. – 123 с. – ISBN 5-9268-0576-7. – Текст: непосредственный.
10. Baumeister, R. F. Uses of self-regulation to facilitate and restrain addictive behavior / R. F. Baumeister, A. J. Vonasch. – Text: direct // Addictive behaviors. – 2015. – № 44. – Pp. 3-8.
11. Inzlicht, M. Integrating models of self-regulation / M. Inzlicht, K. M. Werner, J. L. Briskin [et al.]. – Text: electronic // Annual review of psychology. – 2021. – Т. 72. – № 1. – Pp. 319-345. – URL: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-psych-061020-105721#right-ref-B146>.
12. Roos, C. R. contextual model of self-regulation change mechanisms among individuals with addictive disorders / C. R. Roos, K. A. Witkiewits. – Text: direct // Clinical psychology review. – 2017. – № 57. – Pp. 117-128.

УДК 159.9.072:331.1

Глушков А. Е.

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ЧАСТНОГО ОХРАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Статья отражает результаты научного исследования взаимосвязи стрессоустойчивости и агрессивности у сотрудников частного охранного предприятия. Раскрываются определения стрессоустойчивости в трудах ученых-психологов и агрессивности. Описаны используемые методы исследования, охарактеризована выборка. Описан психологический анализ профессиональной деятельности сотрудников частного охранного предприятия. Представлены результаты эмпирического исследования, в которых отражается корреляционный анализ стрессоустойчивости и агрессивности у сотрудников частного охранного предприятия.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, агрессивность, сотрудники частного охранного предприятия, взаимосвязь.

Выполнение охранных функций подразумевает ряд повышенных требований к профессионально важным качествам субъекта труда, среди которых особое место занимает устойчивость к различным стрессогенным факторам: сохранение психической напряженности для оперативного реагирования на нестандартные трудные ситуации, конфликтов с гражданами-правонарушителями, а также наличие угрозы жизни и здоровью сотрудников частных охранных предприятий. Указанные специфичные аспекты охранной деятельности могут отражать наличие элементов экстремального характера рассматриваемого вида труда.

Длительное выполнение сотрудниками охранных предприятий трудовых функций, подразумевающее сохранение психической напряженности для оперативного реагирования и проявления устойчивости к стрессовым факторам, может определять ряд личностных деформаций, среди которых отмечается повышенная агрессивность субъектов труда, необходимая для быстрой активизации для реагирования на вызовы или нестандартную ситуацию.

Вопросы исследования стрессоустойчивости в связи с агрессивностью личности сотрудников частных охранных организаций сохраняют свою актуальность еще по той причине, что в настоящее время усложняются законодательные акты, регулирующие деятельность охранных предприятий, модернизируются средства безопасности и возрастает напряженность среди населения.

В научной литературе изучение стрессоустойчивости началось в рамках концепции стресса, разработанной У. Кэнноном и Г. Селье. Авторы

рассматривали стресс как состояние напряжения, ответную реакцию организма на требования среды, обеспечивающую адаптацию индивида к окружению. Учение о стрессе, подробно разработанное Г. Селье, стало теоретической опорой для понимания стрессоустойчивости как степени сопротивляемости человека факторам среды, вызывающим напряжение и дискомфорт и препятствующим нормальному протеканию жизнедеятельности [7].

В работах Р. Лазаруса стрессоустойчивость определяется как совокупность адаптивных индивидуально-типологических свойств, которые активируются в стрессовой ситуации для её преодоления. По Лазарусу, стрессоустойчивость индивида проявляется в активности и специфике использования защитных и совладающих моделей поведения — копингов [2].

В концепции жизнестойкости, разработанной С. Кобейс и С. Мадди и опирающейся на идеи экзистенциальной психологии, стрессоустойчивость рассматривается как совокупность убеждений, установок и степени вовлечённости человека, а также его поведенческой активности в трудных ситуациях для сохранения здоровья и жизненного равновесия, как отмечает Е.В. Никитина [5].

В отечественной психологии (Л. С. Выготский, Л. Г. Дикая, Б. Ф. Ломов и др.), по словам Я. В. Кудиной, стрессоустойчивость трактовалась как показатель личностной зрелости, включающий умение придерживаться намеченных целей и временных рамок, а также способность эффективно организовывать свою деятельность. Её также понимали как системное свойство личности, отражающее активность жизнедеятельности и успешность самореализации [8].

Н.Н. Данилова определяет стрессоустойчивость как способность справляться с интенсивными физическими и умственными нагрузками и эффективно решать актуальные задачи в напряжённых условиях [12].

С. В. Субботин подчёркивает, что стрессоустойчивость — это комплексная индивидуальная черта, обеспечивающая физиологическое и психологическое равновесие и способствующая налаживанию оптимального взаимодействия субъекта с окружением для поддержания эффективности жизнедеятельности [13].

В настоящей работе мы будем придерживаться взгляда Е. В. Распопина, который трактует стрессоустойчивость как способность оказывать сопротивление негативному влиянию окружающей среды.

Агрессивность в психологической науке привлекает внимание мыслителей и исследователей начиная с древних времен.

В средневековой мысли агрессивность оценивалась в морально-этическом ключе. Фома Аквинский рассматривал склонности человека к греховным поступкам через призму проявлений агрессивного поведения [10].

Психоаналитическая традиция, представленная К. Лоренцем, У. МакДуголлом и З. Фрейдом, трактовала агрессивность как врождённую характеристику личности, связанную со стремлением к разрушению или к жизненным силам, проявляющуюся в невротических реакциях. Агрессивные проявления могут быть направлены как вовне, так и вовнутрь, способствуя формированию деструктивных импульсов и невротических реакций [9].

Ч. Спилбергер рассматривал агрессивность как устойчивую черту характера. По его определению, она отражает степень активности, вспыльчивости и раздражительности субъекта, проявления которых нарушают нормальное межличностное взаимодействие и создают дискомфорт партнёрам по общению и совместной деятельности [16].

В отечественной психологии тоже уделялось большое внимание этому явлению. В. Н. Мясищев видел агрессивность как вариант отношения личности к реальности, основанный на эмоциональной почве. В. С. Мерлин подчёркивал двойственную природу агрессивности: с одной стороны — темпераментная, психодинамическая основа, проявляющаяся в реакциях на фрустрацию; с другой — аспект отношения личности к миру [4].

Е. П. Ильин и П. А. Ковалев определяли агрессивность как комплексное свойство личности, формирующее устойчивые поведенческие модели. Авторы отмечали двойственный характер этих моделей: с положительной стороны агрессивность проявляется в настойчивости и упорстве при достижении цели, с отрицательной — вызывает дискомфорт у окружающих [5].

Л. М. Балабанова, И. Б. Бойко и Л. Н. Собчик выделяли агрессивность как ключевую черту характера, окрашивающую отдельные поведенческие реакции личности. Ю. М. Антоян, В. В. Гульдман и Т. Г. Румянцева определяли её как личностную особенность, задающую стиль реагирования на динамику внешней и внутренней среды [1].

Вслед за Е. П. Ильиным и П. А. Ковалевым, агрессивность будем определять как комплексное свойство личности, определяющая устойчивость специфических поведенческих моделей.

В силу наличия высокого риска возникновения напряженных и конфликтных ситуаций в работе сотрудников как частных, так и государственных охранных предприятий, данная профессиональная деятельность привлекает в настоящее время все большее внимание зарубежных и отечественных психологов.

Зарубежный исследователь С. Кан изучал связь физической активности и уровня стресса у сотрудников охранных организаций. Он отмечает, что регулярные занятия физкультурой необходимы охранникам не только для поддержания физической формы и способности противодействовать правонарушителям, но и для повышения стрессоустойчивости: найдены обратные связи между физической активностью и уровнями тревоги, напряжения, агрессии и дезадаптивных состояний [15].

Р. О. Азиз выявил значимые корреляции между стрессоустойчивостью и признаками профессионального выгорания у работников охранных предприятий. Повышение стрессоустойчивости детерминировано знанием о стресс-факторах профессиональной среды и соответствующими компетенциями. При адекватной информированности и навыках снижается агрессивность, раздражительность, деперсонализация и эмоциональное истощение [14].

Н. В. Колосова акцентирует важность изучения морально-деловых и профессионально значимых качеств сотрудников частных охранных организаций. Выполнение охранных функций требует развитой способности противостоять преимущественно социогенным стрессорам [6].

И. М. Гаражеев исследовал личностные факторы стрессоустойчивости у охранников. Полученные данные показывают обратную корреляцию между стажем, нейротизмом, подозрительностью, осторожностью и эгоизмом со стрессоустойчивостью: длительное несение охранных обязанностей и постоянная готовность к реагированию влияют на способность преодолевать стресс, что требует систематической психологической профилактики и коррекции деструктивных изменений личности [3].

Л. И. Кемалова в анализе стресс-факторов у сотрудников охранных агентств выявила прямые связи стрессоустойчивости с локусом контроля, коммуникативными характеристиками, смысло-жизненными ориентациями и удовлетворенностью работой. Детальное исследование стресс-факторов и сопротивляемости личности помогает выявлять предикторы деформации личности, проявляющейся в повышении агрессивности и снижении социально-психологической адаптации.

Мы также произвели психологический анализ профессиональной деятельности, в ходе которого установлено, что профессия сотрудника частных охранных предприятий характеризуется важной социальной ценностью, повышенной проблемностью трудовых ситуаций, а также особыми факторами напряженности труда, что подразумевает необходимость таких профессионально важных качеств, как развитая стрессоустойчивость охранника, а также умения конструктивного межличностного взаимодействия, проявления адекватных реакций в напряженных ситуациях и сохранение эффективности действий, предполагающие недопустимость выраженной агрессивности у рассматриваемого субъекта труда.

Объектом нашего исследования является профессиональная деятельность сотрудников частного охранных предприятия. Предметом является взаимосвязь стрессоустойчивости и агрессивности у сотрудников частного охранных предприятия. Также была выдвинута гипотеза о том, что между стрессоустойчивостью и агрессивностью у сотрудников частного охранных предприятия существует значимая взаимосвязь, а именно чем выше

стрессоустойчивость, тем ниже негативная агрессивность и интенсивность агрессивности сотрудников частного охранного предприятия.

Для проверки выдвинутой гипотезы была составлена выборка исследования 32 сотрудника частного охранного предприятия ЧОО «Амулет», г. Новокузнецка. Для реализации поставленных задач мы использовали такие методы, как теоретический анализ научной литературы, профессиографический анализ трудовой деятельности, психодиагностическое исследование, математико-статистическая обработка данных (коэффициент корреляции К. Пирсона).

С целью получения эмпирического материала для его последующей математической обработки мы применяли такие психодиагностические инструменты, как: Методика «Опросник психологической устойчивости к стрессу», Е. В. Распопин. Методика «Шкала устойчивости», Дж. Дэвидсон, К. Коннор. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность», Е. П. Ильин, П. А. Ковалев. Методика «Восьмифакторный личностный опросник», Ч. Спилбергер, адаптация О. М. Радюк.

На первом этапе эмпирического исследования нами произведен анализ результатов диагностики стрессоустойчивости сотрудников частного охранного предприятия.

Большинство обследуемых сотрудников частного охранного предприятия по методике Е. В. Распопина имеют средний уровень стрессоустойчивости (56 %); по методике Дж. Дэвидсона и К. Коннора у 47 % — высокий, у 25 % — средний. Наличие определённой степени стрессоустойчивости у большинства респондентов проявляется в развитой способности сохранять спокойствие и принимать взвешенные решения в сложных и опасных ситуациях. Они быстро оценивают обстановку и находят оптимальные пути выхода из конфликтов, не поддаваясь панике и эмоциям; способны эффективно действовать при высоком напряжении, например при оперативном реагировании и оказании сопротивления нарушителям безопасности охраняемого объекта. Стрессоустойчивые сотрудники демонстрируют уверенность в своих действиях, что способствует контролю над ситуацией и предупреждению возможных угроз.

Далее нами произведен анализ результатов изучения агрессивности сотрудников частного охранного предприятия.

Большая часть сотрудников характеризуются средней (50 %) и высокой (22 %) позитивной агрессивностью, и средней (53 %) и выраженной негативной агрессивностью (38 %), по методике Е. П. Ильина, П. А. Ковалева; а также выраженной (40 %) и средней (16 %) агрессивностью по методике Ч. Спилбергера. Большая часть исследуемых охранников проявляют излишнюю уверенность и напористость при выполнении обязанностей, обладают решительностью в принятии мер для обеспечения безопасности, демонстрируют чрезмерную подозрительность. Их поведение может

характеризоваться резкостью и грубостью по отношению к другим людям, особенно к нарушителям безопасности на охраняемом объекте, проявляют нетерпимость к любым отклонениям от установленных правил.

На завершающем этапе эмпирического исследования мы провели Корреляционный анализ взаимосвязи стрессоустойчивости и агрессивности у сотрудников частного охранного предприятия.

С целью анализа значимости взаимосвязей между рассматриваемыми явлениями мы определили критические значения коэффициента корреляции: $r_{кр} = 0,35$ при $p \leq 0,05$; $r_{кр} = 0,45$ при $p \leq 0,01$.

Была выявлена прямая взаимосвязь позитивной агрессивности по методике Е. П. Ильина, П. А. Ковалева со стрессоустойчивостью по методике Е. В. Распопина ($r_{эмп} = 0,54$ при $p \leq 0,01$), и стрессоустойчивостью по методике Дж. Дэвидсона, К. Коннора ($r_{эмп} = 0,40$ при $p \leq 0,05$). Чем выше стрессоустойчивость, тем выше позитивная агрессивность у сотрудников частного охранного предприятия. Высокая стрессоустойчивость может способствовать более спокойному и взвешенному поведению в стрессовых ситуациях.

Выявлены значимые обратные взаимосвязи между негативной агрессивностью по методике Е. П. Ильина, П. А. Ковалева со стрессоустойчивостью по методике Е. В. Распопина ($r_{эмп} = -0,47$ при $p \leq 0,01$), и стрессоустойчивостью по методике Дж. Дэвидсона, К. Коннора ($r_{эмп} = -0,50$ при $p \leq 0,01$). А также обнаружены обратные взаимосвязи интенсивности агрессивности по методике Ч. Спилбергера со стрессоустойчивостью по методике Е. В. Распопина ($r_{эмп} = -0,59$ при $p \leq 0,01$), и стрессоустойчивостью по методике Дж. Дэвидсона, К. Коннора ($r_{эмп} = -0,49$ при $p \leq 0,01$). Чем выше стрессоустойчивость, тем ниже негативная агрессивность и интенсивность агрессивности у сотрудников частного охранного предприятия.

Была выявлена обратная взаимосвязь конфликтности по методике Е. П. Ильина, П. А. Ковалева со стрессоустойчивостью по методике Е. В. Распопина ($r_{эмп} = -0,48$ при $p \leq 0,01$), и стрессоустойчивостью по методике Дж. Дэвидсона, К. Коннора ($r_{эмп} = -0,36$ при $p \leq 0,05$). Чем выше стрессоустойчивость, тем ниже конфликтность у сотрудников частного охранного предприятия. Данный результат может детерминироваться тем, что развитая стрессоустойчивость способствует низкой интенсивности эмоциональных реакций, которые могут находить яркое выражение в напряженных конфликтных ситуациях при взаимодействии с потенциально опасными посетителями.

Обнаружена обратная взаимосвязь тревожности по методике Ч. Спилбергера со стрессоустойчивостью по методике Е. В. Распопина ($r_{эмп} = -0,64$ при $p \leq 0,01$), и стрессоустойчивостью по методике Дж. Дэвидсона, К. Коннора ($r_{эмп} = -0,51$ при $p \leq 0,01$). Чем выше стрессоустойчивость, тем ниже тревожность у сотрудников частного охранного предприятия. Это может

обосновываться тем, что такие проявления стрессоустойчивости охранников, как уверенность в своих силах и способность быстро адаптироваться к изменениям или непредвиденным обстоятельствам.

Выводы. Выдвинутая в начале исследования гипотеза о том, что между стрессоустойчивостью и агрессивностью у сотрудников частного охранного предприятия существует значимая взаимосвязь, а именно чем выше стрессоустойчивость, тем ниже негативная агрессивность и интенсивность агрессивности сотрудников частного охранного предприятия, полностью подтвердилась.

Список литературы:

1. Антонян, Ю. М. Человек и преступная агрессия: монография / Ю. М. Антонян. – Москва: Проспект, 2023. – 224 с. – ISBN 978-5-392-39475-3. – Текст: непосредственный.
2. Газиева, М. В. Современные подходы к проблеме исследования стресса и стрессоустойчивости / М. В. Газиева. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3 (70). – С. 348-350.
3. Гаражеев, И. М. Акмеологические условия преодоления стрессовых состояний у работников частных охранных предприятий / И. М. Гаражеев. – Текст: непосредственный // Акмеология. – 2013. – № 4 (48). – С. 44-46.
4. Дроздов, А. Ю. Агрессивность как системное свойство личности / А. Ю. Дроздов. – Текст: электронный // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2019. – № 15. – С. 36-43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressivnost-kak-sistemnoe-svoystvo-lichnosti> (дата обращения: 14.10.2025).
5. Ильин, Е. П. Психология агрессивного поведения / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 368 с. – ISBN 978-5-496-00991-1. – Текст: непосредственный.
6. Колосова, Н. В. Проблемы и реалии профессиональной подготовки сотрудников частных охранных организаций в России / Н. В. Колосова, А. В. Якутин. – Текст: непосредственный // Modern science. – 2022. – № 1-2. – С. 203-207.
7. Куваева, И. О. Психология стресса: учебное пособие / И. О. Куваева. – Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2024. – 106 с. – ISBN 978-5-7996-3918-1. – Текст: непосредственный.
8. Кудина, Я. В. О понятии и проблематике стрессоустойчивости в отечественной психологической науке / Я. В. Кудина. – Текст: непосредственный // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 126-130.
9. Макенов, А. А. Комплексный подход в изучении фрейдовской теории агрессивности и теории агрессивности К. Лоренца / А. А. Макенов. – Текст: электронный // Актуальные проблемы современных исследований в психологии и педагогике. Сборник статей X Международной научно-практической конференции «Наука и общество: проблемы современных исследований». Омск. – 2016. – С. 114-116.
10. Махов, А. Е. Средневековый гнев: две разновидности-две жестово-мимические системы / А. Е. Махов. – Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 3. – С. 39-61.

11. Никитина, Е. В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования / Е. В. Никитина. – Текст: непосредственный // Academy. – 2017. – № 4. – С. 100-103.
12. Савушкина, А.И. Понятие стресса и стрессоустойчивости в психологии / А. И. Савушкина. – Текст: непосредственный // Личность в природе и обществе. Сборник трудов конференции «Научные труды молодых ученых (материалы межвузовских психолого-педагогических чтений)». Москва. – 2016. – С. 56-58.
13. Сирина, Е.Н. Исследование стрессоустойчивости работников локомотивного депо ОАО РЖД / Е. Н. Сирина. – Текст: непосредственный // Психология сегодня. – 2016. – №. 18. – С. 45-49.
14. Azeez, R. O. Employee self-care, occupational stress, and burnout of security personnel / R. O. Azeez, O. Soetan. – Text: direct // LASU Journal of Employment Relations & Human Resource Management. – 2022. – Т. 3. – № 1. – Pp 268-277
15. Can, S. The Determining of Relationship between Physical Activity and Perceived Stress Level in Security Service Employees / S. Can. – Text: direct // Journal of Education and Training Studies. – 2019. – Т. 7. – № 1. – Pp. 149-154.
16. Spielberger, C. D. Assessment of anger: The state-trait anger scale / C. D. Spielberger, G. Jacobs, S. Rusell, R. S. Crane // Advances in personality assessment / J. N. Butcher. – New York: Routledge, 2013. – Pp. 161-189. – ISBN 978-1-3158-2565-6. – Text: direct.

УДК 616.89-008.442.6

Голубничая Е. В., Полева А. В.

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ НАРЦИССИЗМА В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема проявления черт нарциссизма в раннем юношеском возрасте, которые выделяют различные авторы. Рассмотрены такие авторы, как В. А. Зверева, Н. Мак-Вильямс, Е. О. Ермолова, Э. Фромм. Выявлена высокая самооценка, зависимость от чужого признания, внутренняя уязвимость и чувство неполноценности. Наблюдается проявление гиперкомпенсации и обесценивание других, ключевой реакцией выступает зависть, ярость и стыд. Даны рекомендации для педагогов, содержание направления работы для оказания помощи людям раннего юношеского возраста с выраженными нарциссическими чертами.

Ключевые слова: нарциссизм, нарцисс, нарциссические черты, ярость, зависть, ранний юношеский возраст, неполноценность, успех, восхищение, уязвимость, самооценка.

Современные тенденции, происходящие в обществе под влиянием изменений в идеологической модели человека, позволили добиться переоценки в культурных ориентирах, что особенно проявляется в юношеском возрасте. Это коснулось многих составляющих особенностей личности, в том числе развитие и проявление нарциссизма [13, С.40].

Под нарциссизмом в психологии понимается свойство человеческой природы, выражающееся в эгоцентризме и самонадеянности, что зачастую не имеет под собой реального основания [9, С. 777].

Поэтому в раннем юношеском возрасте часто бросается в глаза иллюзорное представление о самом себе, которое закрепляется при самовосприятии у молодых людей. Данную особенность необходимо изучить, чтобы понимать, как может проявляться нарциссизм в раннем юношеском возрасте [8, С. 110].

Нарциссические черты встречаются у любого индивида, вне зависимости от доминирующего типа темперамента или ярких черт характера, но их сочетание и выраженность может различаться и проявляться в разных обстоятельствах, поэтому чтобы описать специфику нарциссизма в раннем юношеском возрасте нужно опираться на авторов, которые изучали эту проблему.

В. А. Зверева в своей статье «Нарциссические черты характера у современной молодежи» выделяет основные признаки нарциссизма, первый из которых зависть к окружающим [5, С. 335].

По словам Н. Мак-Вильямс, желание получить чужое и смущение при публичной оценке являются основными эмоциями нарциссической личности.

Вероятность болезненного реагирования на эти чувства имеет отношение к сильному давлению из-за высоких ожиданий к самому себе. Именно боязнь чужого осуждения становится главной причиной появления зависти к чужим достижениям и выдающимся успехам [6, С. 157].

Ермолова Е. О. отмечает, что многие нарциссические черты формируются из-за избегающего поведения для собственного психологического комфорта, поэтому напыщенность, деспотизм и снисходительное отношение к другим используются как защитные реакции. Все негативные черты демонстрируются инстинктивно, чтобы возвыситься в глазах других и не быть незначительным [4, С. 237].

Гипертрофированное чувство значимости и фиксация на собственной значимости часто встречаются в юношеском возрасте, в связи с чем представители этой возрастной группы считают высокомерными и непробиваемыми, но в действительности они нуждаются в поддержке самооценки и личных границ [5, С. 334].

Бескомпромиссность трансформируется в деструктивное поведение, что демонстрируется через самовозвеличенную справедливость, которая должна устраивать всех, а виноватые должны исчезнуть [3, С. 199].

Кроме того, выделяют такие черты нарциссизма как завышенная самооценка, которая приводит к вере в собственную исключительность с подтверждением данного факта через положительное мнение других людей, которое не может удовлетворить из-за сомнения в достоверности высказываний или достаточной информированности по нужному вопросу. Установка на личную безнаказанность и игнорирование общественных правил также проявляется в данной симптоматике [14, С.184].

Убежденность в своей неповторимости приводит к поиску общения с людьми из привилегированного общества для подкрепления своей веры, от обычных же людей нужен безудержный восторг [5, С. 335]. Это происходит для нейтрализации конкурентов, и ощутить внутреннюю удовлетворенность полученными результатами [7, С. 69].

Нарциссы кичливы и честолюбивы, поэтому используют насмешки, часто имеющие оскорбительный подтекст для чужого унижения. Но при этом они не в состоянии проявить эмоциональный отклик и понять состояние людей, перенесших их деяния из-за ослабленной способности к сочувствию [5, С. 336]. Демонстрация чуткости для нарцисса сравнима с качественно поставленным шоу, в котором нужно продемонстрировать свою душевность, но она не имеет реального отношения к внутреннему состоянию. Все это делается для получения необходимого отклика от выбранных людей, но чтобы этого добиться учитывается множество переменных [2, С. 45].

Однако противоречие состоит в возможности нарцисса почувствовать сопереживание, если это позволит добиться намеченного результата или оно строится на безоговорочной уверенности в себе [15, С. 72].

В раннем юношеском возрасте имеется стремление к отказу от восприятия критики, которая полностью игнорируется, либо приводит к деструктивной реакции, выражающейся в озлобленности и агрессии [5, С. 335].

Описывая эту особенность Э. Фромм отмечает, что человек считает себя центром всего, поэтому может проявлять бесстрашие. Однако, при возникновении опасности, ответом на нее становится страх, который переходит в дикие вспышки гнева, которые лишь растут, если не исключить причину этой реакции [12, С. 22].

Молодые люди испытывают испуг при возникновении мыслей о собственной несостоятельности, поэтому их поведение признано скрыть заниженную самооценку, выставленные на показ успехи и свершения являются фасадом совершенства для окружения [5, С. 335]. Поверхностное превосходство скрывает уязвимость нарцисса для возмещения испытываемого мучительного ощущения своей ущербности, которое может носить характер патопсихологических нарушений. Для него нет ничего хуже, чем пережить глумление и испытать стыд [11, С. 48].

Так, можно получить принижение своей личности, отвращение и ненависть, идеи о своей дефектности, которые приведут к отклику в виде негативной реакции, такой как ярость и зависть [1, С. 30].

Таким образом, нарциссизм в раннем юношеском возрасте представляет собой сложное явление, обусловленное как внутренними психологическими особенностями, так и влиянием окружающей среды. Молодые люди с выраженными нарциссическими чертами стремятся к внешнему признанию и успеху, часто проявляя самоуверенность.

Вместе с тем, они могут испытывать внутреннюю уязвимость и чувство неполноценности, что ведет к защитным механизмам, таким как гиперкомпенсация и обесценивание других. Зависть и стыд играют важную роль в их эмоциональной жизни, способствуя развитию деструктивных форм поведения. Внешне нарциссическая личность может казаться уверенной и успешной, но внутри скрываются глубокие страхи и неуверенность.

Важно понимать эти особенности, чтобы помочь молодым людям развивать здоровую самооценку и конструктивно справляться с трудностями.

Изучив все особенности проявления нарциссизма в раннем юношеском возрасте, были разработаны рекомендации для педагогов для оказания помощи данной категории людей. Именно педагог играет главную роль при работе, направленной на снижение остроты проявления нарциссических черт, которые при неблагоприятном развитии могут перерасти в патологическое заболевание.

Для помощи необходимо включить в работу несколько направлений:

Во-первых, развивать эмпатию, чтобы нарцисс научился понимать чужие чувства. Для этого можно организовать групповые беседы, ролевые

игры и упражнения, направленные на понимание эмоций и переживаний окружающих.

Во-вторых, обучить саморефлексии для осознания своих мыслей, чувств и действий, их анализа. Для этого можно предложить вести дневник эмоций, чтобы юноши записывали производимые с ними события и свои эмоции для того, чтобы делать выводы на основе всех данных. Можно узнать не только о проявлении своих чувств, но и о реакции других на них, что может быть полезнее для решения проблемы.

В-третьих, формирование групп для совместной работы над проектом или заданием, поскольку командная работа учит тому, как нужно сотрудничать и почувствовать чужую поддержку. Результат такой работы будет зависеть от усилий всей команды.

В-четвертых, диалог о последствиях. Важно обозначить с использованием примеров о том, какое воздействие может последовать за нарциссическим поведением, если его проявления не научиться контролировать. Причем итог может быть печален как для самого нарцисса, так и для его окружения.

Таким образом, снижение нарциссизма в раннем юношеском возрасте требует комплексного подхода, включающего развитие эмпатии, критического мышления и саморефлексии. Педагоги играют важную роль в этом процессе, создавая поддерживающую атмосферу и показывая примером здорового отношения к себе и окружающим.

Список литературы:

1. Банникова Г. С. Потенциальные и актуальные факторы риска развития суицидального поведения подростков (обзор литературы) // Суицидология. 2015. № 4. С. 21-32.
2. Волкова Анастасия Сергеевна ДЕСЯТЬ ТИПОВ НАРЦИССИЗМА // Интерактивная наука. 2023. №3 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-tipov-nartsissizma>
3. Головки В. С. Нарциссизм в студенческой среде // VI Фрейдовские чтения: категории различий в психоанализе и психологии: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 мая 2022 года / Под ред. проф. М. М. Решетникова. СПб.: ЧОУВО «Восточно-европейский институт психоанализа», 2022. С. 197-205.
4. Ермолова Е. О. «Психопатология» повседневной жизни: к вопросу о нарциссизме и классификации нарциссических черт личности // Профессиональное образование в современном мире. 2021. № 2. С. 231-242.
5. Зверева В. С. Нарциссические черты личности у современной молодежи // Форум молодых ученых. 2017. № 9 (13). С. 332-336.
6. Клепикова Н. М. Динамика взаимосвязи зависти и нарциссических проявлений личности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4(16). С. 157-162.
7. Клепикова Н. М. Операциональное определение нарциссизма в пределах психической. Хабаровск, 2011. 257 с.

8. Коновалова, Ю. В. Исследование взаимосвязи нарциссических черт личности и Я-концепции личности подростков // Развитие человека в современном мире: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19–21 апреля 2016 года / Под редакцией Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. Том Часть 1. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2016. С. 105-116.
9. Коробкина А. О. Понятие нарциссизма в отечественной и западной литературе // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 5(105). С. 777-781.
10. Свиридонова, Е. В. Особенности проявлений нарциссизма в структуре личности современного подростка / Е. В. Свиридонова // NovaUm.Ru. 2019. № 19. С. 361-364.
11. Соколова Е. Т. Психология нарциссизма. Учебно-методический коллектор. Москва: Психология, 2001. 90 с.
12. Узлов Н. Д. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // Суицидология. 2021. № 4. С. 16-30.
13. Шамшикова Е. О. Подростковый нарциссизм: проблемы и перспективы // Развитие человека в современном мире: материалы всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 32-49.
14. Шаповал И. А. Психология дисгармонического дизонтогенеза. Расстройства личности и акцентуации характера: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2016. 301 с.
15. Ronningstam E. Narcissistic Personality Disorder: A Current Review // Curr Psychiatry Rep. 2010. №12. P. 68–75.

УДК 616.89-008.442.6

Голубничая Е. В., Полева А. В.

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НАРЦИССИЗМА В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема проявления нарциссизма в раннем юношеском возрасте и выявлены особенности нарциссизма, характерные для данного возраста. Расписана актуальность исследования, результаты которого позволят вовремя обратить внимание на доминирующие черты нарциссизма. Представлены и описаны методики исследования: «Нарциссический опросник личности (NPI)» – Н. Raskin, Н. Terry, «Опросник патологического нарциссизма (PNI)» – А. Pincus, Е. Ansel, «Опросник Нарциссических черт личности» – О. А. Шамникова, Н. М. Клепикова. Расписаны результаты исследования и для наглядности добавлены таблицы и рисунки с графиками.

Ключевые слова: нарциссизм, нарцисс, методика, высокий, средний, низкий, свойство личности, черты нарциссизма, эмпатия, обесценивание.

Век, в котором мы проживаем характеризуется доминированием продуктов научной и технологической мысли, что привело ко многим позитивным изменениям, таким как использование онлайн площадок для удобства проведения образовательных программ, расширение человеческих прав и свобод, изменение в качестве жизни и т.п., что повлияло на повседневную жизнь человека, но изменения, которые его коснулись несут не только позитивные последствия. Появилось много новых заболеваний, которые называют «заболеваниями 21 века» из-за их расцвета в этот век [3, С.30].

Не последнее по значимости в списке таких болезней занимают неврозы и нарциссизм. На их рост повлияло появление всемирная паутина и соцсеть, где люди получают признание за свои достижения в виде комментариев и лайков, что способствует повышению самооценки, но постоянное одобрение создает иллюзию вседозволенности и может привести к печальным последствиям. Кроме того, современные подходы воспитания часто используют поощрение как мотивацию для дальнейшей деятельности детей, но это может привести к развитию ощущения собственной значимости, что является основой нарциссизма [5, С.128].

Поскольку в раннем юношеском возрасте ребенок активно пытается найти себя и свое место в обществе, так у него формируется модель поведения, моральные ориентиры, ценности и установки, поэтому у него могут развиваться нарциссические черты, что повлияет негативно на процесс социализации и эмоциональное развитие. Из-за этого могут возникнуть проблемы во

взаимоотношениях со сверстниками и родителями, в учебной деятельности, а также развиться психопатология [2, С.102].

Исследование позволит узнать об особенностях проявления нарциссических черт личности, что позволит вовремя заняться профилактикой и проработать травмы, которые послужили развитию нарциссизма, но были бессознательно проигнорированы, а также даст возможность лучше узнать и составить психологический портрет юношеского возраста, который пригодится для построения конструктивного взаимодействия со сверстниками, поэтому оно является актуальным.

Целью нашего исследования стало изучение и выявление особенностей проявления нарциссизма в раннем юношеском возрасте.

Для определения нарциссизма мы использовали понятие Э. Фромма, в котором нарциссизм толковался как особое состояние, характеризующиеся концентрацией всей психической активности на себе (на своем теле, своих потребностях, своих чувствах, мыслях и вещах) [1, С. 232].

Выборку эмпирического исследования составили 60 человек раннего юношеского возраста (возрастной диапазон от 15-17) – обучающиеся 1 курсов КПОИиП ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.

В исследовании использовались следующие методики:

Первая методика – «Нарциссический опросник личности (NPI)» – Н. Raskin, Н. Terry.

Цель: измерения нарциссизма как свойства личности в социально-психологических исследованиях.

Процедура проведения: ответить на 40 вопросов, представленные в бланке методики, выбрав один из 2-х предложенных ответов А или Б [4, С. 891]

Обработка результатов осуществляется по подсчёту баллов, которые распределяются по уровням к каждому критерию.

Вторая методика – «Опросник патологического нарциссизма (PNI)» – А. Pincus, Е. Ansel

Цель: диагностики семи явных и скрытых паттернов нарциссической грандиозности/уязвимости в соответствии с описаниями в клинической и социально-психологической литературе.

Процедура проведения: ответить на 52 вопросов, представленные в бланке методики, выбрав один из 6-ти предложенных ответов: Совсем не похоже на меня; Не похоже на меня; Слегка не похоже на меня; Слегка похоже на меня; Похоже на меня; Очень похоже на меня [6, С. 366].

Обработка результатов осуществляется по подсчёту баллов, которые распределяются по уровням к каждому критерию.

Третья методика – «Опросник Нарциссических черт личности» – О. А. Шамникова, Н. М. Клепикова.

Цель: оценки нарциссических состояний, характеризующихся

совокупностью нарциссических черт, входящих в нарциссическое расстройство личности, но не достигающих уровня, необходимого для диагностики патологического нарциссизма.

Процедура проведения: ответить на 67 вопросов, представленные в бланке методики, выбрав один из 5-ти предложенных ответов: Совершенно не согласен; Скорее не согласен; Ни то, ни другое; Скорее согласен; Совершенно согласен [6, С. 119].

Обработка результатов осуществляется по подсчёту баллов, которые распределяются по уровням к каждому критерию.

Используемые нами методики помогут лучше раскрыть исследуемую тему, что даст точные и валидные результаты, которые можно будет использовать как в практике, так и для дальнейших теоретических исследований, как научную основу с систематизированным материалом.

Результаты исследования по методике 1. «Нарциссический опросник личности (NPI)» (Н. Raskin, Н. Terry)), представленные в Таблице 1, Рисунке 1.

Таблица 1. Показатели измерения нарциссизма как свойства личности (по методике «Нарциссический опросник личности (NPI)» (Н. Raskin, Н. Terry))

Шкала нарциссизма	Количественное и процентное соотношение		
	Низкий 13 чел. – 22 %	Средний 39 чел. – 65 %	Высокий 8 чел. – 13 %
Авторитет	9 чел. – 15%	45 чел. – 75%	6 чел. – 10%
Демонстративность	20 чел. – 34%	29 чел. – 48%	11 чел. – 18%
Превосходство	27 чел. – 45%	23 чел. – 38%	10 чел. – 17 %
Избранность	29 чел. – 48%	23 чел. – 38 %	8 чел. – 14 %
Использование людей	23 чел. – 39 %	24 чел. – 39 %	13 чел. – 22 %
Самодостаточность	18 чел. – 30 %	29 чел. – 48 %	13 чел. – 22 %
Тщеславие	35 чел. – 58%	17 чел. – 29 %	8 чел. – 13 %

Полученные результаты, представленные в таблице 1, показывают, что в раннем юношеском возрасте преобладает средний уровень измерения нарциссизма как свойства личности – 65% (39 чел.), для которого характерны следующие черты: высокий уровень авторитетности, демонстративности и самодостаточности; средний уровень превосходства над другими, ощущения собственной избранности, тщеславия. Также присутствует частая тенденция к использованию людей.

Присутствует низкий уровень измерения нарциссизма как свойства личности – 22% (13 чел.) в котором наблюдается высокий уровень самовлюбленности, ощущение собственного превосходства и избранности.

Средний уровень склонности к лидерству, нахождению в центре внимания для всеобщего восхваления, принятию ответственности, есть склонность к манипуляциям.

Самым малочисленным оказался высокий уровень измерения нарциссизма как свойства личности – 13% (8 чел.), и на данном уровне все нарциссические черты проявляются меньше всего, хотя есть единичные случаи среди респондентов, у которых высокий уровень нарциссизма соответствовал сильному развитию черт. На основе анализа все семь нарциссических черт из методики имеют низкий уровень, среди трех уровней.

Для наглядности, результаты диагностики по методике «Нарциссический опросник личности (NPI)» (Н. Raskin, Н. Terry)) мы оформили в Рисунке 1.

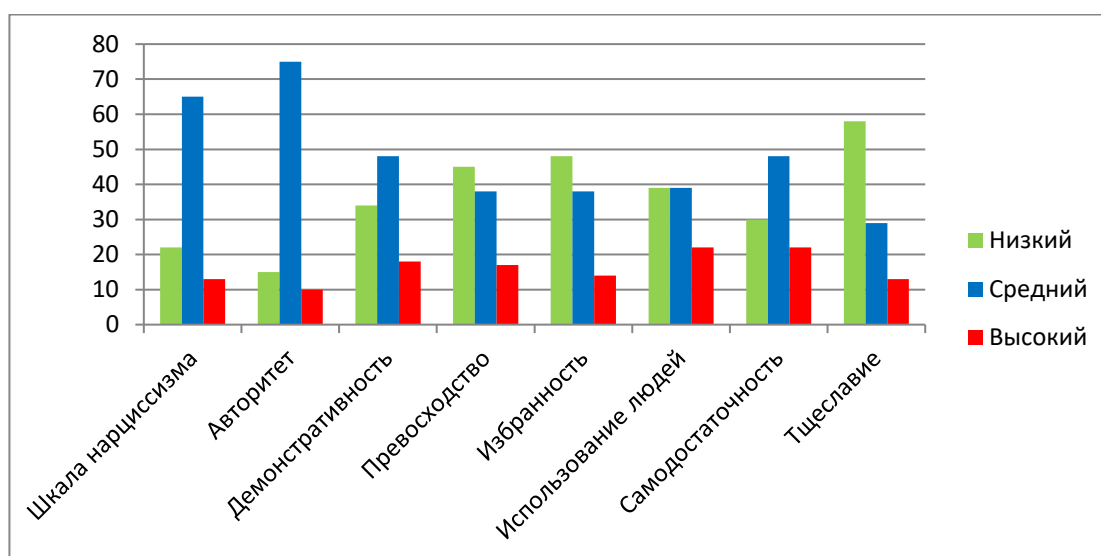

Рисунок 1. Результаты исследования измерений нарциссизма как свойства личности по методике «Нарциссический опросник личности (NPI)» (Н. Raskin, Н. Terry)) (в %)

Таким образом, проведя первую методику, нами было выявлено, что большая часть опрошенных молодых людей раннего юношеского возраста, склонны к развитию нарциссизма и проявляют разные нарциссические черты, даже при низком уровне развития нарциссизма, но эти черты можно назвать положительными, полезными для человека, как члена общества. Это указывает на то, что у каждого человека есть тенденция к развитию как нарциссизма в целом, так и к отдельным его чертам, которые могут помочь большего добиться в жизни. Это стремление занимать руководящие должности, уверенность в своих способностях к руководству, потребность в успехе, авторитете, власти, любовь к самолюбованию и склонности демонстрировать своё тело. Кроме того, высоко развиты ораторские способности.

Результаты исследования по методике 2. Нарциссический опросник

личности (NPI) – Н. Raskin, Н. Terry, представленные в Таблице 2, Рисунке 2.

Таблица 2. Показатели семи явных и скрытых паттернов нарциссической грандиозности/уязвимости (по методики «Опросник патологического нарциссизма (PNI)» (А. Pincus, Е. Ansel)) (в %)

Свойства личности	Количественное и качественное соотношение		
	Нарциссическая грандиозность		
	Низкий	Средний	Высокий
Эксплуативность	5 чел. – 9 %	42 чел. – 70 %	13 чел. – 21 %
Самопожертвование/ самовозвышение	7 чел. – 12 %	51 чел. – 85 %	2 чел. – 3 %
Грандиозные фантазии	13 чел. – 21 %	43 чел. – 71 %	4 чел. – 8 %
Нарциссическая хрупкость			
Неустойчивая самооценка	15 чел. – 25%	40 чел. – 67%	5 чел. – 8 %
Сокрытое Я	10 чел. – 17 %	45 чел. – 75 %	5 чел. – 8 %
Обесценивание	3 чел. – 5 %	42 чел. – 70 %	15 чел. – 25 %
Требовательная ярость	5 чел. – 8 %	42 чел. – 70 %	13 чел. – 22 %

Полученные результаты, представленные в Таблице 2, показали, что в раннем юношеском возрасте также при среднем уровне нарциссизма преобладает высокий уровень эксплуативности, самопожертвования / самовозвышения, грандиозных фантазий, неустойчивая самооценка, уровень обесценивания и требовательная ярость.

Т.е. все показатели нарциссической грандиозности указывают на высокий уровень заботы только о собственных интересах и стратегии самовозвышения. Личность пытается совладать с нарушением самооценки, культивируя чувство собственного превосходства над окружающими и уникальности, вовлекаясь в грандиозные фантазии. Личности такого типа совершают множество действий с целью вызвать восхищение, склонны реагировать яростью на критику, настойчиво предъявлять свои права, эксплуатировать других; они имеют опыт интенсивной зависти/агрессии и низкую эмпатию. Их можно охарактеризовать как стремящихся к межличностной власти и контролю, склонных к манипуляциям при отсутствии раскаяния, преувеличению собственной важности и ощущению привилегированности.

При этом нарциссическая хрупкость отражает ранимость «Я» (повышенную чувствительность) и нарушения эмоциональной саморегуляции (колебания самооценки, переживания стыда, гнева/ярости, тревоги). Регуляция самооценки у личностей этого типа поддерживается грандиозными фантазиями; одновременно они испытывают интенсивный стыд в отношении своих потребностей и амбиций. Основной проблемой для «уязвимого нарцисса» является именно стыд, а не зависть или агрессия, как в случае с

нарциссической грандиозностью.

Перечисленные черты проявляются при высоком и низком уровне нарциссизме, но как видно из представленной таблице, они проявляются намного реже, чем при среднем уровне. При низком уровне самыми яркими чертами являются неустойчивая самооценка, фантазии и сокрытие своего Я, а при высоком уровне эксплуативность, обесценивание и ярость. Наглядно результаты представлены на Рисунке 2.

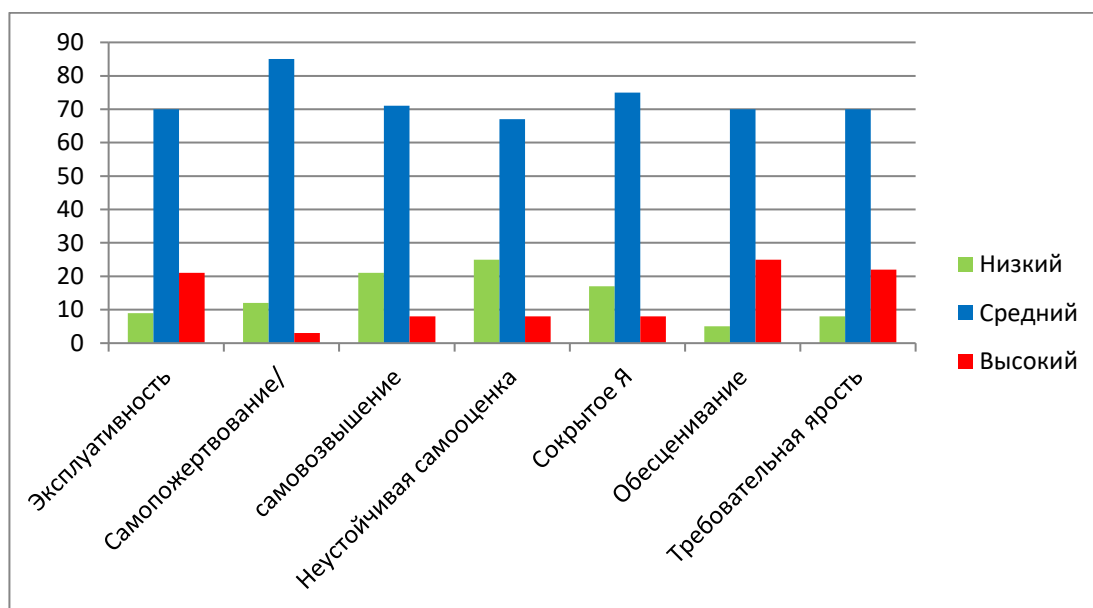

Рисунок 2. Результаты исследования семи явных и скрытых паттернов нарциссической грандиозности/уязвимости (по методике «Опросник патологического нарциссизма (PNI)» (А. Pincus, Е. Ansel)) (в %)

Таким образом, проведя вторую методику, нами было выявлено, что подавляющее большинство респондентов проявляются все черты нарциссизма, а именно: колебание в сфере самоуважения и срывы при нехватке восхищения и признания; манипулятивность, поиск способов для поддержки «раздутого» образа «Я»; нежелание открывать другим собственные ошибки и нужды и уход в собственные фантазии, нередко не связанные с реальной ситуацией в жизни; отсутствие интереса к другим людям.

Результаты исследования по методике Опросник Нарциссических черт личности (О. А. Шамникова, Н. М. Клепикова)), представленные в Таблице 3, Рисунке 3.

Таблица 3. Показатели оценки нарциссических состояний, характеризующихся совокупностью нарциссических черт (по методике «Опросник Нарциссических черт личности» (О. А. Шамникова, Н. М. Клепикова)) (в %)

	Количественное и процентное соотношение		
	Низкий	Средний	Высокий
Грандиозное чувство самозначимости	13 чел. – 22 %	46 чел. – 76 %	1 чел. – 4 %
Поглощённость фантазиями	10 чел. – 16 %	46 чел. – 76 %	4 чел. – 8 %
Вера в собственную уникальность	12 чел. – 20 %	39 чел. – 65 %	9 чел. – 15 %
Потребность в постоянном внимании и восхищении	3 чел. – 5 %	32 чел. – 53 %	25 чел. – 42 %
Ожидание особого отношения	0	36 чел. – 60 %	24 чел. – 40 %
Манипуляции в межличностных отношениях	0	27 чел. – 45 %	33 чел. – 55 %
Отсутствие эмпатии	0	52 чел. – 86 %	8 чел. – 14 %
Сверхзанятость с чувством зависти	7 чел. – 12 %	46 чел. – 76 %	7 чел. – 12 %
Дерзкое, заносчивое поведение	23 чел. – 38 %	33 чел. – 55 %	4 чел. – 7 %

Проанализированные результаты, полученные с помощью третьей методики показала, что у исследуемых молодых людей проявляется высокий уровень самозначимости, поглощённости сознания и вера в собственную уникальность, что способствует потребности в постоянной похвале и особого отношения, низкий уровень эмпатии, т.е. ее отсутствие, зависть к более успешным людям.

При высоком уровне нарциссизме большая часть черт не проявляется, но это не относится к частым манипуляциям другими людьми (33 чел. – 55 %), а также ожидание от других признание значимости нарциссов, что указывает на заслуженное по их мнению абсолютно заслуженно (24 чел. – 40 %). Наглядно результаты представлены на Рисунке 3.

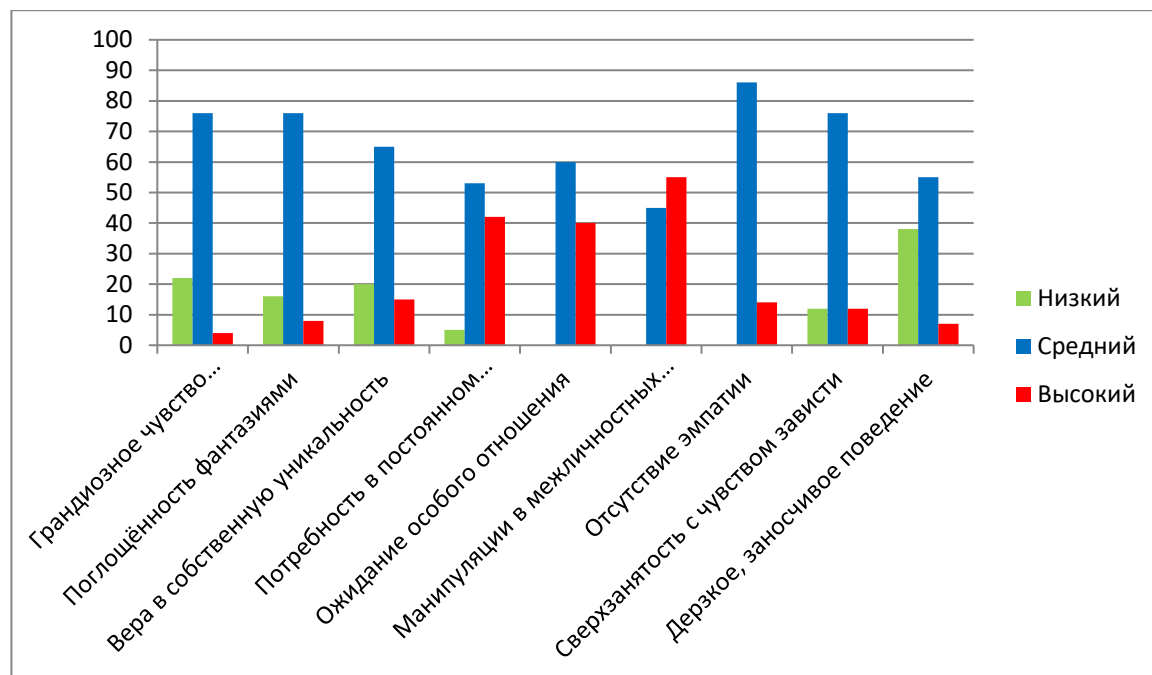

Рисунок 3. Результаты показателей оценки нарциссических состояний, характеризующихся совокупностью нарциссических черт (по методике «Опросник Нарциссических черт личности» (О. А. Шамникова, Н. М. Клепикова)) (в %)

Таким образом, третья методика показала, что при среднем уровне проявления нарциссизма можно увидеть преувеличение собственных способностей, достижений и в ожидании оценки себя окружающими как особо одаренной личности; поглощенность фантазиями; уверенность в собственной уникальности, которую могут оценить только избранные; постоянные попытки быть в центре внимания; сочетание жестокости со слабым контролем над агрессии.

На основе результатов трех методик мы можем провести анализ всех выявленных черт нарциссизма, чтобы выявить черты, характерные для большинства нарциссов раннего юношеского возраста.

Можно выделить черты, которые встречаются у респондентов с низким уровнем нарциссизма чаще всего: превосходство (27 чел. – 45%), избранность (29 чел. – 48%), использование людей (23 чел. – 39 %) и тщеславие (35 чел. – 58%).

При среднем уровне нарциссизма проявляется: авторитетность 45 чел. – 75%), эксплуативность (42 чел. – 70 %), самовозвышение (51 чел. – 85 %), грандиозные фантазии (43 чел. – 71 %), неустойчивая самооценка (40 чел. – 67%), сокрытое Я (45 чел. – 75 %), обесценивание (42 чел. – 70 %), требовательная ярость (42 чел. – 70 %), грандиозное чувство самозначимости (46 чел. – 76 %), поглощённость фантазиями (46 чел. – 76 %), вера в собственную уникальность (39 чел. – 65 %), потребность в постоянном внимании и восхищении (32 чел. – 53 %), ожидание особого отношения (36

чел. – 60 %), отсутствие эмпатии (52 чел. – 86 %), сверхзанятость с чувством зависти (46 чел. – 76 %), дерзкое, заносчивое поведение (33 чел. – 55 %)

У людей с высоким уровнем нарциссизма можно выделить такие черты, как использование людей (13 чел. – 22 %), самодостаточность (13 чел. – 22 %), эксплуативность (13 чел. – 21 %), обесценивание (15 чел. – 25 %), требовательная ярость (13 чел. – 22 %), потребность в постоянном внимании и восхищении (25 чел. – 42 %), ожидание особого отношения (24 чел. – 40 %), манипуляции в межличностных отношениях (33 чел. – 55 %).

Таким образом, мы можем выделить такие постоянные черты нарциссизма, как склонность к манипуляциям для получения желаемого. Люди находятся в своих фантазиях, поэтому испытывают чувство собственной значимости и исключительности, которое влияет на появление постоянного ожидания похвалы и восхищения от других людей, но при этом отсутствует эмпатия и заинтересованность в тех людях, которые не выражают нужную нарциссам реакцию, поэтому можно заметить заносчивое, нередко подчеркнуто высокомерное поведение. К тому же, если человек добился успеха или опередил нарцисса, то он становится объектом зависти, который стараются устранить.

Список литературы:

1. Ермолова Е. О. «Психопатология» повседневной жизни: к вопросу о нарциссизме и классификации нарциссических черт личности // Профессиональное образование в современном мире. 2021 Т. 11. № 2 С. 231–242.
2. Лазарева, Е. А. Период ранней юности как предмет психологического анализа // Национальная Ассоциация Ученых. 2016. № 5-2(21). С. 102-104.
3. Лига М. Б. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 2. С. 29–38.
4. Шаповал И. А. Психология дисгармонического дизонтогенеза. Расстройства личности и акцентуации характера: учебное пособие. Москва: ФЛИНТА, 2016. 301 с.
5. Шевелева Н. П. Нарциссическая акцентуация характера современных студентов, факторы, последствия и профилактик // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5(73). С. 126-130.
6. Ronningstam. E. Narcissistic Personality Disorder: A Current Review // Curr Psychiatry Rep. 2010. №12. P. 68–75.

УДК 37.016:93/99

Котоликова Т. Г.
МБОУ «Гимназия», Черногоorsk, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ ПО ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования понятийно-терминологической компетенции (ПТК) у обучающихся старших классов в контексте подготовки к государственной итоговой аттестации (ГИА) по истории. Автор анализирует структурные компоненты ПТК, её роль в достижении предметных и метапредметных образовательных результатов, а также связь с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов и контрольно-измерительных материалов (КИМ) Единого государственного экзамена. На основе системного подхода обосновывается тезис о том, что целенаправленное развитие ПТК является не вспомогательным, а центральным звеном в процессе исторической подготовки, непосредственно влияющим на успешность выполнения заданий повышенного уровня сложности, включая развернутые ответы. В работе предлагаются методологические принципы и практические направления работы по обогащению понятийного аппарата учащихся, формированию умений оперировать историческими терминами и концептами в различных познавательных ситуациях.

Ключевые слова: понятийно-терминологическая компетенция, историческое образование, государственная итоговая аттестация (ГИА), Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по истории, историческое понятие, терминология, ФГОС.

Цель исследования – установить особенности формирования понятийно-терминологической компетенции старшеклассников как ключевого элемента подготовки к государственной итоговой аттестации по истории. Проблема исследования состоит в том, что современная парадигма исторического образования в Российской Федерации, детерминированная положениями Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования, ориентирована на достижение комплекса личностных, метапредметных и предметных результатов. В рамках предметной области «История» ключевым становится не просто усвоение суммы фактологических знаний, а формирование целостного исторического мышления, способности к критическому анализу, интерпретации и конструктивному использованию исторической информации. Государственная итоговая аттестация, выступая в форме Единого государственного экзамена, является объективным инструментом верификации степени сформированности данных качеств у выпускников. Актуальность исследования обусловлена наличием

противоречия между возрастающими требованиями ГИА к уровню владения историческим понятийно-категориальным аппаратом и недостаточной методической проработанностью путей системного формирования соответствующей компетенции в массовой школьной практике. Целью данной статьи является теоретическое обоснование и методическая конкретизация процесса формирования ПТК старшеклассников как системообразующего элемента их подготовки к успешному прохождению итоговой аттестации по истории [1].

Как отмечают Ю. Е. Циммер, О. В. Щупленков, понятийно-терминологическая компетенция в дидактике истории трактуется как интегративное качество личности, проявляющееся в готовности и способности корректно, осознанно и адекватно контексту использовать систему исторических понятий и терминов для познавательной, оценочной и коммуникативной деятельности. Её структура включает взаимосвязанные компоненты, среди которых можно выделить когнитивный, операционально-деятельностный и ценностно-рефлексивный. Когнитивный компонент подразумевает наличие в долговременной памяти упорядоченной системы исторических понятий разного уровня обобщенности, знание их дефиниций, существенных признаков, этимологии, контекста возникновения и развития. Операционально-деятельностный компонент включает владение комплексом умений по работе с понятиями: идентификация и определение, классификация и сравнение, конкретизация примерами, установление взаимосвязей между понятиями, использование их для анализа источников, объяснения причин и следствий, построения доказательств и контраргументов. Ценностно-рефлексивный компонент предполагает понимание мировоззренческой нагрузки ключевых исторических концептов, осознание их интерпретационного потенциала и возможных смысловых искажений [2].

Формирование ПТК полностью соответствует системно-деятельностному подходу, закреплённому во ФГОС. Работа с понятиями трансформируется из цели обучения в средство достижения более сложных образовательных результатов. Нормативной основой для данной работы являются, помимо ФГОС, Историко-культурный стандарт (ИКС), который содержит перечень обязательных для изучения терминов и понятий, а также кодификатор элементов содержания ЕГЭ по истории, выступающий в качестве операционализованного перечня проверяемых единиц знания, значительную часть которого составляют именно понятия. Важно разграничить смежные, но не тождественные категории «термин» и «понятие». Термин — это слово или словосочетание, являющееся наименованием строго определенного понятия. Понятие же — это мысленное отражение существенных свойств, связей и отношений явлений исторической действительности. Задача педагога заключается в том, чтобы обеспечить переход от усвоения термина как вербальной формы к усвоению понятия как

смысловой и логической структуры. Процесс этот носит стадийный характер: от первичной идентификации к наполнению признаками, от конкретно-исторической иллюстрации к абстрагированию и, наконец, к свободному включению понятия в новые смысловые контексты.

Экзаменационная модель ЕГЭ по истории предъявляет к уровню развития ПТК комплексные требования, которые могут быть структурированы в соответствии с типами заданий. Задания базового уровня, предполагающие краткий ответ, проверяют знание терминов в их конкретно-историческом контексте, например, названия органов власти, договоров, социальных групп, экономических политик. Ошибки здесь часто носят характер подмены понятия или неточного его употребления, что может проявляться, например, в смешении таких понятий, как «опричнина» и «земщина». Задания повышенного уровня сложности, такие как задания на установление соответствия, анализ источника, работу с исторической картой или схемой, а также аргументацию, требуют применения понятийного аппарата для решения познавательной задачи. Например, задание на установление соответствия между процессами и фактами, их иллюстрирующими, невозможно выполнить без четкого понимания сущности указанных процессов. Анализ исторического источника предполагает умение «переводить» информацию текста на язык исторических понятий, выявлять авторскую позицию через используемую терминологию [3].

Задания высокого уровня сложности, в частности историческое сочинение, являются апофеозом проверки сформированности ПТК. Успешное написание сочинения по выбранной эпохе предполагает адекватное использование ключевых понятий, что выражается в описании событий, явлений, личностей с привлечением профессиональной лексики. Также необходимо осуществить причинно-следственный анализ, который раскрывает причины и следствия событий через увязку понятий, и сформулировать оценочные суждения с опорой на обобщающие концепты. Отсутствие развитой ПТК приводит к тому, что сочинение сводится к пересказу фактов, связанных простой хронологической последовательностью, без глубины анализа и обобщений, что не соответствует критериям оценивания.

Формирование ПТК должно носить целенаправленный, системный и поэтапный характер, интегрируясь во все формы учебной деятельности.

Первое важное направление — это систематизация и дифференциация понятийного аппарата. Необходимо выходить за рамки простого списка терминов к концу урока. Целесообразно создание тематических понятийных кластеров, схем-паутинок, логико-смысловых моделей, которые визуализируют связи между понятиями. Особое внимание следует уделять соотношению видовых и родовых понятий, а также противопоставлениям и оппозициям. Второе направление — многоуровневая работа с определением понятия.

Важно избегать механического заучивания определений. Эффективными приемами являются конструирование определения по алгоритму, сравнение дефиниций из разных источников и выявление инвариантных существенных признаков, «разворачивание» определения через подбор конкретно-исторических примеров, иллюстрирующих каждый признак, а также составление памятки-инструкции по разграничению сходных понятий [4].

Третье направление заключается в контекстуализации и актуализации понятий. Понятие «оживает» только в контексте. Задания должны требовать применения термина для анализа конкретной исторической ситуации, документа, оценки деятельности исторического лица. Например, можно предложить учащимся выявить черты политики «просвещенного абсолютизма» в «Наказе» Екатерины II или объяснить, почему введение «золотого стандарта» можно считать признаком модернизации финансовой системы. Четвертое, критически важное направление — это использование понятийного аппарата в письменной исторической речи. Данный элемент является ключевым в подготовке к ЕГЭ. Необходимо практиковать написание мини-эссе на заданное понятие, составление развернутого плана ответа по теме с обязательным использованием конкретных терминов, редактирование текстов с устранением терминологических ошибок и неточностей, а также поэтапное обучение написанию исторического сочинения с акцентом на обязательное включение и раскрытие ключевых для эпохи понятий. Пятое направление — контрольно-оценочная деятельность, направленная на диагностику ПТК. Помимо стандартных форм контроля, следует использовать специализированные задания, такие как «Объясните смысл понятия...», «Установите соответствие между понятием и его определением», «Какие из перечисленных понятий относятся к политике «военного коммунизма»?», «Исправьте ошибку в употреблении термина...», «Сформулируйте два аргумента «за» и два «против», используя понятия...» [5].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что целенаправленное формирование понятийно-терминологической компетенции является не фрагментарной методической задачей, а стержневым направлением в подготовке старшеклассников к государственной итоговой аттестации по истории. Эта работа выходит за рамки натаскивания на экзамен и отвечает стратегическим целям исторического образования, заложенным во ФГОС: развитию научного типа мышления, формированию способности понимать историческую логику общественных процессов, критически анализировать информацию и строить целостные интерпретации прошлого. Эффективное развитие ПТК возможно лишь при условии реализации системно-деятельностного подхода, при котором понятия не заучиваются изолированно, а становятся инструментом познавательной деятельности. Учителю необходимо проектировать учебный процесс таким образом, чтобы работа с терминологией была непрерывной, многоаспектной и углубляющейся

от курса к курсу. Использование разнообразных методических приемов, ориентированных на анализ, сравнение, контекстуализацию и применение понятий, позволяет преодолеть формализм в знаниях учащихся и вывести их на уровень осмысленного владения языком исторической науки.

Список литературы:

1. Иванова, К.А. Актуальные проблемы формирования понятийного аппарата при изучении истории в основной школе // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30082> (дата обращения: 11.01.2026).
2. Сайфутдинова, Г. Б. Особенности подготовки к сдаче ЕГЭ по дисциплине «История» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. №3-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podgotovki-k-sdache-ege-po-distipline-istoriya> (дата обращения: 11.01.2026).
3. Трофимова, Е. Д. Обобщение педагогического опыта. Новые подходы к формированию понятийного аппарата учащихся на уроках истории и обществознания / Е. Д. Трофимова. — Текст : непосредственный // Педагогическое мастерство : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). — Москва : Буки-Веди, 2014. — С. 98-106. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/144/6507>.
4. Циммер, Ю. Е., Щупленков, О. В. Формирование понятий на уроках истории через осуществление деятельностного подхода // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №9-1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ponyatiy-na-urokah-istorii-cherez-osuschestvlenie-deyatelnostnogo-podhoda> (дата обращения: 11.01.2026).
5. Шишкова, А. Р. Подготовка обучающихся к успешной сдаче ЕГЭ по истории / А. Р. Шишкова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 4 (503). — С. 215-218. — URL: <https://moluch.ru/archive/503/110630>.

УДК 372.881.111.1

Ивлянова Ю. И.

Научный руководитель: Шалыгина Я. П.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НЕПРОДУКТИВНОГО НАВЫКА ВОСПРИЯТИЯ НА СЛУХ НА ЭТАПЕ ТРЕНИРОВКИ У УЧАЩИХСЯ 6-7 КЛАССОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования видеоматериалов на этапе тренировки при развитии навыка аудирования у учащихся 6-7 классов. Обоснована эффективность видео для преодоления ключевых трудностей восприятия речи на слух. Представлены критерии отбора учебного видео и упражнения для преддемонстрационного и демонстрационного этапов работы, направленных на снятие языковых трудностей и отработку речевых навыков.

Ключевые слова: восприятие речи на слух, тренировка, видеоматериал, непродуктивный навык, работа с видео, аутентичные материалы.

Аудитивные умения играют ключевую роль в процессе обучения иностранным языкам. В 6-7 классах, когда учащиеся уже имеют базовые знания языка, важно акцентировать внимание на развитии навыков восприятия на слух. Развитие аудитивных умений способствует улучшению понимания устной речи, а также формирует основу для дальнейшего использования языка.

В современных образовательных учреждениях учителя часто используют видеоматериалы для более активного вовлечения учеников в образовательный процесс, а также для облегчения усвоения новой лексики и грамматики. Одним из главных достоинств использования видеоматериалов в обучении является то, что они активизируют различные аспекты психической деятельности, особенно внимание и память.

Существует две основные проблемы, связанные с развитием навыков аудирования, которые могут быть решены с помощью видеоматериалов. Во-первых, формирование навыков аудирования требует обучения умению понимать иностранный язык без перевода. Аудирование является тем видом речевой деятельности, который основывается на способности воспринимать язык напрямую, без интерпретации. Эту способность можно развивать на начальных этапах обучения, и лучший подход к этому – работать над механизмами аудирования [1, с. 4].

Во-вторых, важно научить студентов понимать речь не только одного человека, но и нескольких. В этом контексте использование видеороликов может значительно облегчить преодоление указанных трудностей [1, с. 4].

Из-за того, что не все материалы обладают образовательной ценностью, педагоги сталкиваются с необходимостью не просто находить видео, но и отбирать их в соответствии с определенными критериями.

Соловова Е. Н. привела обобщенный список наиболее универсальных критериев отбора видеоматериалов:

- содержание видео должно соответствовать уровню общего и языкового развития учащихся;
- видео должно соответствовать содержанию и задачам учебного процесса;
- видеоматериалы должны соответствовать интересам и потребностям обучающихся;
- время показа должно быть адекватным возможностям обучающихся и соответствовать конкретной учебной задаче;
- видео должно быть показано в высоком качестве, без задержек по звуку [3, с. 271].

Согласно принципу доступности, видеоматериалы должны содержать ограниченное количество незнакомых слов и грамматических структур. Однако с учетом особенностей восприятия аудиовизуального контента и основной цели – расширения словарного запаса студентов – возможно наличие значительного количества незнакомой лексики, до 20%. [4].

Важно помнить про основные этапы работы с видео. У каждого этапа есть своя цель, а также набор возможных заданий, для достижения поставленной цели. При работе с видео выделяют три основных этапа: преддемонстрационный; демонстрационный; последедемонстрационный.

Преддемонстрационный этап фокусируется на стимулировании интереса студентов и активном вовлечении их в образовательный процесс. На этом этапе могут быть предложены активности, такие как беглый просмотр фрагмента видео без звука, составление резюме по теме, создание списка новой лексики с переводами или задания формата «верно/неверно» [2, с.134].

Демонстрационный этап нацелен на систематическое развитие языковых и социокультурных компетенций. Здесь важно учитывать разные уровни способности учащихся к общению на иностранном языке. В это время особенно полезно использовать задания на поиск информации, которые помогают учащимся освоить конкретные лексические, грамматические и фонетические элементы [2, с.134].

Последедемонстрационный этап ориентирован на применение текста для укрепления навыков устной и письменной речи. В этот период можно также использовать упомянутые ранее упражнения, а также ролевые игры, построенные на сюжете видеоматериала [2, с.134].

За основу для упражнений был взят аутентичный видеоматериал – фильм «Барби». Материал соответствует уровню развития и интересам

учащихся, поскольку фильм новый, актуальный и содержит проблемную ситуацию для обсуждения.

Упражнения для этапа тренировки сконцентрированы на преддемонстрационном и демонстрационных этапах. Целью подготовительных заданий на преддемонстрационном этапе является снятие языковых трудностей при последующем просмотре материала, тренировка фонетических, лексических и грамматических навыков. Примеры подготовительных заданий, нацеленных на тренировку фонетических, лексических или грамматических навыков:

Task 1. Listen to the short dialogue and raise your red card for the affirmative sentences, your blue card for the interrogative and the green one for negative sentences.

- “- You are supposed to want to know.
- I don't.
- You have to want to know, okay? Do it again.
- I'm not an Adventure Barbie. I'm a Stereotypical Barbie.”

Task 2. Listen to the sentence and say how many words there are.

“You have to want to know, okay?”

Task 3. Listen to the short dialogue and try to guess the meaning of the new word according to the context.

- “- Are you scared?
- No!
- I **bet** you are scared.”

Task 4. Listen to the sentences and say if they mean almost the same or completely different.

“I'll be back in no time - I'll be back soon.
I'm not angry with you. - I'm mad at you.”

Task 5. Listen to the dialogue and raise your card when you hear Present Continuous Tense.

- “- I mean aren't you guys going to thank me and give me a big hug? For being your FAVORITE toy?
- We haven't played with Barbies since we were like 5 years old.
- Yeah. I hated dolls with hair.
- I played with Barbie but it was the last resort.
- I loved Barbie..”

Примеры упражнений для этапа тренировки для демонстрационного этапа:

Task 6. Fill in the gaps.

- “- Okay, so you're like _____ Barbie.
- No way! Barbie's not a _____! Barbie's a lawyer. And a _____. And a senator. And a _____ Prize winner.
- You're a Nobel Prize _____?
- Well, not me. But Barbie is.
- Don't you guys - I mean aren't you guys going to _____ me and give me a big hug? For being your _____ toy?
- We haven't played with Barbies since we were like _____ years old.
- Yeah. I hated _____ with hair.
- I played with Barbie but it was the last _____.
- I loved Barbie..
- Anyways. Even then it was _____ for us.
- Horrible? Why?”

Task 7. Choose the correct word to complete the dialogue.

- Sasha: Okay, so you're like _____ Barbie.
A) Doctor
B) Teacher
C) Regular
D) Super
Barbie: No way! Barbie's not a _____! Barbie's a lawyer. And a _____.
And a senator. And a _____ Prize winner.
A) Toy
B) Friend
C) Doll
D) Gadget
Girl 1: You're a Nobel Prize _____?
A) Winner
B) Loser
C) Nominee
D) Participant
Barbie: Don't you guys - I mean aren't you guys going to _____ me and give me a big hug? For being your _____ toy?
A) Save
B) Celebrate
C) Hug
D) Reject
Sasha: We haven't played with Barbies since we were like _____ years old.
A) 10
B) 15
C) 8
D) 12

Girl 2: Yeah. I hated _____ with hair.

- A) Playing
- B) Singing
- C) Cooking
- D) Fighting

Girl 1: I played with Barbie, but it was the last _____.

- A) Summer
- B) Christmas
- C) Time
- D) Year

Sasha: Anyways. Even then it was _____ for us.

- A) Wonderful
- B) Terrible
- C) Amazing
- D) Boring

Таким образом, использование аутентичных видеоматериалов на этапе тренировки доказывает свою высокую эффективность для развития навыка аудирования у учащихся 6-7 классов. Система работы, включающая тщательный отбор видео и последовательное применение упражнений на преддемонстрационном и демонстрационном этапах, позволяет преодолеть ключевые трудности восприятия иноязычной речи, способствуя развитию непродуктивного навыка.

Список литературы:

1. Бояркина Л. М., Боброва А. В. Использование видеоматериалов при обучении аудированию на уроке английского языка / Л. М. Бояркина, А. В. Боброва. - Текст : электронный // Научное обозрение: электронный журнал. - 2018. - № 4-1. - URL: <https://ceberleninka.ru/> (дата обращения: 15.10.2024).
2. Ковалев, А. П. Использование видеоматериалов на занятиях иностранными языками / А. П. Ковалев, П. А. Штарева. - Текст : непосредственный// A Posteriori. - 2023. - № 4. - С. 131-136.
3. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс: пособие для студ. пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова - 2-е изд. - М.: АСТ: Астрель, 2010. - 271 с. — Текст : непосредственный. - ISBN 978-5-17-048998-5
4. Сухарева, Т. Н. Критерии отбора англоязычных видеоматериалов в контексте расширения словарного запаса обучающихся неязыкового вуза / Т. Н. Сухарева. - Текст : электронный // Наука и Образование. - 2022. - Т.5, No 3. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50041678> (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 37.016:51:330

Иремадзе Э. О., Антикаева Р. Н., Мухаметова М. И.
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, Стерлитамак,
Россия

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КАТАЛИЗАТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация: В статье рассматривается потенциал интерактивных цифровых технологий для повышения эффективности обучения решению математических задач с экономическим содержанием в средней школе. Анализируется, как инструменты визуализации, динамического моделирования и симуляции преодолевают абстрактность традиционных методов, способствуя глубокому пониманию финансовых концепций и развитию прикладных навыков. Приводятся конкретные методические кейсы и практические рекомендации по интеграции данных технологий в учебный процесс.

Ключевые слова: экономико-математические задачи, функциональная грамотность, интерактивные технологии, финансовая грамотность школьников, GeoGebra, облачные таблицы, цифровые симуляторы, методика преподавания математики.

Актуальность интеграции экономического содержания в школьный курс математики неоспорима в контексте формирования функциональной грамотности, определяемой международными исследованиями PISA как способность применять знания в реальных жизненных ситуациях. Традиционное преподавание зачастую сводит экономические задачи к шаблонным упражнениям на проценты, кредиты и вклады, решаемым по алгоритму. Это порождает ключевую проблему: ученики, успешно справляясь с вычислениями, не формируют подлинного понимания стоящих за ними финансовых процессов – инфляции, рисков, временной стоимости денег, оптимизации ресурсов. [5, 7].

Цель данной статьи – продемонстрировать, что интерактивные технологии являются не просто техническим дополнением, а методологическим ядром, трансформирующим подход к решению экономико-математических задач. Они позволяют перейти от абстрактных вычислений к наглядному исследованию, эксперименту и моделированию, тем самым обеспечивая достижение метапредметных и личностных образовательных результатов. [1, 3].

Гносеологический барьер абстракции и его преодоление через визуализацию.

Ключевая сложность экономических задач для школьника лежит в плоскости абстрактности. Понятия «сложный процент», «эффективная

ставка», «дисконтирование» плохо улавливаются через статичные формулы в учебнике.

Как помогают интерактивные технологии:

- Динамическая геометрия (GeoGebra): Позволяет визуализировать зависимость итоговой суммы вклада или долга по кредиту от срока, процентной ставки, типа начисления. Ученик не просто подставляет числа в $S = P(1+r)^n$, а с помощью ползунка наблюдает, как кривая графика «взлетает» при увеличении ставки или времени. Это формирует интуитивное понимание экспоненциального роста. [7]

- Интерактивные диаграммы и инфографика: Построение круговых диаграмм семейного бюджета в реальном времени (например, в Canva или онлайн-конструкторах) помогает осознать доленое распределение, а изменение одной статьи расходов мгновенно отражается на всей структуре, делая задачи на оптимизацию бюджета осязаемыми. [11].

От решения задачи к проведению исследования: технологии моделирования

Экономика – наука о выборе в условиях ограниченных ресурсов. Интерактивные среды моделирования переводят ученика из пассивного решателя в активного исследователя. [2, 4].

Кейс: «Оптимизация бизнес-плана мини-кафе» (9-11 класс).

- Инструмент: Облачные таблицы (Google Sheets, Microsoft Excel Online).

- Суть: Ученикам даются базовые параметры: аренда, стоимость ингредиентов, цена чашки кофе, предполагаемый трафик. Задача – через изменение управляемых параметров (цену, закупочные объемы) найти точку безубыточности.

- Интерактивная составляющая:

1. Ученики работают с формулами, связывающими ячейки.
2. Используют инструмент «Подбор параметра» для нахождения целевой прибыли.
3. Строят динамические графики зависимости прибыли от объема продаж.
4. Анализируют сценарии («Что, если?»): что произойдет с прибылью, если поставщик повысит цены на 10%?

- Образовательный результат: Формируется системное мышление, понимание взаимосвязи переменных, отрабатывается навык работы с данными – ключевая компетенция XXI века.

Погружение в контекст и формирование личной ответственности через симуляцию

Игровые симуляторы и платформы создают безопасную среду для совершения «финансовых ошибок» и анализа их последствий без реальных потерь. [9, 12].

Примеры технологий и их вклад:

- Специализированные финансовые симуляторы (упрощенные аналоги игр like «Virtonomics» или платформы «Финансовая грамотность» от ЦБ РФ): Учащиеся управляют виртуальным капиталом, принимая решения об инвестициях, страховании, кредитах. [12] Математические расчеты (подсчет доходности, рисков) становятся средством для достижения игровой цели – победы в симуляции. [9].

- Ролевые квесты на базе интерактивных презентаций (Genially, H5P): Ученик проходит сценарий, например, «Выбор финансовой стратегии для молодой семьи». В каждой точке принятия решения (взять ипотеку или копить, выбрать депозит или ИИС) необходимо провести расчеты, результаты которых определяют дальнейший сюжет. Это связывает математику с личной жизненной траекторией. [1, 5].

Практические рекомендации по интеграции в учебный процесс

Для эффективного применения интерактивных технологий необходима системная работа:

1. Этапность внедрения:

- Уровень 1 (5-7 класс): Использование простых визуализаторов и игр для формирования базовых понятий (проценты, бюджет).

- Уровень 2 (8-9 класс): Работа с облачными таблицами для решения прикладных задач (планирование, анализ простых графиков).

- Уровень 3 (10-11 класс): Реализация проектов с использованием комплексных симуляторов и моделей для анализа экономических процессов.

2. Методический дизайн занятия: Урок должен строиться по схеме «Проблемная ситуация (кейс) -> Работа с интерактивной моделью в малых группах -> Анализ данных и поиск решений -> Презентация и обсуждение стратегий». Роль учителя смещается от транслятора к модератору и консультанту.

3. Критерии оценки: Смещение акцента с проверки конечного ответа на оценку процесса: умения построить модель, адекватно выбрать параметры, проанализировать полученные данные, аргументировать принятое решение.

Применение интерактивных технологий при решении экономико-математических задач кардинально меняет образовательную парадигму. [2, 6] Они выступают мостом между абстрактной математической теорией и сложностью реальных социально-экономических отношений. [4, 7] В результате достигается не только более глубокое усвоение предметного содержания (математики и основ экономики), но и формируются критически важные компетенции: цифровая грамотность, аналитическое и критическое мышление, умение принимать обоснованные решения. [1, 5].

Перспективы развития данного направления связаны с созданием открытой библиотеки готовых интерактивных модулей (скриптов для GeoGebra, [8] шаблонов таблиц, [9] сценариев квестов[10]), адаптированных

под конкретные темы школьной программы, а также с повышением цифровой компетентности самих педагогов через систему методической поддержки и обмена лучшими практиками. [6, 10]

Список литературы:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287). – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/7aa3eea3c5475bacbab1d2d17a8e064b/> (дата обращения: 20.10.2023).
2. Концепция развития математического образования в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 2506-р). – URL: <http://static.government.ru/media/files/ooAM1W1i7Qc.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).
3. Азевич, А.И. Двадцать уроков гармонии: Гуманитарно-математический курс / А.И. Азевич. – М.: Школьная пресса, 1998. – 160 с. – (Библиотека журнала «Математика в школе». Вып. 5).
4. Далингер, В.А. Методика обучения математике. Когнитивно-визуальный подход / В.А. Далингер. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 285 с. – (Образовательный процесс).
5. Татарченко, С.С. Интерактивные технологии в образовании: учебно-методическое пособие / С.С. Татарченко. – СПб.: Книжный дом, 2013. – 189 с.
6. Шибасов, Л.П. За страницами учебника математики: (Математический анализ. Теория вероятностей): Кн. для учащихся 10–11 кл. / Л.П. Шибасов, З.Ф. Шибасова. – М.: Просвещение, 2008. – 320 с.
7. Буренина, Е.С. Цифровые симуляторы в экономико-математической подготовке старшеклассников / Е.С. Буренина // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. – С. 145. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30345> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Федерация Интернет Образования» (образовательные проекты и ресурсы). – URL: <https://www.fio.ru> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Портал «Единый урок.рф» (раздел «Финансовая грамотность»: методические материалы и интерактивные задания). – URL: <https://единыйурок.рф> (дата обращения: 20.01.2025).
10. Образовательные материалы по финансовой грамотности Центрального банка Российской Федерации. – URL: <https://fincult.info> (дата обращения: 20.01.2025).

УДК 378.147:796

Синюгин Е. Е., Шеронов В. В.

Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Ростов-на-Дону, Россия

МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ В СПОРТИВНЫХ СЕКЦИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются мотивационные факторы, определяющие участие студентов в спортивных секциях в условиях современного высшего образования. Проведён анализ социологических и педагогических исследований, выявлены ключевые внутренние и внешние детерминанты физической активности студенческой молодёжи. Отмечено, что несмотря на признание значимости спорта для здоровья и социализации, уровень вовлечённости остаётся низким вследствие институциональных, организационных и личностных барьеров. Обоснована необходимость формирования комплексных программ мотивации, модернизации спортивной инфраструктуры и интеграции физической культуры в образовательную среду вуза как стратегического направления воспитания здорового поколения.

Ключевые слова: вовлечённость студентов, здоровый образ жизни, мотивация, образовательная среда, спорт, физическая активность, физическая культура

Развитие физической культуры и спорта в XXI веке не только повлияло на разные стороны жизни людей, но и значительно изменило место и роль физической культуры и спорта в жизни общества, способствовало повышению значимости связанных с ним социальных проблем. Данные изменения повлекли необходимость социологических исследований по изучению изменений, связанных с ролью спорта в жизни людей, особенно молодежи.

Современный этап развития системы высшего образования, характеризующийся возрастанием объёмов учебных нагрузок, ускорением темпа информационных потоков и усилением когнитивной нагрузки на студенческую молодёжь, делает проблему сохранения и укрепления физического и психического здоровья студентов особенно актуальной; в этих условиях организация системной спортивной активности, представляемой преимущественно через спортивные секции и факультативные занятия физической культурой, выступает не просто как форма досуга, но как важнейший компонент, способствующий гармоничному развитию личности.

Согласно многочисленным эмпирическим исследованиям, регулярные занятия физической культурой и спортом оказывают комплексное положительное влияние на здоровье студентов: они укрепляют сердечно-сосудистую систему, способствуют нормализации обмена веществ, повышению выносливости, укреплению мышечной массы и, как следствие, уменьшению риска хронических заболеваний [1].

Помимо физиологических преимуществ, занятия спортом оказывают благотворное влияние на психическое состояние и когнитивные способности обучающихся: так, регулярная физическая активность ассоциируется с улучшением сна, снижением уровня тревожности и депрессивных проявлений, улучшением психологической устойчивости, что в совокупности повышает качество жизни и способствует успешной социализации студента [14].

В современных российских вузах наблюдается устойчивый тренд на снижение двигательной активности среди студентов, что во многом обусловлено как институциональными, так и индивидуальными факторами, создающими объективные препятствия на пути к регулярным занятиям спортом. Исследования, проведенные в ряде вузов страны, демонстрируют, что сокращение количества практических занятий по дисциплине «Физическая культура и спорт», снижение часов, отводимых на физическую подготовку в учебных планах, а также дефицит спортивной инфраструктуры приводят к уменьшению физической подготовленности и слабой вовлеченности обучающихся [13].

В эмпирическом исследовании Мотивы и препятствия физической активности студентов университетов, охватившем 648 студентов трёх российских вузов, выявлены ключевые барьеры регулярной физической активности – недостаток времени, нехватка энергии, дефицит силы воли и материальных ресурсов, тогда как страх травмы оказался наименее значимым [3]. Причём значительная часть студентов отмечает, что учебная нагрузка, занятость и необходимость подрабатывать (комбинация учёбы и работы) не оставляют им возможности для систематических тренировок, что фактически исключает спорт из их распорядка дня [7].

У студентов есть много причин, которые не позволяют им вести подвижный образ жизни. Прежде всего, это отсутствие свободного времени, так как студенты постоянно находятся в процессе обучения, они очень устают, и все свое свободное время стараются потратить на отдых и развлечения, что, в свою очередь, отбивает какую-либо мотивацию поддерживать свой организм в тонусе. Существует еще много причин, влияющих на мотивацию студентов для поддержания здорового образа жизни. Поэтому очень важно знать, что сейчас мешает студентам подходить к своему здоровью рационально, чтобы сохранить у них хорошую мотивацию вести подвижный образ жизни и сохранить свое здоровье в дальнейшей жизни. Так как студенты – это будущий ресурс человечества, будущие изобретатели, работники, родители и так далее, и их здоровье является источником благополучного будущего [4].

Кроме того, социально-культурные и психологические факторы также играют существенную роль: в ряде исследований подчёркивается, что у части студентов – особенно среди девушек – отмечается низкое восприятие физической активности как необходимого и приоритетного занятия, либо

присутствует убежденность, что спорт не имеет для них приоритетного значения, либо считают, что занятость в учебе «заменяет» физическую активность [5].

Наконец, в масштабных социологических опросах, охватывающих более широкий круг молодежи, отмечаются устойчивые факторы, удерживающие от регулярных занятий спортом – среди них: нехватка времени (примерно 40 %), проблемы со здоровьем, а также недостаток мотивации и силы воли [2].

Такие системные и индивидуальные барьеры – как институционального, так и личного характера – объективно ограничивают вовлеченность значительного числа студентов в спортивные секции, что, в свою очередь, осложняет задачу формирования среди студенческой молодежи устойчивой мотивации к физической активности и ведет к росту гиподинамии.

В разнообразных эмпирических исследованиях, посвященных анализу физической активности студентов российских вузов, демонстрируется, что значительная часть обучающихся либо участвует нерегулярно в спортивных секциях, либо вовсе не вовлечена в систематические занятия, – что свидетельствует о разрыве между наличием доступной инфраструктуры и реальным уровнем использования возможностей для спорта. В частности, в исследовании 648 студентов из трех университетов выявлено, что, хотя многие респонденты отмечали для себя важность здоровья, силы и выносливости как мотивационных стимулов, значительная доля указывала на нехватку времени, энергии, силы воли и материальных ресурсов как главные препятствия к регулярной физической активности [3].

При этом, как показывает анализ, на решение студента участвовать (или не участвовать) в спортивной деятельности влияет сочетание внутренних мотивов – оздоровительных, стремления к поддержанию физической формы, самосовершенствования, эстетического самовосприятия, – и внешних условий: доступность и качество спортивной инфраструктуры, удобство расписания, поддержка со стороны вуза, наличие тренерского состава, а также социальная среда и образовательная нагрузка [8].

Стоит отметить, что эффективность мотивации к занятиям спортом проявляется неодинаково у студентов разных групп: по полу, по направлению обучения, по уровню вовлеченности – исследователи выявляют значительные межгрупповые различия в мотивационных ориентациях и барьерах, что указывает на необходимость дифференцированного подхода при анализе факторов, влияющих на спортивную активность [12].

В современных исследованиях, посвященных студенческому спорту в российских вузах, выделяются значительные структурные и мотивационные проблемы, препятствующие устойчивому вовлечению молодежи в регулярную физкультурно-спортивную активность, при этом одновременное выражение перспективных направлений развития указывает на потенциал коррекции сложившейся ситуации.

Среди наиболее устойчивых проблем – во-первых, недостаточная материально-техническая база: многие вузы не располагают современным спортивным оборудованием, либо инфраструктура морально устарела, что снижает привлекательность занятий спортом; кроме того, нехватка инвентаря и слабое состояние спортивных залов и площадок ограничивают возможности для регулярных тренировок [11].

Во-вторых, важным препятствием остаётся неудобство организации занятий: строгий академический график, высокая нагрузка по учёбе, частые внеучебные обязательства (подработки, практика, проекты) препятствуют включению спорта в повседневную жизнь студента, а факультативный или непостоянный формат занятий усиливает поверхностность вовлечённости [6].

В-третьих – это слабая мотивация, часто выраженная лишь как формальное выполнение требований (например, «для зачёта»), а не как осознанная потребность в здоровье, самосовершенствовании или социализации; при отсутствии устойчивой внутренней мотивации занятия спортом носят эпизодический характер либо прекращаются вовсе [9].

Тем не менее, существуют и перспективные направления, которые, по мнению исследователей, способны повысить уровень вовлечённости студентов:

1. Разработка и внедрение комплексных программ мотивации, включающих педагогические, социальные и организационные меры: адаптация расписания, формирование спортивных клубов и культур активности, персонализация тренировочного процесса, что способствует формированию устойчивой привычки к здоровому образу жизни.

2. Модернизация и расширение спортивной инфраструктуры – обновление залов, закупка современного оборудования, создание гибких пространств (фитнес-зоны, групповые классы, воркаут-площадки), что делает спорт более доступным и комфортным для студентов с разным уровнем подготовки.

3. Укрепление роли вуза как организатора системной спортивной и физкультурно-оздоровительной деятельности, что предполагает не только факультативные занятия, но и культивирование культуры ЗОЖ, информирование, проведение мероприятий, стимулирование добровольной вовлечённости, а также поддержку студентов-новичков, не имеющих спортивного опыта [10].

Проведённый анализ показал, что участие студентов в спортивных секциях представляет собой сложный, многофакторный процесс, детерминированный как внутренними мотивационными установками личности, так и внешними социально-организационными условиями. Рассмотренные исследования убедительно демонстрируют, что регулярная физическая активность оказывает системное воздействие на здоровье, эмоциональное состояние и академическую успешность обучающихся,

формируя предпосылки для полноценного личностного и профессионального развития. Однако, несмотря на осознание пользы спорта, уровень вовлечённости студентов остаётся недостаточным – и эта тенденция сохраняется в большинстве российских вузов.

Выявленные проблемы – дефицит спортивной инфраструктуры, ограниченность времени, слабая индивидуализация программ физической подготовки и низкая внутренняя мотивация – свидетельствуют о необходимости системной модернизации подходов к организации спортивной деятельности. В то же время перспективы развития очевидны: формирование комплексных мотивационных стратегий, интеграция физической культуры в образовательное пространство, расширение возможностей самореализации студентов через спортивные инициативы и развитие клубного движения способны изменить отношение молодёжи к физической активности, превратив её в устойчивую норму поведения.

Следовательно, ключевая задача современного вуза – не просто предоставить условия для занятий спортом, но создать социально и психологически комфортную среду, где физическая культура воспринимается не как формальная обязанность, а как ценность и элемент личной идентичности. Реализация таких подходов позволит не только повысить уровень физической активности студентов, но и укрепить их адаптивность, стрессоустойчивость и социальную интеграцию, что, в конечном счёте, способствует формированию здорового и конкурентоспособного поколения специалистов.

Список литературы:

1. Богданов Д. Р., Шейко Г. А. Влияние физической активности на здоровье студентов // Теория и практика современной науки. 2024. №2 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-fizicheskoy-aktivnosti-na-zdorovie-studentov> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Спорт для всех // Аналитический обзор. — Москва: ВЦИОМ, 2024. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh> (дата обращения: 29.11.2025).
3. Зотова Ф. Р., Хамидуллина Г. Ф., Бубякина Е. В., Карпов А. Н., Хуснутдинова Р. Г. Мотивы и препятствия физической активности студентов университетов // Наука и спорт: современные тенденции. — 2023. — Т. 11, № 4(42). — URL: <https://sciencesport.ru/journals/tom-11-nos-2023/articles/motivy-i-prepyatstviya-fizicheskoy-aktivnosti-studentov> (дата обращения: 29.11.2025).
4. Иванов В.Д., Кондакова Ю.П. Проблемы мотивации студентов к физкультурно-спортивной деятельности // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-motivatsii-studentov-k-fizkulturno-sportivnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 29.11.2025).
5. Николаев, Е. Л. Специфика физической активности российских и иностранных студентов: мотиваторы, барьеры, самооценка / Е. Л. Николаев, И. Е. Поверинов. — DOI 10.15507/2413-1407.113.028.202004.843-865 // Регионология.} 2020.—Т.

- 28, №4.—С. 843-865 -
Url:https://regionsar.ru/sites/default/files/2020_4/nikolaev.pdf?ysclid=mktvgexgno913227995
6. Лыженкова, Р. С. «Развитие мотивации к занятиям физической культурой студентов: проблемы и пути решения» // Педагогика и психология образования, 2025.
  7. Мещерякова, Е. А. Влияние регулярной физической активности на успеваемость и психоэмоциональное состояние студентов / Е. А. Мещерякова // Современные проблемы науки и образования. — 2023. — № 5. — URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/vliyanie-regulyarnoj-fizicheskoy-aktivnosti-na-uspevaemost-i-psikhoemotsionalnoe-sostoyanie-studentov.html> (дата обращения: 29.11.2025).
  8. Прокофьева Д. Д. Мотивация студентов к занятиям физической культурой и спортом в высших учебных заведениях // Физическая культура, спорт и здоровье. — 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-zanyatiyam-fizicheskoy-kulturoy-i-sportom-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah> (дата обращения: 29.11.2025).
  9. Сидоров, Д. Г., Сидорова, О. В. Исследовательские адаптационно-мотивационные показатели занятий физкультурой и спортом студентов первокурсников. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2024.
  10. Туровский А.Н. Развитие студенческого спорта в условиях российских вузов: проблемы и перспективы // МНКО. 2019. №6 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-studencheskogo-sporta-v-usloviyah-rossiyskih-vuzov-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 29.11.2025).
  11. Шагалин А. К., Щанина Е. В. Спорт и студенческая молодежь: состояние, проблемы, направления развития // Миссия конфессий. 2023. №73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-i-studencheskaya-molodezh-sostoyanie-problemy-napravleniya-razvitiya> (дата обращения: 29.11.2025).
  12. Школина Т. И., Семенова А. С. Анализ мотивации студентов к физкультурно-спортивной деятельности (на примере тренажёрного зала учебно-спортивного комплекса) // Молодой учёный. — 2023. — № 52 (499). — С. 360–363. — URL: <https://moluch.ru/archive/499/109583> (дата обращения: 29.11.2025).
  13. Шрамченко, Н. В. Проблемный вопрос физического воспитания студентов вузов / Н. В. Шрамченко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 27 (526). — С. 308-311. — URL: <https://moluch.ru/archive/526/116501> (дата обращения: 29.11.2025).
  14. Han, X., Li, H., Xiao, S. et al. Физическая активность улучшает психическое здоровье студентов за счёт социальной адаптивности и опосредования поведения, связанного с физическими упражнениями. Sci Rep 15, 21127 (2025). <https://doi.org/10.1038/s41598-025-07791-z>

УДК 316.61

Круглова Е. Н.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

ОБЩЕНИЕ СО СВЕРСТНИКАМИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ «Я-КОНЦЕПЦИИ»

Аннотация: В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования влияния общения со сверстниками на формирование «Я-концепции» подростков. В ходе исследования была выявлена статистически значимая положительная взаимосвязь между социометрическим статусом и уровнем развития самооценки и самопринятия, что подтверждает влияние общения на процесс формирования и структурирования Я-концепции подростков.

Ключевые слова: общение, подростковый возраст, «Я-концепция», социометрический статус, сверстники.

В настоящее время не теряют своей актуальности исследования, посвященные особенностям общения в разные возрастные периоды, в частности, в подростковом возрасте. В этом возрасте формируется база для социального и эмоционального развития, при этом вербальное и невербальное взаимодействие с окружающими играет решающую роль в становлении личности. Через диалоги и совместную деятельность подростки познают границы собственного «Я», учатся эмпатии и адаптации к социальным нормам, что напрямую влияет на их когнитивные способности и эмоциональный интеллект. Отсутствие полноценного общения может привести к социальной изоляции и развитию различных расстройств, тогда как его наличие способствует гармоничному развитию личности и закладывает фундамент для дальнейших межличностных отношений на протяжении всей жизни [4].

Общение оказывает значительное влияние на развитие личности и самосознания подростков, в частности, на такую его структуру как «Я-концепция». «Я-концепция» представляет собой переживание собственного существования, формирующееся через понимание себя, опыт и взаимодействие с окружающими, выступая одновременно как организующая система, объединяющая личность, и как объект самовосприятия. Она выполняет важные функции в самоуправлении, объяснении своих поступков, формировании ожиданий и оценке результатов своей деятельности [1].

Вопрос формирования «Я-концепции» в подростковом возрасте представляет собой значимую научную проблему, отраженную во множестве исследований. Выготский Л.С. раскрывает психологические механизмы развития человека, что служит фундаментальной базой для понимания становления самосознания в подростковом возрасте [2]. Бесаева А.Г., Кочисов

В.К. и Гогицаева О.У. рассматривают «Я-концепцию» как детерминанту личностного самоопределения, тогда как Долгова В.И. и Кошелева А.А. анализируют феномен «Я-концепции» подростка в контексте его возрастных особенностей [1, 3]. Марцинковская Т.Д. исследует психологию подростка через призму модернизации общества, а Сачкова М.Е. изучает психологические особенности подросткового возраста, затрагивая вопросы общения и его влияния на формирование «Я-концепции» в подростковом возрасте [5].

Несмотря на наличие научных работ, посвященных общению и особенностям формирования «Я-концепции» в подростковом возрасте, проблема влияния общения со сверстниками на ее формирование во время подросткового возраста изучена недостаточно. Существующие исследования либо акцентируют внимание на внутреннем мире личности подростка, либо на её взаимодействии с взрослыми, оставляя в стороне специфический характер взаимодействия подростков со сверстниками. Выявленный в научной литературе пробел достаточно существенен, так как именно общение со сверстниками выступает ключевым фактором, определяющим социальную идентичность и самооценку подростка, формируя его представление о собственных возможностях и границах.

Таким образом, возникает необходимость в теоретическом и эмпирическом изучении общения со сверстниками в подростковом возрасте и его влияния на формирование «Я-концепции».

Подростковый возраст, который начинается в 10-13 лет у девочек и 11-13 лет у мальчиков и продолжается до 15-18 и 16-18 лет соответственно, характеризуется значительными психическими изменениями, следующими за физиологическими, и направленными на формирование личности. Этот возрастной период проявляется в стремлении подростка к признанию себя взрослым и поиске близкого единомышленника, полного принятия и понимания [5].

Подростковый возраст является первым этапом взросления, когда происходят физиологические и психические изменения, приводящие к сдвигу интересов на социальную сферу и формированию личности. В этот период Л.С. Выготский выделяет два критических этапа: 13 лет, когда начинают формироваться личностные запросы на индивидуальность, и 14-15 лет, когда подросток демонстрирует выработанные особенности характера [2].

Эмоциональная сфера подростков характеризуется рядом особенностей, включая повышенную возбудимость, что приводит к импульсивным решениям и конфликтам, длительную обидчивость и стремление к мести, а также высокий уровень тревожности. Названные особенности усугубляются противоречивостью поведения, вызванной нестабильностью эмоционального состояния, и возникновением сильной озабоченности как собственной самооценкой, так и мнением окружающих, что делает принадлежность к

социальной группе особенно значимой. В этом возрасте дружба преобразуется в глубокое и ответственное чувство, формируются первые политические взгляды, и закладывается основа системы личностных ценностей, определяющая важнейшие черты характера, внешность и деятельность самого подростка и его окружения [4].

Учитывая сложность и противоречивость эмоциональной сферы подростков, именно общение становится ключевым механизмом для их самореализации и адаптации в социуме. Общение со сверстниками в подростковом возрасте становится ведущей деятельностью, способствующей самореализации личности, рефлексии и формированию идентичности. В этом процессе группа оказывает решающее влияние на подростка, проявляясь через стадное чувство и конформизм, с одновременно возрастающим интересом к противоположному полу, отношения с которым могут проявляться от скрытой влюбленности до открытого взаимодействия [5].

Группа сверстников выступает для подростка микросредой, где он находит эмоциональное понимание и сведения, недоступные от взрослых, одновременно развивая навыки социального взаимодействия, что способствует его автономии и дает чувство защищенности.

Участие подростка в общении определяется комплексом внешних и внутренних факторов, где к внешним относятся его статус в коллективе и внешность, а к внутренним — личностные качества, установки и развитость коммуникативных навыков, среди которых ключевую роль играют умение понимать других и быстро адаптироваться к ситуации [5].

Общение, особенно в подростковом возрасте, является не просто механизмом обмена информацией, но и инструментом формирования личности и, в частности, «Я-концепции» [3]. «Я-концепция» может пониматься двояко: как динамический процесс, объединяющий личность в целостную систему через защитные механизмы и установки, и как объект исследования, представляемый индивидуальным восприятием, доступным осознанию, при этом провести четкую грань между этими двумя подходами на практике оказывается весьма затруднительно [1].

Общение со сверстниками позволяет подростку глубже понять себя через сравнение различных точек зрения и переосмысление собственных убеждений, формируя его «Я-концепцию» под одновременным влиянием как стремления к конформизму и принадлежности группе, так и необходимости поиска собственной идентичности и самостоятельного выделения из окружения [3].

Подростковый возраст характеризуется переосмыслением ценностей и смещением акцентов во взаимоотношениях с семьей, школой и сверстниками, что определяет уникальную социальную ситуацию развития, в рамках которой формирующаяся «Я-концепция» становится сознательной и рефлексивной системой представлений о себе, под влиянием как внутренних изменений, так

и внешних факторов, в особенности копирования черт характера взрослых, и задает вектор развития всей последующей жизни подростка [3].

Процесс межличностного взаимодействия выступает ключевым механизмом формирования представлений подростка о собственной личности, поскольку именно в диалоге происходит верификация личностных качеств и самоопределение индивида в социальной иерархии. Получая информацию о том, как его воспринимают окружающие, подросток интегрирует эти данные в существующую когнитивную структуру, тем самым уточняя границы своего социального «Я», что проявляется в коррекции самооценки и переосмыслении личных ценностей. Тактильные невербальные реакции и вербальные оценки значимых других становятся тем зеркалом, в котором подросток видит не только свои реальные возможности, но и потенциальные векторы собственного развития [3].

Общение с окружением предоставляет подростку возможность сопоставить свои убеждения с чужими точками зрения, вызывая когнитивный диссонанс, разрешение которого через конформизм или автономизацию обогащает его «Я-концепцию», при этом эмоциональная поддержка группы способствует формированию позитивной самооценки, а критическое отношение инициирует процесс саморефлексии и достижения внутренней гармонии [3].

Для изучения влияния общения на формирование «Я-концепции» в подростковом возрасте было организовано эмпирическое исследование. Исследование проводилось на базе МАОУ Лицей № 6 г. Северобайкальска. В качестве испытуемых были отобраны 24 учащихся подросткового возраста 6 класса.

В рамках исследования были применены следующие методики: «Социометрия» (Дж. Морено), методика диагностики особенностей «Я-концепции» (Е. Пирс, Д. Харрис, модификация А.М. Прихожан). В качестве инструмента математической статистики был использован коэффициент Спирмена.

С помощью вышеуказанного диагностического инструментария были исследованы следующие параметры: социометрический статус как показатель особенностей общения между подростками, самооценка и самопринятие как компоненты «Я-концепции».

Методика «Социометрия» Дж. Морено предназначена для диагностики социометрического статуса учащихся и, тем самым, для анализа структуры эмоциональных связей в подростковой группе. Социометрический статус, определяемый качественно как предписываемая индивидуальная позиция и количественно через подсчет позитивных и негативных выборов, формирует иерархию социальных позиций, отражающую самооценку каждого члена группы и его восприятие другими участниками коллектива.

Результаты определения социометрического статуса подростков представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты определения социометрического статуса подростков

Социометрический статус	Доля подростков (в %)
Звёзды	29,20%
Предпочитаемые	0%
Принятые	25%
Пренебрегаемые	12,5%
Отвергаемые	20,80%
Изолированные	12,5%

Результаты социометрического исследования свидетельствуют о наличии в группе подростков с разным статусом: 29,2% (7 человек) являются «Звездами», демонстрируя высокий авторитет и популярность, а 25% имеют статус «Принятых», успешно интегрируясь в коллектив, но не занимая лидирующей позиции. При этом 20,8% подростков относятся к категории «Отвергаемых», испытывающих трудности в установлении отношений со сверстниками, и по 12,5% составляют группы «Пренебрегаемых» и «Изолированных», что указывает на пассивность и незаметность части подросткового коллектива.

В целом, результаты социометрического исследования показали сложную картину межличностных отношений в группе подростков. Наличие ярко выраженных «Звезд» свидетельствует о сильной лидерской позиции некоторых подростков. Вместе с тем, наличие «Отвергаемых» и «Пренебрегаемых» указывает на проблемные отношения в группе и нуждающихся в поддержке подростках.

Результаты диагностики самооценки и самопринятия как компонентов «Я-концепции» подростков представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты диагностики самооценки и самопринятия как компонентов «Я-концепции» подростков

Компонент «Я-концепции»	Уровень	Доля подростков (в%)
Самооценка	Высокий	33,3%
	Средний	37,5%
	Низкий	29,2%
Самопринятие	Высокий	29,2%
	Средний	37,5%
	Низкий	33,3%

В исследуемой группе подростков преобладают дети со средним уровнем самооценки (37,5% – 9 человек), за которыми следуют подростки с

высокой самооценкой (33,3% – 8 человек) и низкой самооценкой (29,2% – 7 человек); аналогичное распределение наблюдается и по уровню самопринятия, где средний уровень также составляет 37,5% (9 человек), низкий – 33,3% (8 человек) и высокий – 29,2% (7 человек), что свидетельствует о разнообразии личностных особенностей и отсутствии единого «шаблона» отношения к себе в группе.

Сопоставление результатов диагностических методик показало, что большинство «Звезд» отличаются высокой самооценкой и самопринятием, что подтверждает связь между успешностью в межличностных отношениях, уверенностью в себе и позитивной Я-концепцией, в то время как среди «Отвергаемых» и «Пренебрегаемых» преобладает низкая самооценка и низкий уровень самопринятия, указывая на взаимосвязь проблем в общении с неуверенностью в себе, застенчивостью и негативным отношением к себе.

Для оценки влияния общения на развитие «Я-концепции» подростков был рассчитан коэффициент корреляции Спирмена (таблица 3).

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи между социометрическим статусом подростков и компонентов «Я-концепции»

Переменные	Коэффициент корреляции (rs)	Уровень значимости (p)
Социометрический статус / Самооценка	0,723	<0,01
Социометрический статус / Самопринятие	0,691	<0,01

Анализ результатов выявил статистически значимую высокую положительную взаимосвязь между социометрическим статусом подростка и его самооценкой как компонентом Я-концепции ($rs=0,723$, $p < 0,01$), что свидетельствует о прямой зависимости признания со стороны сверстников от уверенности в себе, при этом была также обнаружена статистически значимая заметная положительная взаимосвязь между социометрическим статусом и самопринятием ($rs=0,691$, $p < 0,01$), указывающая на то, что социальное одобрение играет ключевую роль в формировании позитивной Я-концепции и чувства собственной значимости у подростков.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что существует положительная взаимосвязь между социометрическим статусом подростка в группе сверстников и уровнем развития таких компонентов «Я-концепции», как самооценка и самопринятие, что говорит о том, что общение оказывает влияние на формирование и структурирование Я-концепции подростков, помогая им в осознании собственной ценности и места в социальном мире.

Список литературы:

1. Бесаева А. Г., Кочисов В.К., Гогицаева О.У. Я-концепция как фактор личностного самоопределения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 3(22). С. 30-33.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл, Эксмо, 2005. 1136 с.
3. Долгова В.И., Кошелева А.А. Феномен «Я-концепция» подростка // Вестник ЮУрГГПУ. 2016. №7. С. 139-143.
4. Марцинковская Т. Д. Психология подростка в ответ на вызовы современности: сплав традиций и инноваций // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 187-197.
5. Сачкова М.Е. Психология среднестатусного учащегося: монография. М.: Юрайт, 2024. 202 с.

УДК 159.9:796

Сторчак С. Д., Алешин Е. А.

*Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар,
Россия*

ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯРНЫХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В обзоре представлен анализ современных научных данных, касающихся взаимосвязи систематической двигательной активности и психоэмоционального состояния индивида. На основе десяти актуальных исследований (2023-2025 гг.) детально рассматриваются нейробиологические основания наблюдаемых эффектов, включая модуляцию уровня нейромедиаторов (эндорфины, серотонин, дофамин) и гормонов стресса. Особое внимание уделено эмпирическим доказательствам эффективности физической культуры в снижении уровня стресса, тревожности и депрессивной симптоматики в различных группах населения. Синтезированы данные о сравнительном влиянии различных видов нагрузок, а также о роли физической активности в комплексной поддержке лиц с диагностированными психическими расстройствами. Обзор констатирует, что оптимизация двигательного режима представляет собой научно обоснованную и экономически эффективную стратегию укрепления психического здоровья.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние, физическая активность, стресс, тревожность, депрессия, нейробиологические механизмы, студенты, лечебная физкультура, аффективное расстройство, нейрорегуляция.

Введение

Современный социально-экономический контекст, характеризующийся высокой динамикой, информационной насыщенностью и нестабильностью, закономерно коррелирует с ростом психоэмоциональных нарушений среди населения. Как отмечается в исследованиях, в период с 2019 по 2023 год в России количество людей, испытывающих постоянный стресс, увеличилось с 9 до 16,3 тысяч на 100 тысяч населения, а число лиц с умеренным психологическим напряжением возросло с 20 до 28 тысяч [1]. При этом общая распространенность психических расстройств остается значительной, достигая, по некоторым оценкам, более 5,6 миллионов случаев в стране, причем 31% из них составляют психогенные расстройства, 19% - соматогенные, а 16% - расстройства личности [2]. Данная ситуация актуализирует поиск доступных и эффективных немедикаментозных методов профилактики и коррекции, среди которых систематическая физическая активность занимает одно из ключевых мест. Накопленный массив научных данных однозначно свидетельствует, что регулярные занятия физической культурой оказывают многоплановое положительное влияние не только на соматическое, но и на психическое

состояние человека, выступая мощным инструментом регуляции эмоциональной сферы [1, 3].

Цель настоящего обзора – провести анализ влияния регулярных занятий физической культурой на психоэмоциональное состояние человека по данным литературных источников.

Физические нагрузки как основа коррекции психоэмоциональных нарушений

Фундаментальной основой благотворного влияния физических нагрузок выступает комплекс нейрохимических и физиологических изменений. Ведущим механизмом является стимуляция эндогенной опиоидной системы. В процессе и после физической нагрузки, особенно аэробного характера, повышается выработка β-эндорфинов, нейропептидов, обладающих способностью снижать восприятие боли и индуцировать состояние эйфории, что субъективно переживается как улучшение настроения и эмоциональный подъем [3, 4]. Исследование, проведенное среди ветеранов, наглядно показало эту зависимость. Так, использование трекеров активности выявило прямую связь между уровнем физической активности (количество шагов) и снижением депрессивных симптомов [3]. Не менее важен серотонинергический механизм. Физическая активность способствует нормализации синтеза, высвобождения и обратного захвата серотонина - ключевого нейромедиатора, ответственного за стабилизацию настроения, регуляцию циклов сна и бодрствования, а также контроль тревожности [4]. Дисбаланс в этой системе напрямую связан с развитием депрессивных и тревожных расстройств, в то время как его коррекция через упражнения демонстрирует выраженный терапевтический потенциал.

Параллельно происходит модуляция активности гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси. Умеренные регулярные нагрузки способствуют нормализации секреции кортизола, основного гормона стресса, снижая его базальный уровень и улучшая реактивность системы. Это приводит к повышению общей стрессоустойчивости организма [5]. Кроме того, отмечается активация дофаминергической и норадренергической систем, связанных с мотивацией, чувством удовлетворения и когнитивными функциями, а также увеличение выработки мозгового нейротрофического фактора (BDNF), стимулирующего нейропластичность и рост новых нейронных связей [5]. Таким образом, физическая нагрузка действует как естественный нейромодулятор, комплексно оптимизируя биохимическую среду головного мозга.

Эмпирические исследования последовательно подтверждают эффективность данного подхода в отношении конкретных психоэмоциональных нарушений. В контексте стресса мета-анализы указывают на устойчивую отрицательную корреляцию между уровнем физической активности и показателями воспринимаемого стресса. Например, одно из исследований выявило, что среди опрошенных студентов лишь 1,8% демонстрировали высокую устойчивость к стрессу, в то время как 59,6% имели средний уровень адаптации,

требующий длительного восстановления. При этом было отмечено, что менее половины (45,6%) студентов уделяют физической активности рекомендуемое время (от 0,5 до 1,5 часов 1-2 раза в неделю), что косвенно указывает на потенциал для улучшения ситуации через коррекцию двигательного поведения [6]. Более масштабные данные, полученные с помощью Международного опросника физической активности (IPAQ), показывают четкую возрастную динамику: суммарный балл активности снижается с 20-26 у лиц 18-39 лет до 12-15 у группы 40-65 лет и до 2-3 баллов у людей старше 65 лет, что свидетельствует о прогрессирующей гиподинамией с возрастом [7].

Наиболее убедительные данные получены в области коррекции тревожности и депрессии. Специальное сравнительное исследование, в котором участвовали 60 добровольцев, наглядно продемонстрировало дифференциальную эффективность различных видов тренировок. После шестинедельного курса занятий наибольшее снижение ситуативной тревожности было зафиксировано в группе, практиковавшей йогу (-14,8 балла по шкале Спилбергера-Ханина), затем следовали аэробные нагрузки (-9,4 балла) и силовые тренировки (-3,8 балла). Аналогичная динамика наблюдалась и для личностной тревожности: снижение на 9,8, 5,4 и 3,7 балла соответственно. Эти результаты согласуются с данными о том, что комплексные практики, сочетающие физический, дыхательный и медитативный компоненты, оказывают наиболее глубокое воздействие на эмоциональную регуляцию.

Что касается депрессии, то ее профилактика и терапия с помощью физических упражнений подтверждена как в общих популяционных исследованиях, так и в клинических выборках. Контролируемый эксперимент с участием пациентов, страдающих депрессией, продемонстрировал, что добавление к стандартной терапии программы регулярных физических упражнений (3-5 раз в неделю) привело к статистически значимому снижению показателей по шкалам депрессии Бека и тревоги Гамильтона по сравнению с контрольной группой, получавшей только медикаментозное лечение [9]. Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) фиксирует возрастание средних баллов депрессии с возрастом: от 7,2 в группе 18-39 лет до 8,3 в группе 40-65 лет и 9,0 у лиц старше 65 лет, при этом клинически значимые симптомы депрессии отмечаются у 25%, 30% и 35% данных групп соответственно [7]. Эти цифры подчеркивают как масштаб проблемы, так и необходимость активных профилактических мер, среди которых физическая культура играет первостепенную роль.

Отдельного внимания заслуживает роль физической культуры в поддержке специфических групп. Студенчество, находящееся в условиях интенсивных интеллектуальных нагрузок и социальной адаптации, представляет собой группу повышенного риска. Анкетирование 59 студентов экономического университета выявило тревожную картину: 94% респондентов отмечают постоянное нервное напряжение, 85% - регулярный стресс, при этом 43% вообще не занимаются спортом

вне учебного процесса, а 66% скептически относятся к возможности улучшения своего состояния через физическую активность [10]. Эти данные подчеркивают не только высокую распространенность проблемы, но и недостаточную информированность о доступных средствах ее решения. В случае лиц с диагностированными психическими расстройствами физическая культура приобретает реабилитационное значение. Например, для студентов с биполярным аффективным расстройством (БАР) физические упражнения становятся важным инструментом саморегуляции: 26,4% опрошенных студентов с БАР указали, что занятия помогают им справляться с депрессивными эпизодами и апатией. При этом лишь 13,2% респондентов находились в фазе гипомании, благоприятной для активности, а 34% пребывали в фазе депрессии [4]. Лечебная физкультура (ЛФК) официально рекомендуется в рамках комплексной терапии при депрессиях, посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) и синдроме дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), выполняя не только компенсаторную, но и важную социализирующую функцию [2, 11].

Критическим фактором, определяющим успешность применения физической активности, является соблюдение ряда принципов. Во-первых, это регулярность. Всемирная организация здравоохранения рекомендует не менее 150 минут аэробной нагрузки умеренной интенсивности в неделю, что эквивалентно 3-4 занятиям [6]. Во-вторых, важна адекватность нагрузки, ее соответствие индивидуальным возможностям и состоянию здоровья. Чрезмерно интенсивные или неправильно организованные тренировки могут выступать в качестве дополнительного стрессора, приводя к повышению уровня кортизола и переутомлению [5]. В-третьих, ключевое значение имеет субъективное удовольствие от процесса, которое повышает внутреннюю мотивацию и обеспечивает долгосрочную приверженность режиму [3, 4, 12]. Именно поэтому при выборе вида активности рекомендуется отдавать предпочтение тому, что соответствует личным интересам и психофизиологическим особенностям.

Заклучение

Анализ современной научной литературы позволяет утверждать, что систематическая и правильно дозированная физическая активность представляет собой высокоэффективное, физиологичное и доступное средство укрепления психоэмоционального состояния. Ее воздействие реализуется через сложный каскад нейробиологических процессов, приводящих к устойчивому улучшению настроения, снижению уровня стресса, тревожности и депрессивной симптоматики. Полученные эмпирические данные, включая конкретные статистические показатели снижения тревожности, динамику уровня стресса в различных возрастных группах и положительный опыт интеграции ЛФК в клиническую практику, обосновывают необходимость активного внедрения программ адаптивной физической культуры как в общую практику здорового образа жизни, так и в комплексные схемы профилактики и реабилитации психических расстройств. Дальнейшие исследования целесообразно направить на

разработку персонализированных алгоритмов подбора вида и режима нагрузок для различных нозологий и индивидуальных профилей.

Список литературы:

1. Сухина, К.В. Влияние физических нагрузок на психоэмоциональное состояние человека / К.В. Сухина, В.А. Чирков // Вопросы экспертизы и качества медицинской помощи. – 2024. – № 9. – С. 33–36.
2. Дьяченко, Н.Н. Влияние физической активности на психоэмоциональное состояние и снижение уровня стресса / Н. Н. Дьяченко // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 25–29. – DOI 10.33764/2618-981X-2024-5-25-29.
3. Бадертдинова, Р.Р. Влияние различных видов физических нагрузок на снижение уровня тревожности / Р. Р. Бадертдинова, Г. Т. Лихачева // Педагогика современности. – 2025. – № 2-1(32). – С. 17–20.
4. Влияние занятий физической культурой на психологическое состояние студентов с биполярным расстройством / О.А. Сафонова, В.Л. Ковалюк, Д.В. Сафонов, Е.А. Рябчиков // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2025. – № 6. – С. 73–79. – DOI 10.24412/2305-8404-2025-6-73-79.
5. Подлесная, Ю. В. Профилактика стресса и депрессии у студентов с помощью физической активности / Ю. В. Подлесная, С. В. Курылев // Наука-2020. – 2025. – № 3(77). – С. 128–134.
6. Кручинкина, Ю.Ю. Влияние регулярных физических нагрузок на психоэмоциональное состояние человека / Ю. Ю. Кручинкина, И. К. Рагулин // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2025. – № 1-2. – С. 234–238.
7. Рахмаев, Д. Р. Влияние физических нагрузок на психическое здоровье человека / Д. Р. Рахмаев // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2025. – № 2-2. – С. 253–258. [Электронный ресурс]: https://elibrary.ru/download/elibrary_83141788_52568948.pdf - (Дата обращения 19.01.2026).
8. Ситцева, М.С. Влияние занятий физической культурой на психологическое состояние человека / М. С. Ситцева, М. А. Щеголева // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 99-6. – С. 127–130. – DOI 10.18411/tmio-07-2023-353. [Электронный ресурс]: <https://doicod.ru/doi/10.18411/tmio-07-2023-353.pdf> - (Дата обращения 19.01.2026).
9. Юнусова, С.И. Лечебная физическая культура при различных формах психических заболеваний / С. И. Юнусова, С. В. Севодин // Проблемы современной науки и инновации. – 2023. – № 3. – С. 44–48. [Электронный ресурс]: https://elibrary.ru/download/elibrary_54115658_13213174.pdf - (Дата обращения 19.01.2026).
10. Проскурина, Е.Ф. Анализ влияния физической активности на психологическое состояние человека / Е. Ф. Проскурина, К. Ю. Каминская // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № S4. – С. 38–43.
11. Алешин, Е.А. Потенциальные ресурсы физкультурно-оздоровительных технологий в формировании физической культуры личности / Е. А. Алешин // Актуальные вопросы дополнительного профессионального образования в сфере физической культуры и спорта: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 14 ноября 2024 года. – Краснодар: ООО Издательство "Экоинвест", 2024– С. 120-123.
12. Алешин, Е. А. Физическая культура личности студентов ВУЗов / Е. А. Алешин, Г. П. Кесов, А. Р. Саврасов // Актуальные проблемы науки и образования: сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Москва, 14 декабря 2023 года. – Москва: Алеф, 2023. – С. 413-416.

УДК 796

Юркина Н. В., Аникина А. А.

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Аннотация: Статья посвящена влиянию физической культуры на здоровье и психоэмоциональное состояние студентов. Подчеркивается её профилактическая роль, развитие стрессоустойчивости и командных навыков. Анализируются причины низкой вовлечённости студентов в физическую активность. Предлагаются пути повышения мотивации через инфраструктуру, разнообразие программ и цифровые технологии. Комплексное физическое воспитание рассматривается как фактор личностного развития и формирования здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровье студентов; физическая активность; психоэмоциональное состояние; физическая культура; профилактика заболеваний; стрессоустойчивость; мотивация к ЗОЖ.

Современная студенческая среда характеризуется интенсивными учебными нагрузками и высоким темпом повседневной жизни, что существенно увеличивает вероятность гиподинамии и развития стрессовых состояний. Непрерывное воздействие информационных потоков в сочетании с требованиями к высоким образовательным результатам формирует значительное напряжение нервно-психической, интеллектуальной и эмоциональной сфер обучающихся. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, систематическое вовлечение в физическую активность оказывает выраженное положительное влияние на состояние организма и психоэмоциональное благополучие, способствуя снижению проявлений тревожных и депрессивных расстройств [6]. В подобных условиях особую значимость приобретает формирование здорового образа жизни как системы осознанных поведенческих практик, направленных на поддержание физического, психического и социального благополучия студентов. Здоровый образ жизни представляет собой целостную модель жизнедеятельности, основанную на рациональном питании, регулярной двигательной активности, исключении вредных привычек, соблюдении режима сна и обеспечении внутреннего психологического баланса [3].

Развитие научно-технического прогресса обусловило широкое распространение малоподвижного образа жизни, что неблагоприятно отражается на функционировании органов и систем человеческого организма. Физическая культура в данном контексте выступает ключевым элементом здорового образа жизни, являясь эффективным механизмом адаптации организма, способствующим снижению негативных последствий сидячего

образа жизни и ускоренного ритма современной действительности. Регулярная двигательная активность обладает выраженным оздоровительным и восстановительным потенциалом, противодействуя формированию функциональных нарушений и хронических заболеваний. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью осмысления роли физической культуры и здорового образа жизни как ответа на современные вызовы студенческой среды.

Физическая культура в научных исследованиях рассматривается не только как средство поддержания физической формы, но и как фактор профилактики заболеваний. Так, Попов Р.В. отмечает, что она не только повышает физическую подготовку, но и способствует общему улучшению состояния организма [4, с. 1650]. Исследования показывают, что более 40 % студентов в возрасте 18-25 лет не достигают минимальных норм физической активности [1], что увеличивает риски гиподинамии, хронических заболеваний и снижает стрессоустойчивость. Одновременно снижается интерес молодежи к регулярным занятиям спортом, что подчёркивает необходимость разработки эффективных методов вовлечения студентов в физкультурную деятельность.

Физическая культура рассматривается как комплексная система знаний, навыков и мероприятий, направленных на укрепление здоровья, развитие физических качеств и формирование сознательного отношения к телу. Литвинова М.А. и Федотова Г.В. определяют её как систему, обеспечивающую гармоничное развитие личности, сохранение физического и психического здоровья и формирование культуры здорового образа жизни [2]. Для студентов это особенно важно, учитывая длительное сидение и умственные нагрузки, связанные с учебой. Рачеева Д.М. подчеркивает, что физическая культура является важнейшим элементом образа жизни современного студента, компенсируя негативные эффекты перегрузок [5]. Она ассоциируется с ценностями здоровья, самоуважения и социальной активности, выступая фактором личностного развития и социальной адаптации.

Регулярные физические нагрузки оказывают многоплановое влияние на здоровье студентов. Они укрепляют сердечно-сосудистую систему, увеличивают объём лёгких, развивают силу и выносливость, улучшают обмен веществ, осанку и гибкость суставов. Более того, регулярные физические упражнения способствуют улучшению кровообращения и эффективной доставки кислорода к головному мозгу, что положительно влияет на внимание, память и когнитивные функции в целом. Длительное сидение за учебой и высокие интеллектуальные нагрузки часто вызывают у студентов усталость и снижение работоспособности, тогда как активные занятия физкультурой помогают поддерживать оптимальный уровень энергии, повышают бодрость и сопротивляемость утомлению. Физическая активность

положительно сказывается и на психоэмоциональном состоянии: занятия спортом стимулируют выработку эндорфинов и нейромедиаторов, снижая тревожность и улучшая настроение. Современные научные исследования подтверждают, что поддержание высокого уровня физической активности тесно связано с улучшением психоэмоционального состояния студентов, снижением выраженности тревожности и депрессивных проявлений, а также формированием более устойчивой к стрессу психики. Лаврищева А.С. указывает, что систематические тренировки снижают уровень стрессовых гормонов (кортизола и адреналина) и укрепляют нервную систему, повышая адаптационные способности организма [1]. В результате студенты, регулярно занимающиеся физкультурой, легче справляются с нагрузками, усваивают учебный материал и демонстрируют уверенность в себе.

Стоит отметить, что физическая активность также играет важную профилактическую функцию. Регулярная нагрузка умеренной интенсивности помогает снижать вероятность появления ожирения, остеохондроза и других хронических проблем со здоровьем. Систематические упражнения способствуют поддержанию иммунитета и повышению природной сопротивляемости организма. Кроме того, регулярная физическая активность положительно влияет на сон, делая его более продолжительным и восстанавливающим, а также укрепляет иммунную систему, повышая сопротивляемость организма к различным инфекциям и снижая вероятность развития заболеваний. Физическая активность также способствует улучшению эмоционального равновесия. Она облегчает управление стрессовыми ситуациями и поддерживает психическое благополучие. Литвинова М.А. и Федотова Г.В. отмечают, что спортивные занятия развивают умение контролировать эмоции и восстанавливаться после напряжения [2]. Таким образом, физическая культура является эффективным инструментом профилактики заболеваний и формирования навыков саморегуляции у студентов.

Также физическая культура развивает у студентов социальные навыки. В частности, занятия командными видами спорта развивают дисциплину, ответственность и коммуникативные навыки. Игровые и спортивные мероприятия способствуют сплочению групп, формируют лидерские качества и навыки взаимопомощи. Регулярные занятия спортом повышают уверенность студентов, помогают быстрее адаптироваться к новым условиям и эффективнее решать учебные и жизненные задачи.

Несмотря на очевидные преимущества занятий физической культурой, уровень вовлечённости студентов остаётся крайне низким. Проанализировав различные исследования, можно выделить несколько ключевых факторов, влияющих на вовлечённость студентов в физическую культуру:

1. Высокая учебная нагрузка значительно сокращает свободное время студентов, а недостаток мотивации и интереса к спорту приводит к отказу от регулярных тренировок.

2. Ограниченная инфраструктура. Дефицит спортивных залов, оборудования и кружков снижает доступность физической активности для студентов.

3. Рост технологической зависимости и преобладание малоподвижного образа жизни, обусловленные широким распространением цифровых устройств и дистанционных форм взаимодействия, способствуют снижению уровня физической активности. Указанная тенденция особенно обострилась в период пандемии COVID-19, когда закрытие спортивных объектов и переход к онлайн-обучению не только ограничили возможности для занятий физической культурой, но и усилили психоэмоциональное напряжение среди студентов.

4. Психологические барьеры, такие как: страх общественного осуждения, неуверенность в собственных силах и недостаток опыта мешают формированию привычки к регулярным занятиям.

Для повышения интереса студентов к физической активности необходимо применять комплексный и системный подход, объединяющий комфортную инфраструктуру, разнообразие программ и современные технологии. Создание удобных спортивных залов, зон отдыха и доступных площадок способствует регулярной активности, а широкий выбор занятий - от фитнеса и танцев до командных и экстремальных игр - позволяет каждому студенту найти подходящее по уровню подготовки и интересу направление. Одновременно важно формировать культуру здорового образа жизни через лекции, семинары, информационные кампании и массовые спортивные мероприятия, а использование мобильных приложений, шагомеров и челленджей интегрирует физическую активность в привычные цифровые практики молодежи. Поддержка студенческих инициатив, создание клубов и участие в организации событий повышает личную вовлечённость, а психологическая работа и наставничество преподавателей формируют навыки саморегуляции и осознанного отношения к здоровью. Комплексная реализация этих мер в вузах способна значительно стимулировать интерес к активному образу жизни и укрепить привычки, направленные на поддержание здоровья.

Таким образом, анализ современных исследований подтверждает, что физическая культура является неотъемлемым элементом формирования здоровья и благополучия студентов. Регулярная физическая активность оказывает положительное влияние не только на физическое состояние, но и на психоэмоциональную сферу, способствует профилактике заболеваний, развитию социальных навыков и адаптивных механизмов. Вместе с тем, низкий уровень вовлечённости студентов в занятия спортом требует

системного подхода, включающего улучшение инфраструктуры, разнообразие программ, использование цифровых инструментов и воспитание ценностей здорового образа жизни. Только комплексное сочетание этих мер может обеспечить устойчивую мотивацию к физической активности и способствовать гармоничному развитию личности в условиях современной академической среды.

Список литературы:

1. Лаврищева, А.С. Влияние регулярных занятий физической культурой на уровень стрессоустойчивости студентов // Научный Лидер. — 2025. — № 40 (241). [Электронный ресурс]. URL: <https://scilead.ru/article/10028-vliyanie-regulyarnikh-zanyatij-fizicheskoy-k> (дата обращения: 23.01.2026).
2. Литвинова, М.А. Физическая культура в жизни студентов / М.А. Литвинова, Г.В. Федотова // Научный Лидер. — 2025. — № 22 (223). [Электронный ресурс]. URL: <https://scilead.ru/article/9019-fizicheskaya-kultura-v-zhizni-studentov> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Неповинных, Л.А. Анализ уровня физической активности и здорового образа жизни среди студентов ПетрГУ / Л.А. Неповинных, К.К. Шолохова // Мир педагогики и психологии. — 2025. — № 06. [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/analiz-urovnnya-fizicheskoy-aktivnosti-i-zdorogo-obraza-zhizni-sredi-studentov-petrgu.html#:~:text=Здоровый%20образ%20жизни%20—%20это,1%2C%20с.%2049> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Попов, Р. В. Здоровье студентов в современном мире при занятии физкультурой // Вестник науки. — 2024. — №12 (81). — С. 1650-1653.
5. Рачеева, Д. М. Влияние физической культуры на здоровье студентов // Научный Лидер. — 2025. — № 47 (248). [Электронный ресурс]. URL: <https://scilead.ru/article/10343-vliyanie-fizicheskoy-kulturi-na-zdorove-stud> (дата обращения: 23.01.2026).
6. Физическая активность: сайт Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/physical-activity#:~:text=,стимулирует%20моторное%20и%20когнитивное%20развитие> (дата обращения: 23.01.2026).

УДК 376.1-056.34:376.37

Куулар Ш. И.

Тувинский государственный университет (Кызылский педагогический институт имени А. А. Даржая), Кызыл, Россия

КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СЛОВАРЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ И ПОЛИСЕНСОРНЫЙ ПОДХОД

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы коррекционно-логопедической работы по формированию и обогащению словарного запаса у старших дошкольников с задержкой психического развития (ЗПР). Автор обосновывает необходимость применения комплексного, деятельностного и полисенсорного подхода, интегрированного с игровыми технологиями. Особое внимание уделяется потенциалу краеведческого компонента, реализуемого через призму родного (тувинского) языка и культурного контекста, как эффективного средства мотивации, познавательного развития и обогащения лексики. Статья адресована магистрантам, исследователям и практикам в области специального (дефектологического) образования.

Ключевые слова: задержка психического развития, старшие дошкольники, словарный запас, коррекционная работа, краеведение, тувинский язык, полисенсорный подход, игровые технологии, этнокультурный компонент.

Введение. Проблема формирования лексической стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития (ЗПР) остается одной из наиболее значимых в специальной педагогике и логопедии. Для данной категории детей характерны ограниченность словарного запаса, неточность употребления слов, преобладание пассивного словаря над активным, трудности актуализации слов, а также слабая сформированность семантических полей и лексико-семантических связей [5, с. 67]. Эти особенности обусловлены такими базовыми для ЗПР недостатками, как несформированность познавательной активности, сужение объема восприятия, замедленность и хрупкость процессов запоминания, снижение вербально-логического мышления [4].

Традиционные методы лексической работы часто оказываются недостаточно эффективными в силу низкой мотивации детей с ЗПР и оторванности учебного материала от их жизненного опыта. В этой связи возникает необходимость в поиске таких содержательных и методических средств, которые, с одной стороны, соответствовали бы психофизиологическим особенностям детей с ЗПР, а с другой – обладали мощным развивающим и мотивирующим потенциалом. Таким средством, на наш взгляд, выступает **краеведческий компонент**, реализуемый в неразрывной связи с **родным (тувинским) языком** и **культурным**

контекстом. Его интеграция в коррекционный процесс позволяет построить работу на близком и эмоционально значимом для ребенка материале, что является ключевым условием для детей с ЗПР.

Цель данной статьи – теоретически обосновать модель коррекционной работы по формированию словаря у старших дошкольников с ЗПР, основанную на комплексном, деятельностном и полисенсорном подходе с использованием игровых технологий и краеведческого содержания.

Теоретические основы формирования словаря у дошкольников с ЗПР. Лексическое развитие ребенка с ЗПР протекает замедленно и качественно иначе, чем в норме. Исследования Л.В. Яссман, Е.С. Слепович, Р.Д. Триггер и других указывают на то, что у таких детей долгое время сохраняется диффузность, размытость значений слов, возникают специфические трудности в установлении системных связей между словами [5, с. 9]. Коррекционная работа, поэтому, не может сводиться к простому наращиванию номинативного словаря. Она должна быть направлена на углубление понимания смысла слов, установление парадигматических (синонимия, антонимия, родо-видовые отношения) и синтагматических (сочетаемость) связей, активизацию речевого поиска.

Эффективность такой работы многократно возрастает при опоре на **деятельностный и полисенсорный подход.** Для ребенка с ЗПР слово должно быть не просто услышано, но **увидано** (предмет, картинка, действие), **осязано** (тактильное обследование предмета), **действительно опробовано** (манипуляция с предметом, обыгрывание ситуации). Это соответствует наглядно-действенному и наглядно-образному характеру мышления, преобладающему при ЗПР [4]. Комплексное задействование анализаторов (зрительного, слухового, тактильного, кинестетического) создает прочную нейрopsихологическую основу для усвоения лексики.

Краеведческий компонент как содержательная основа обогащения словаря. Краеведение предоставляет уникальный, естественный и бесконечно разнообразный материал для лексической работы. В контексте Республики Тыва его интеграция с родным языком и культурой приобретает особую значимость. Б.В.Салчак считает, что национальное самосознание закладывается в дошкольном возрасте и что, материальной основой национального самосознания в период дошкольного детства является отношение детей к родному краю, к Родине [6, с. 45].

1. **Мотивационный аспект.** Близкие и понятные темы («Наша юрта», «Семья», «Домашние животные», «Праздник Шагаа», «Народные игры» и т.д) вызывают у ребенка живой интерес и эмоциональный отклик, что критически важно для преодоления интеллектуальной пассивности при ЗПР.

2. **Содержательный аспект.** Краеведение позволяет обогащать словарь по конкретным, взаимосвязанным лексико-тематическим группам:

3. **Природа и географические объекты**

хем (река), *даг* (гора), *хову* (степь), *аржаан* (целебный источник), *теве* (верблюд), *инек* (корова), хадың (береза).

- **Культура и быт:** *өг* (юрта), *барба* (сумка), тон (национальная одежда), *хомус* (музыкальный инструмент), *хөөмей* (тувинское горловое пение).

- **Традиции и деятельность:** *Шагаа* (Новый год), *Наадым* (праздник животноводов), национальные игры, народная медицина.

Усвоение слов происходит в их естественной смысловой и культурной связи, что способствует формированию семантических полей. Например, тема «Тыва – мой край родной» объединяет такие темы как, Символика Тывы: герб, флаг, гимн республики Тыва, карта, основное хозяйство. Мой город, мое село - происхождение, достопримечательности. Животный мир Тывы. Растительный мир Тывы. Природа Тывы. Полезные ископаемые Тывы.

4. **Культурно-идентификационный аспект.** Работа с родным языком в краеведческом контексте способствует не только речевому, но и личностному развитию, формированию этнокультурной идентичности, что является важной частью социализации ребенка.

5. **Методический инструментарий: комплексный и игровой подход.** Реализация краеведческого содержания требует особой методики, адаптированной для детей с ЗПР. Ядром этой методики должны стать **игровые технологии** как ведущая деятельность дошкольника.

Предлагается комплекс игр и упражнений полисенсорного характера:

1. **Тактильно-ассоциативные игры:** «Волшебный мешочек» (узнать на ощупь предмет тувинского быта – *хомус*, *чавага* – заколка, ложку из бересты, назвать его на русском и тувинском языке).

2. **Дидактические игры с наглядностью:** Лото «Животные Тывы», «Собери юрту» (подбор частей к целому с названием), «Четвертый лишний» в рамках темы «Улицы моего села или города».

3. **Сюжетно-ролевые и драматизации:** «Сайзанак», «Праздник Шагаа», где дети используют в речи усвоенную лексику в коммуникативных ситуациях.

4. **Экспериментально-исследовательская деятельность:** Рассмотрение и сравнение образцов тувинских камней (агальматолит), шерсти разных животных, природу и животный мир с составлением описательных рассказов с помощью мнемотаблиц.

5. **Проектная деятельность (в упрощенной форме):** Создание альбома «Моя Тыва» с рисунками, фотографиями и подписями (с помощью взрослого).

Работа должна носить **комплексный и междисциплинарный характер**, объединяя усилия логопеда, воспитателя, психолога и родителей.

Занятия строятся по принципу от простого к сложному, с многократным повторением и закреплением материала в разных видах деятельности.

Заключение. Таким образом, коррекционная работа по формированию словаря у старших дошкольников с ЗПР может достичь высокой эффективности при условии: 1) опоры на **краеведческий компонент**, интегрированный с родным (тувинским) языком и культурой, как на основное содержательное и мотивационное ядро; 2) реализации **комплексного, деятельностного и полисенсорного подхода**, обеспечивающего прочное усвоение лексики через многоканальное восприятие и практические действия; 3) системного применения **игровых технологий**, соответствующих возрастным и психологическим особенностям детей с ЗПР.

Разработанная модель способствует не только количественному и качественному обогащению словарного запаса, но и активизации познавательных процессов, развитию эмоционально-волевой сферы и успешной социокультурной адаптации ребенка. Данное направление требует дальнейшей научной и методической разработки, создания специализированных дидактических материалов с учетом этнокультурной специфики региона.

Список литературы:

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика тувинского народа / Г.Н. Волков, К.Б. Салчак, А.С. Шаалы. – Текст : непосредственный // Кызыл : издательско - полиграфический отдел "Билиг" Института развития национальной школы. – 2009. - 211 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Текст : непосредственный. 5-е издание, исправленное. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Лебединская, К. С. Нарушения психического развития в детском и подростковом возрасте : учебно-пособие для вузов / К. С. Лебединская. – Москва : Академический Проект, 2011. – 304 с.
4. Лалаева, Р. И. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя) / Р. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова. – Текст : непосредственный // Санкт-Петербург : СОЮЗ, 1999. – 160 с.
5. Слепович, Е. С. Игровая деятельность дошкольников с задержкой психического развития / Е. С. Слепович. – Москва : Педагогика, 1990. – 96 с.
6. Фуряева Т.В. Дошкольное образование: культурно - антропологический подход. коллективная монография / Т.В.Фуряева, Б.В.Салчак, Ч.М.Ондар. – Текст : непосредственный // Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева, 2011. – 370 с.
7. Яссман, Л. В. Особенности употребления грамматических категорий детьми с задержкой психического развития : автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук. / Л. В. Яссман. // – Текст : электронный URL : http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1976/Yassman_L_V_1976.pdf (дата обращения: 14.11.2025) Режим доступа: свободный. // Москва : – 1976. – 25 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО 3

Рамазанова Б. Р.

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ
ДАГЕСТАН..... 3

Хуако А. А., Осипов А. В.

ФИЗИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЧВЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА
СЕЛЕКЦИЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР 11

Семенова Е. А.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРСОНАЛА..... 17

Медведева Д. Д.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР СТРАТЕГИИ
КОМПАНИИ 22

Курахова М. М.

О РАЗВИТИИ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН..... 28

Егоров М. В.

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ПРИ ВНЕДРЕНИИ СТРАТЕГИЙ
ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ..... 34

Пейчева А. О.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОД/ФТ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
БАЗЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА 39

Баранова Г. А.

ЗАЩИТА УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КАК ИНСТРУМЕНТ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОХРАНЫ ПРАВ (АНАЛИЗ СТ. 105, 111, 131, 134
УК РФ)..... 43

КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО 49

Пономарев Н. Ф.

МЕМЫ И АЛЛЮЗИИ..... 49

Пономарев Н. Ф.

МЕМЫ КАК ОБРАЗЦОВЫЙ МЕДИАПРОДУКТ 54

Пономарев Н. Ф.

МЕМЫ И ЦИФРОВОЙ КИТЧ..... 59

Мугтабарова А. Р.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА
ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ЕСТЕСТВЕННЫЕ

И СОЦИАЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМПАТИИ И АЛЬТРУИЗМА	64
Чернявская А. А., Рыхлик А. Н. ГОРОД КАК СРЕДА БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ	70
Кущев Д. В. ЦИФРОВЫЕ СРЕДЫ КАК НОВАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	81
Рудниченко Д. Е. О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАНИЯ ЯЗЫКА ТАНЦА	87
Расторгуева Е. А. ВНЕУЧЕБНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МАРИИНСКИХ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)	92
Сидорова Ю. А. ТРУДНОСТИ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА	96
Ломко Л. Я. РЕАЛЬНОЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА «ГАРДАРИКИ», ИЗВЕСТНОГО НАМ ПО СКАНДИНАВСКИМ САГАМ.....	103
Волосевич М. Б. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МИЛОСЕРДИЕ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ.....	108
Пивненко В. Ю. РЕФОРМЫ СОВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1970–1980-Х ГОДАХ: ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ И УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	114
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ	126
Кокотова В. Р. ¹ , Соленова Р. И. ² УПРАВЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКИМ СПОРТОМ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	126
Киселёва Е. О. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРЕНИНГА САМОРЕГУЛЯЦИИ В СНИЖЕНИИ СКЛОННОСТИ К АДДИКТИВНЫМ ФОРМАМ ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ АВТОЗАПРАВОЧНОЙ СТАНЦИИ	133

- Глушков А. Е.
ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ У
СОТРУДНИКОВ ЧАСТНОГО ОХРАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ 141
- Голубничая Е. В., Полева А. В.
СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ НАРЦИССИЗМА В РАННЕМ
ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 149
- Голубничая Е. В., Полева А. В.
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ НАРЦИССИЗМА В РАННЕМ
ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ 154
- Котоликова Т. Г.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК КЛЮЧЕВОЙ
ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИТОГОВОЙ
АТТЕСТАЦИИ ПО ИСТОРИИ 163
- Ивлинова Ю. И.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ
РАЗВИТИЯ НЕПРОДУКТИВНОГО НАВЫКА ВОСПРИЯТИЯ НА
СЛУХ НА ЭТАПЕ ТРЕНИРОВКИ У УЧАЩИХСЯ 6-7 КЛАССОВ ... 168
- Иремадзе Э. О., Аптикаева Р. Н., Мухаметова М. И.
ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КАТАЛИЗАТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ
ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ 173
- Синюгин Е. Е., Шеронов В. В.
МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УЧАСТИЕ
СТУДЕНТОВ В СПОРТИВНЫХ СЕКЦИЯХ 177
- Круглова Е. Н.
ОБЩЕНИЕ СО СВЕРСТНИКАМИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ И
ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ «Я-КОНЦЕПЦИИ» 183
- Сторчак С. Д., Алешин Е. А.
ВЛИЯНИЕ РЕГУЛЯРНЫХ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА 190
- Юркина Н. В., Аникина А. А.
РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО
ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ 195
- Куулар Ш. И.
КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ СЛОВАРЯ У
ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ

ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ И
ПОЛИСЕНСОРНЫЙ ПОДХОД 200